

ИЗ ИСКРЫ

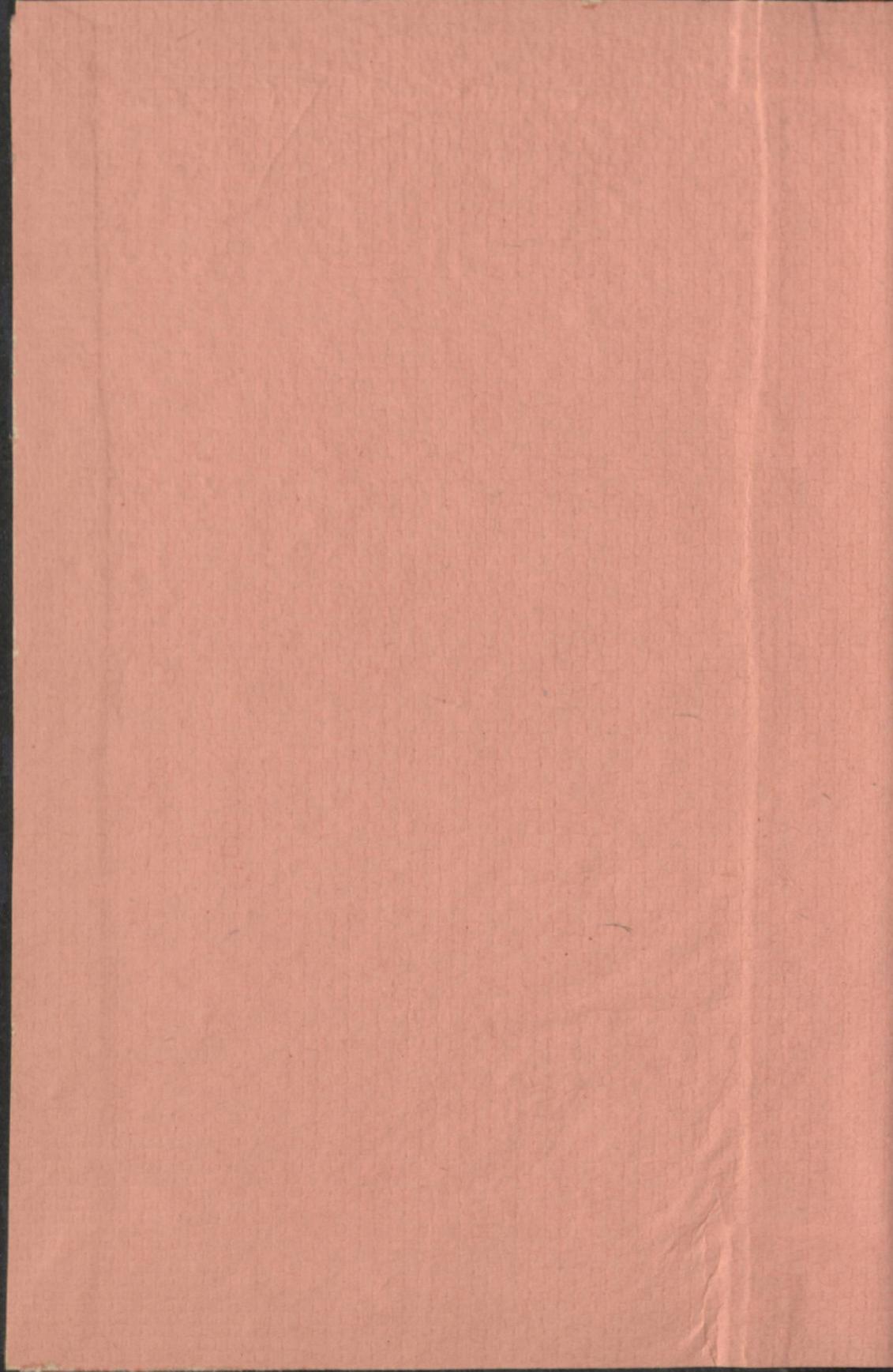
ПЛАМЯ

РАБОЧИЙ
ЧТЕЦ-
ДЕКЛАМАТОР

СОСТАВИЛ
С. ОБРАДОВИЧ

Изд. В-Ц-С-П-С
МОСКВА 1925

А. КУРНОУКОВ

ИЗ ИСКРЫ—ПЛАМЯ

РАБОЧИЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР

МУК РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

МУЗЕЙ С.А. Есенина

Г-44к 654

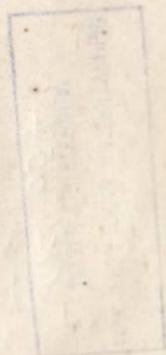
А071-469

СОСТАВИЛ
С. ОБРАДОВИЧ

Издательство ВЦСПС Москва
1925

ВНЕШНЕ-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ВНЕШНЕ-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Годовик № 31.291.

Тираж 8.000 экз.

Тип. РИО ВЦСПС. Москва, пл. им. т. Ногина, 4-й д. Союз.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Две цели преследовал составитель: 1) избранным из мировой поэзии революционным, художественным произведением выявить общность эксплуатации трудящихся всего мира и общность—неразрывность классовой борьбы за социализм, и осветить по возможности полнее в поэтическом отображении развитие русского революционного движения и Октябрьской революции; и 2) для клуба городского и сельского, для эстрады рабочей, крестьянской, красноармейской, комсомольской сконцентрировать литературные произведения по отделам к дням рабочих революционных праздников *так*, чтобы—при небольшой инициативе—устроитель вечера мог дать слушателю яркий и соответствующий вечеру поэтический материал.

Как и во всяком начинании, возможно, есть недочеты и в этой книге. Надеюсь, что критические указания помогут в будущем исправить их.

С. О.

I

ИЗ МГЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ ГИМН.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Вставай, проклятьем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разруем
До основанья,—а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

 Это есть наш последний
 И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и ни герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!...

 Это есть наш последний
 И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты—никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

ИНТЕРНАЦИОНАЛ написан французским поэтом-социалистом Эженем Потье в 1877 году. По социальному положению Эжен Потье—рабочий. Активно участвовал в революции 48-го года. Позднее примкнул к Интернационалу. Был членом Коммуны. По подавлении ее бежал в Америку. Вернулся после амнистии 1880 г. и примкнул к марксистской франц. рабочей партии. Род. в 1816 г., умер в 1887 г.
Русский перевод ИНТЕРНАЦИОНАЛА сделан Я. Брониним.

МАРСЕЛЬЕЗА.

Вперед, сыны родного края!
Пришел день славы. Страшный враг,
Насильем право попирая,
На нас поднял кровавый стяг.
В селеньях горе и тревога,
Смятенье, дикий крик солдат,
Зарезан сын, зарезан брат
У оскверненного порога.

К оружию, граждане! На землю
Пусть кровь бесчестная падет,
Строй батальоны, и вперед.
Вперед, вперед, вперед!

Цари, отвергнутые нами,
Толпы изменников, рабов,
Вы нам готовили годами
Железо тяжкое оков!
Для нас, для нас! Какое горе!
Французов смеют оскорблять,
Задумав нас в бесчестном споре
В рабов старинных обращать.

К оружию, граждане...

И т. д.

Как? Нам грозят войска чужбины
Сковать законом наш очаг,
И наши гордые дружины
В пыли растопчет наглый враг?
О, боже, рабскими руками
Наш лоб наклонят под ярмо...
Тиранам дерзким суждено
Судьбы родной быть господами.

К оружию, граждане...

И т. д.

Дрожи, тиран, решенье смело:
Измене сгнуть суждено,
Братоубийственное дело
Уже разгадано давно.
Мы все на бой пойдем рядами,
И если юных строй падет,
Сама земля произведет
Иных бойцов на битву с вами.

К оружию, граждане...

И т. д.

Пусть лягут старшие в могилу,
Когда настанет наш черед,
Их прах святой вдохнет в нас силу
И смелость новую вдохнет.
Идя на путь, покрытый славой,
Мы не хотим их пережить,
Мы страстно жаждем отомстить
И разделить их гроб кровавый.

К оружию, граждане...

И т. д.

На бой! На милость и прощенье
Несчастливым жертвам и рабам,

Кого толкает принужденье
На помощь жалкую врагам.
Им оказать мы милость рады.
Но смерть тиранам! Как прощать
Тигренка, душащего мать?
Тиранам смерть, — и нет пощады!

К оружию, граждане...

И т. д.

Любовь к отечеству святая,
Пошли нам в помощь месть свою;
И ты, свобода дорогая,
Храни защитников в бою,
Чтоб, истомясь в борьбе кровавой
Под сенью вольности знамен,
Враг был разбит и поражен
Твоей победой—нашей славой.

К оружию, граждане...

И т. д.

Перевел Вл. Лидыженский.

КАРМАНЬОЛА.

Революционная песня (1792 г.).

Мадам Вето ¹⁾ грозилась вишь, (2 р.)
Что передушит весь Париж. (2 р.)
Но, черт ее дери,—
Не дремлют пушкари!

Припев:

Эй, спляшем Карманьюлу!
И пушек гром и пушек гром.
Эй, спляшем Карманьюлу!
Раздастся пусть кругом!

А сам Вето ²⁾ божился как, (2 р.)
Что он-де Франции не враг. (2 р.)
Но не сдержал обет,—
Ему пощады нет.

Припев: Эй, спляшем Карманьюлу!

И королева поклялась, (2 р.)
Что нас посадит задом в грязь. (2 р.)

Но кто кого — вопрос.
Самой расшибли нос!

Припев: Эй, спляшем Карманьюлу!

Любимая песня якобинцев во время Великой Французской Революции. Автор ее неизвестен.

¹⁾ Народное прозвище королевы Антуанетты, жены короля Людовика XVI, намекающее на право королевской власти налагать запрещение (veto) на решения парламента.

²⁾ Прозвище короля Людовика XVI.

Король себя героем мнил, (2 р.)
Он нашей силы не ценил. (2 р.)

Ну, грубиян-король,
В тюрьме сидеть изволь!

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Грозила стража пред дворцом, (2 р.)
Что нас попотчует свинцом. (2 р.)

Но в воздухе тогчас
Сама пустилась в пляс.

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Антуанетту у тюрьмы (2 р.)
Насилу удержали мы. (2 р.)

В печенках ей печет,
Что весь пропал почет!

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Увидевши рытье могил, (2 р.)
Людовик парням заявил, (2 р.)

Что он-де не бандит,
Хоть и в тюрьме сидит.

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Тот санкюлоту верный друг, (2 р.)
Кто держит молот, водит плуг. (2 р.)

Сомкнемся тесно в ряд
В дни грозных баррикад!

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Бароны, графы и князя — (2 р.)
Им монархисты все друзья. (2 р.)

Но будет эта рать,
Как зайцы, удирать.

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Клялись жандармы там и тут— (2 р.)

Они-де родину спасут. (2 р.)

Но все пошло вверх дном
При окрике одном.

Припев: Эй, спляшем Кармоньолу!

Друзья, держите тверже шаг, (2 р.)

И нам не страшен будет враг! (2 р.)

Пусть только нападут,—
Костей не соберут.

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Я санкюлот—и до конца, (2 р.)

На зло громилам из дворца! (2 р.)

Да здравствует борьба
И наша голытьба!

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Мы не забудем (ну, еще-б!) (2 р.)

Про санкюлотов из трущоб. (2 р.)

Всем нашим—слава, честь!
Врагам—и смерть и месть!

Припев: Эй, спляшем Карманьолу!

Перевел Владимир Василенко.

БАЙРОН.

(1759-1824 г.)

ИЗ „ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА“.

Мужай, Свобода! Ядрами пробитый,
Твой поднят стяг наперекор ветрам;
Печальный звук твоей трубы разбитой
Сквозь ураган доселе слышен нам.

Цветов уж нет. Уж по твоим ветвям
Прошел топор, и ствол твой обнажился,
Но жизни сок еще струится там.
Запас семян под почвой сохранился,
И лишь весна нужна теплей, чтоб плод родился.

Пер. С. А. Ильин.

Знаменитый английский поэт. В 1821 г. принимал участие
в восстании Италии; в 1823 г.—в восстании Греции.

ШЕЛЛИ.

(1792—1822)

ПЕСНЬ К БРИТАНЦАМ.

Британцы, зачем вы волочите плуг
Для лордов, что в тесный замкнули вас круг?
Зачем вы готовите пышные платья
Тиранам, которые шлют вам проклятья?

Зачем бережете вы, жалко стена
От первого дня до последнего дня,
Шершней беззастенчивых, пот ваш сосущих,
Не пот ваш сосущих, а кровь вашу пьющих?

Зачем вы, о пчелы родной стороны,
Оружье и цепи готовить должны?
Чтоб шершни без жала, презревши заботы,
У вас отнимали добычу работы?

У вас есть достаток, досуг и покой,
Уют и слиянье с душой дорогой,
Что ж вы покупаете этой ценой,
Томленьем и страхом и мукой тройной?

Хлеба вы взрастили,—другой их пожнет;
Богатство нашли вы,—другой их возьмет;
Вы платье соткали—кому?—для чужого;
Оружье сковали—для власти другого.

Растите хлеба, — но не наглым глупцам;
Ищите богатства, — не дерзким лжецам;
И тките одежду — на смерть паразиту,
И куйте оружие — себе на защиту.

Ну, прячтесь в подвалы, отверженный род,
Вы строили замки, другой в них живет.
Вы цепи трясете, что сами сковали,
Дрожите пред силою вашей же стали.

Берите ка заступ, ну-ну, не робей!
Наметьте могилы, копайте скорей,
И, в саван одевшись, толпой бледнолицей,
Умрите, вам Англия будет гробницей!

Пер. К. Бальмонт.

Знаменитый английский поэт, Неудачная агитация его против английского общества и правительства вызвала гонение на него: вместе с Г. Байроном он уехал из Англии; в 1822 г. утонул в заливе Специи.

ТОМАС ГУД.
Английский поэт.
(1796—1845)

ПЕСНЬ О РУБАШКЕ.

Затекшие пальцы болят
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иглой в руках.
Шьет-шьет-шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет,
Поет о рубашке она.

„Работай! работай! работай,
Едва петухи прокричат!
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — ворот —
Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О, братья любимых сестер!
Опора любимых супруг, матерей!
Не холст на рубашках вы носите, нет,
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!
В грязи, нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна!

Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостья приди...
Похожа от голода я на нее;
Здоровье не явится вновь.
О, боже! Зачем это дорог так хлеб,
Так дешево тело и кровь?

Работай! работай! работай!
Мой труд бесконечно жесток.
Оплата—отрепья, солома в углу,
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол—голый пол—
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

Работай! работай! работай,
От боя до боя часов.
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников.
Строчка—ластовка—ворот—
Ворот—строчка—рубец...
Застелет глаза, онемееет рука,
И сердце замрет под конец!
Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло.
Работай! работай! работай,

Когда и светло и тепло—
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня
И кажут мне яркие спинки свои
И дразнят весною меня.

О! Только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами!
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами!
О, только бы час лишь пожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!

О, только бы час лишь один!
Лишь миг!.. чтоб душа ожила...
Любовь и надежда, и мига вам нет!
Все время печаль отняла!
Поплакать бы, легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои, не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить.
Шитья мое не мочите!».

Затекшие пальцы болят
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иглой в руках.
Шьет—шьет—шьет,
В грязи, нищете, голодна,
И жалобно-горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет?..
Поет о рубашке она..

Перевел А. Михайлов.

ПЕСНЯ РАБОТНИКА.

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Вот руки вам: и в сад, и в поле,
И всюду с радостью пойду;
Я приучен давно к труду
В его суровой, долгой школе,
Плетень заплесть, канавы рыть,
Свалить в стоги сухое сено,
Принести тяжелое полено,
И наколоть, и нарубить —
Я все готов, и на работе
Со мной огнива не найдете.

Я не сожгу вас: я не враг...
Я рад бы только свой очаг
Зажечь, чтоб в сумрак дней холодных
Согреть детей своих голодных:
Согреть их, слабеньких и хилых,
Чтоб в зимний вечер камелек
На бледных щечках, в глазках милых
Разлил веселый огонек...
Не я, а Тот, кто наши нивы
И иссушит и оживит,
Кто тиной в вешние разливы
Долины наши затопит, —
Пусть он судьбы грозу направит
На кровлю скряги, в барский лес

И в красном зареве небес
Свой гнев карающий проявит!

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Не бойтесь тружеников бедных,
Давайте только нам труда,—
Я вашей дичи никогда
Не трону в рощах заповедных.
Я не вломлюсь, как вор ночной,
К его сиятельству в покой
Из-за корысти и из лени;
Не буду ваших егерей
Во рву душисть из-за грошей.
Не трону графского оленя...

Я не хочу мирского хлеба,
Билета нищих и калек:
Я—сын земли, я человек,—
Для всех одни земля и небо!
Я буду требовать везде
Себе дневного пропитанья,
Труда, участия в труде,
А не людского подаянья.

Мне, люди, так же, как и вам,
Был прародителем Адам,
Хоть только случаем рожденья
Я обречен на все лишенья
И рад, когда в семье своей
Могу немножко посвободней
Вздыхнуть по милости господней,
А не по милости людей.

Давайте заступ, грабли, лом,
Заставьте ниву жать серпом,
Давайте кирку и лопату—

На все готов и силен я,
И горе тем, кто у меня
Отнимет трудовую плату,
Кто беднякам дает расчет,
За все штрафую бессердечно,
А после в кружку грош кладет
На тех, кого он грабит вечно...
Ведь этот шиллинг роковой
Найдет меня, но у могилы,
Когда не станет больше силы, —
Или в тюрьме, или с сумой.

Вольный пер. И. Бунина.

ЭБИНЕЗЕР ЭЛЛИОТ.
Английский поэт. Кузнец.
(1781—1840)

СЕМЬЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИЯ.

Они, как воры, в дом вошли,
Весь скарб, всю мебель унесли
Все—и приданую кровать:
Бедняк на досках может спать!
Сжимая грозно свой кулак,
Хозяин им во след взглянул,
Нахмурил лоб, рукой махнул
И от жены ушел в кабак.

Ура! Да здравствует Англия!
Да здравствует хлебный налог!

Жена в отчаяньи—одна;
Рукой изсохшею она
Ребенка бледного берет
И душит в ужасе и бьет,
И к жизни хочет вновь воззвать...
Напрасно: труп ребенка нем,
Кричит безумная: зачем
Меня не задушила мать?

Ура! и т. д.

Завернут в грязное тряпье,
В вонючем ящике забит,
Без погребения лежит
Другой умерший сын ее.
У ней нет денег гроб купить,
Могилу даром не дадут,
Попы без денег не придут
Обряд последний совершить.

Ура! и т. д.

У них еще была и дочь:
Она ушла от них туда,
Где нет ни чести, ни стыда..
Ей нищета была не в мочь
И смерть пред нею впереди..
Ей гробом был рабочий дом,
Она перед последним сном
Звала: о мать моя, приди!
Ура! и т. д.

Увы! Напрасен этот стон,
Перед судьбою смущена,
Трепещет мать. Не скажет он,
Что сумасшедшая она.
Допрос не долог. Кончен суд.
Ее на площадь привели;
Шатаясь, муж стоит вдали,
И все, на казнь смотреть идут.
Ура! и т. д.

О, богачи: за вас закон!
Не слышен вам голодных стон.
Ваш взор суров, ваш дух жесток,
Вы нищих прячете в острог.
Но неизбежен мести час!
Рабочий проклинает вас!
И то проклятье не умрет,
А перейдет из рода в род!
Ура! Да здравствует Англия!
Да здравствует хлебный налог!

Перев. К. Бяльмонт.

БЕРАНЖЕ.

Французский
поэт
(1790—1857)

СОН БЕДНЯКА.

„Милый, проснись!.. Я с дурными вестями:
Власти наехали в наше село,
Требуют подати... Время пришло...
Как разбужу его?.. Что будет с нами?

Встань мой кормилец, родной, мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Ах, не к добру ты заспался так долго...
Видишь, уж день... Все до нитки, чуть свет,
В доме соседа, на старости лет,
Взяли в зачет неоплатного долга.

Встань, мой кормилец, и т. д.

Слышишь, ворота никак заскрипели?
Он на дворе уж... Проси у него
Сроку хоть месяц... Хоть месяц всего...
Ах!.. Если б ждать эти люди умели...

Встань, мой кормилец, и т. д.

Бедные! Бедные! Весь наш излишек—
Мужа лопата да прялка жены;
Жить ими, подать платить мы должны
И прокормить шестерых ребятишек.

Встань, мой кормилец, и т. д.

Нет ничего у нас. Раньше все взято...
Даже с кормилицы—нивы родной,
Вспаханной горькою нашей нуждой,
Собран весь хлеб для корысти проклятой.

Встань, мой кормилец, и т. д.

Вечно работа и вечно невзгода.
С голоду еле стоишь на ногах...
Все, что нам нужно, все дорого—страх,
Даже и соль—этот сахар народа!

Встань, мой кормилец, и т. д.

Выпил бы ты... Да от пошлины тяжкой
Бедным и в праздник нельзя пить вина...
На, вот, кольцо обручальное—на!
Сбудь за бесценок... И выпей бедняжка!

Встань, мой кормилец, и т. д.

Спишь ты!.. Во сне твсем, может быт, свыше
Счастье, богатство послал тебе бог...
Будь мы богаты—так что нам налог?
В полном амбаре две лишние мыши.

Встань, мой кормилец, и т. д.

Господи! Входят... Но ты... без участия
Смотришь... ты бледен.. как страшен твой взор?
Боже! Недаром стонал он вечор!
Он не стонал весь свой век от несчастья!"

Встань, мой кормилец, и т. д.

Бедная! Спит он—и сон его кроток...
Смерть для того, кто нуждой удручен—
Первый спокойный и радостный сон.
Братя, молитесь за мать и сироток!

Встань, мой кормилец, и т. д.

Пер. Курочкина.

Ж. РЫЛЕЕВ

(1795—1826)

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствует народ...
Оно молчит, святое мшенье,
И на царя не восстает.

Под адским игом самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастье
И ум не верует ему.

Я видел рабскую Россию
Перед святыней алтаря:
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

Поэт-декабрист. Повешен 13 июля 1826 г. вместе с Пестелем, Каховским, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым.

А. ПУШКИН.

(1799—1837)

КИНЖАЛ.

Для рук бессмертной Немезиды
Лемносский бог тебя сковал,
Свободы тайной страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд;
Таишься ты под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар надежный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе нег, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон,
Но Брут восстал вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразил, и мертв об'емлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадь мятежа под'емлет злобный крик;
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал:
Но высший суд ему послал
Тебя и деву — Эвмениду...

О, юный праведник, избранник роковой!
О Занд, твой век угас на плахе,
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе, —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Знаменитый русский поэт. За ряд стихотворений был сослан в село Михайловское. Друг декабристов. Смертельно ранен на дуэли с бар. Дантесом.

ИЗ ПОЭМЫ „РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ“.

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки.
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они „ура!“ кричат,
Они чего то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки.
„Сдавайтесь!“ тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то brave генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
„Прощенье обещаем вам!“
Убили и того.
Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
„Покайтесь, братия!“ гласит,
„Падите ниц челом!“
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
„Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет!..“
Тогда-то пушки навели,
Раздалось: „пер-ва-я! па-ли!“
Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав.

А. С. ПУШКИН.

ПОСЛАНИЕ К ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман!
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья!
Мы ждем, с томленьем упованья,
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

В СИБИРЬ.

(Декабристам).

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра—
Надежда,—в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут,—и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

А. И. ОДОЕВСКИЙ.

(1803—1839 г.)

ОТВЕТ А. С. ПУШКИНУ.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы,
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

Поэт-декабрист. Член „Северного Общества“. После восстания 14 декабря был заключен в Петропавловскую крепость, откуда сослан на каторгу в Сибирь.

А. МИЦКЕВИЧ.

(1798—1855 г.)

ИЗ ПОЭМЫ „ДЗЯДЫ“

(Друзьям-москалям).

Вы помните-ль меня? Летя мечтой к темницам,
К друзьям изгнанникам, томящимся в цепях,
Я мыслю и о вас; я вашим чуждым лицам
Права гражданства дал давно в моих мечтах.
Где вы? Рылеева возлюбленная шея,
Которую, как брат, я обнимал,—в ночи
На подлом дереве повисла, коченея...
Проклятье вам, своих пророков палачи!
Бестужев некогда протягивал мне руку,—
Певец и воин... Царь ту руку оторвал
От сабли и пера, обрек на труд и муку,
И вместе с польскими руками заковал!
Быть может, на иных—проклятье воли божьей:
Быть может, кто, крестом иль чином осрамлен,
Пожертвовал душой свободной.—и в прихожей,
В прихожей у царя гнуть спину осужден.
Подкупным языком царя, быть может, славит;
Быть может, радуясь судьбе своих друзей,
Льет кровь мою в моей отчизне, плахи ставит,
Хвалясь перед царем работой палачей.
Когда из дальних стран, где вольные народы,
Мои элегии на север залетят,
Звуча над краем льдов,—пусть вам зарю свободы,
Как журавли весну, они благовестят!
Узнаете меня по голосу! Коварно,
В оковах ползая, я с деспотом хитрил,
Но вам все тайны чувств открыл я благодарно
И кротость голубя для вас всегда хранил.

Я выливаю в мир весь яд из этой чаши!
Едка и жгуча речь моя,—затем, что в ней
Вся кровь, вся горечь слез,—слез родины моей,
Пускай же ест и жжет—не вас, но цепи ваши.
А если я от вас услышу жалоб вой,—
Сочту их лаем пса, который привыкает
Носить покорно цепь и, наконец, кусает
И руку, рвущую ошейник роковой!

Перев. В. М. Фишер.

Знаменитый польский поэт. За участие в революционных студенческих кружках был в 1824 г. арестован и выслан из Польши в Петербург. Сидел в Петропавловской крепости. В 1829 г. эмигрировал за границу, где и умер.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ.

(1814—1841 г.)

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погиб поэт, невольник чести,
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Поникнув гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид;
Восстал он против мнений света
Один, как прежде,—и убит!
Убит! К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор.
Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?...
Что-ж? Веселитесь.. Он мучений
Последних перенести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок...
Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет!
Пустое сердце бьется ровно—
В руке не дрогнет пистолет.
И что за диво? Издалека,
Подобно сотням беглецов,

На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой закон и нравы:
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый.

На что он руку поднимал.

И он убит, и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,

Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным?
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?
И прежний сняв венок, они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;

Но иглы тайные сурово

Язвили славное чело...

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд...

Замолкли звуки чудных песен,

Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен

И на устах его печать.

А вы, надменные потомки

Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрую счастья обиженных родов.
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи,

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда—все молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет,
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью—
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

ТКАЧИ.

Глаза их сухие не блещут слезами,
Сидят у станков и скрежещут зубами:
„Германия, саван тебе мы соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем,
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятие богу, пред кем мы с мольбой
Склонялися в голод и холод зимой!
Напрасно мы ждали, надежды полны,
Он нас обманул, одурачены мы.
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье ему, королю всех счастливых!
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых;
Последний он грош отнимает у нас...
„Стрелять по собакам!“—он отдал приказ!
Мы ткем, неустанно мы ткем!

Проклятье тебе, о, наш край лицемерный,
Где царствует стыд и позор беспримерный,
Где вянет без света цветок полевой,
Где кормится тленьем червяк гробозой.
Мы ткем, неустанно мы ткем!“

Челнок снует, станок гремит,
И день, и ночь все ткач сидит:
„Мы старой Германии саван соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем.
Мы ткем, неустанно мы ткем!“

Перев. М. Михайлов.

ВИКТОР ГЮГО.

(1802—1885 г.)

РАССТРЕЛЯННЫЕ.

Война, которая ждет Тацита и оттолкнет Гомера;
Победа завершается всеобщей резней,
Удовлетворенная, безжалостная. Я слышу
Речи:

„Надобно покончить со всеми недовольными“.
Альцист сегодня растреливается Филинтом.
Валяйте! Всюду смерть. Но ни единой жалобы.
Не вызревшая рожь, подкошенная роком.
О, народ!

Его ведут к подножию глухой стены.
Пусть так. Они повержены враждебной бурей.
Муж говорит солдату, взявшему его на мушку:
„Прощай, товарищ!“

Жена же говорит:

„Мой муж убит. Довольно!
Не знаю, прав ли он, но знаю,
Что вместе мы влачили нашу долю,
Мы были скованы единой цепью. Ежели отнимут
Его, к чему мне жить? А раз
Расстрелян он, то надо, чтоб умерла и я. Спасибо!“
И по перекресткам растут нагроможденья трупов.
В толпе других проводят двадцать девушек.
Они поют. Их красота, спокойствие, невинность
Тревожат смутную толпу. Прохожий
Вздрагивает. „А вы куда?“ Он спрашивает самую
красивую.

„Мне кажется, что нас ведут расстреливать“.
Зловещий грохот внутри казарм Лобо:

То гром распахнутых и замкнутых дверей могилы.
Там груды расстрелянных, но слез не видно,
Как будто их смерть едва касается,
Как будто они торопятся бежать из мира жестокого,
слепого,

И с радостью встречают свое освобожденье.
Никто не дрогнет. К той же стенке ставят
Внука и деда. Дед насмехается, а мальчик—
Кудрявый, радостный, кричит со смехом: „Пли!“
И это смех, и это трагическое равнодушьё—от-
кровенье.

О, ледяная бездна! О, загадка, перед которой
теряется пророк:

Так значит они не держатся за жизнь, так значит
жизнь их такова,

Что им уйти из мира безразлично.

И это в мае месяце, когда все хочет жить, когда
Душа сливается с расцветом всех вещей.

Тем девушкам собирать бы розы,

Ребенку-бы играть лучем зари,

Зиме бы старика растаять в майском солнце!

Их душам быть как полные корзины

Цветов и запахов, жужжащих пчел

И наполниться весенним птичьим пеньем,

Быть трепетом любви, быть лепестком расцвета...

И что же? В этот прекрасный месяц радости и
хмеля—

О! Ужас,—смерть встает—внезапная, слепая,

Безглазая, безжалостная!

О, как они должны кричать, взывая к небу,

Рыдать и трепетать и звать на помощь город

И нацию—всю Францию и нас.

О, как они должны молить штыки и ружья, пушки,

С руками простертыми, сжав кулаки; ослепшие
от слез—

Лезть на стены, цепляться за прохожих.

Стараться убежать, бороться у могилы,

Кричать: „На помощь, к нам, спасите, убивают!“...
Нет! Чуждые всему, что совершается,
Они глядят на смерть, которая пришла за ними:
Ну, пусть! Они не сделают ей чести удивляться.
Они сжились издавно с этим зловещим призраком.
А в их сердцах могила давно уже вырыта:
Здравствуй, смерть!
Жить вместе с нами—это их душило,
И они уходят. Что сделали мы им?
О, позднее открытье! Кто ж мы сами, ежели они
Кидают этот мир и всех людей
Без сожаления, без крика, не желая унизиться
до слез?

Перев. М. Волошина.

Знаменитый французский поэт, певец революции 1830 г. После государственного переворота 1851 г., восстановившего монархию, бежал из Франции. В. Гюго был объявлен вне закона и за его голову была назначена награда. Возвратился во Францию в 1871 г. после революции 4 сентября.

А. ШАМИССО.

Немецкий поэт.

(1781—1838 г.)

МОЛИТВА ВДОВЫ.

Всю ночь на коленях старуха седая
Стоит, потихоньку молитву читая:
„Дай, господи, барину долгие годы,
Спаси, сохрани от беды и невзгоды;
Поддай ему, господи, здравия, силы...
Ох!.. Горе молиться меня научило...
А барин шел мимо. До барского слуха
Дошло что шептала тихонько старуха,
Чего на коленях просила у бога.
Молитвы концом удивленный немного:
„Скажи мне.—спросил он с улыбкою милой:—
Как горе молиться тебя научило?“
—Да, вот как... При дедушке вашем покойном
(Пускай под землей ему спится спокойно)
Ведь восемь коров во дворе у нас было...
Он отнял одну; я-то, дура, завыла,
Всех бед и напастей ему насулила:
И саван, и свечку, и гроб, и могилу...
Ох!.. горе молиться меня научило...
Он вскоре и помер, знать, с этого слова...
А батюшка ваш свел у нас две коровы—
Не тем будь помянут. На грех я злодею
Опять посулила сломать себе шею.
И скоро с ним лютая смерть приключилась...
Ох,—тут я молиться за вас научилась...

Вы, сударь, как только хозяйствовать стали,
Коров четырех у меня оттягали...
Вот я и молюсь, чтоб вы были здоровы,
Чтоб не взял сынок ваш последней коровы...
Дай, господи, веку вам, барин наш милый...
Ох! Горе молиться меня научило!

Перев. Барыковой.

САМСОН.

Черные годы мучительной страды
Идут и идут один за одним,
Тьма без просвета и гнет без пощады
Царствуют властно над краем родным.
О, неужели проклятая сила
В сердце народном огонь загасила?
Смирен словак и несет молчаливо
Все, что судьба посылает в удел.
Сердце народа в беде терпеливо,
Но и терпению бывает предел.
Платит он подати потом кровавым,
Кровью ж отплатит за раны неправым.
Смирен словак.. Но придет его время,—
Грозен, могуч, как плененный Самсон,
Долго сносивший в молчании бремя,
Сбросит он с духа ожившего сон,
И пробуждению силы народной
Горы откликнутся песней свободной.
Вспомнит он голод, нужду и страданье,
Раны, обиды, и с силой тряхнет
Тяжкого рабства проклятое зданье.
Рухнет тогда на тиранов их гнет.
Нет, не убили унылые годы
И не убьют в его сердце свободы.

Перев. В. Смирнов.

Словацкий поэт. Род. в 1817 г. Стоял во главе народного движения против притеснений венгерского правительства. Поэзия И. Гурбана является характерной для поэзии западных славян.

МОРИС ГАРТМАН.

(1821—1872 г.)

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО.

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он; гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом.
И взят в борьбе с могучим злом
И к петли присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него, и надо
Покинуть мир. Не смерть страшна
Больному сердцу в ней отрада—
Ужасно в петли роковой
Средь людной площади качаться;
Вороны жадные слетятся...
И над опальной головой
Голодный рой их будет драться.

Но граф в тюрьме, в углу сыром
Заснул спокойным, детским сном...
Поутру мать свою лаская,
Он говорил:— „Прощай, родная,
Я у тебя дитя одно,
А мне так рано суждено
Расстаться с жизнью молодой.
Погибнет без следа со мною
И имя честное мое...

Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне,
Но завтра при позорной казни
Дрожать, как лист, придется мне!“

Мать говорила, утешая:
„Не бойся, не дрожи, родной,
Я во дворец пойду, рыдая,
Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбужу на троне,
И поутру, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе...
Коль в черном платье буду я—
Знай— неизбежна смерть твоя...
Не правда-ль, сын мой, шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай, вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами...
Не бойся, не дрожи, родной!“
И графу тихо, мирно спится...
И до утра он будет спать,
Ему все на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

Гудит набат, бежит народ,
И тихо улицей идет
Угрюмый, стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна—настежь.
Сколько глаз его слезами провожает,
И сколько женских рук бросает

Ему цветы в последний раз,—
Граф ничего не замечает:
Вперед на площадь он глядит—
Там на балконе мать стоит
Спокойно в покрывале белом.
И заиграло сердце в нем,
И к месту казни шагом смелым
Пошел он; с радостным лицом
На помост к петле поднимался
И в самой петле улыбался.

Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая! Так солгать
Могла лишь мать, полна боязни,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью.

Перев. М. Михайлова.

Немецкий поэт. Участвовал в революции 48 г. как член
крайней партии. После жил в изгнании.

Г. ГЕРВЕГ.

(1817—1875 г.)

ПЕСНЬ О НЕНАВИСТИ.

Вперед, вперед, друзья, через леса и реки!
Там далеко блестит румяная заря.
С подругой верною простились мы навеки,
И верный меч возьмем, отвагою горя.
Пока в нас кровь кипит, мы не уступим силе,
Мечом врагов своих сразим!—

Уж слишком долго мы любили,
И ненавидеть мы хотим...

Нас не спасет теперь любви святая сила,
Любовь не может нам помочь,
Мы ждем, чтоб ненависть нас всех освободила,
И из сердец любовь теперь мы гоним прочь.
Везде, где только власть тираны сохранили,
Мы принесем погибель им—

Уж слишком долго мы любили,
Теперь мы злобствовать хотим!

У нас теперь одно святое знамя,
На нем начертано: „свобода и простор!“
И пусть кипит в душе открытой злобы пламя,
Пусть ненависть горит, как сумрачный костер!
Страдали долго мы, лишённые свободы,
Теперь должны везде провозглашать:

„Любили долго мы, покорные народы,
И ненависть должны теперь познать!“

Свободу дайте нам, свободу всей вселенной,
Пусть по земле тиранов льется кровь,

Лишь ненависть отныне долг священный,
Да, ненависть дороже, чем любовь!
Пока в нас кровь кипит, мы не уступим силе,
Мечом врагов своих сразим.

Уж слишком долго мы любили,
Пришла пора,—мы злобствовать хотим!

Перев. Л. Уманца.

Немецкий поэт. В 1842 г. был изгнан из Пруссии; в 1848 г. вторгнулся с войском в Баденские владения, но был разбит и бежал в Швейцарию.

Идет все гладко, хорошо, и вот, покуда пышет пыл,
Себе на несколько минут он рабский отдых
разрешил,

Из пекла вылез своего, и, приподняв тяжелый люк,
По пояс высунулся он и бросил беглый взгляд
вокруг.

С горячей кочергой в руке и от жары разгорячен
Мохнатой грудью оперся на тонкие перила он.

Все осмотрели королю ворчит негромко про себя:
„Как государство — пароход! Здесь в роскоши везут
тебя,

А там внизу, в нужде, во тьме, в труде,
приравненный рабу,

Растапливаю я огонь и сам кую свою судьбу.

Мою, но и твою, монарх. Колесам кто дает удар —
Своей мозолистой рукой железо держит кочегар!
Король! Ведь ты совсем не Зевс — пожалуй, я скорей
титан.

Я, сдерживая под тобой всегда kloкочущий вулкан!
Ведь все зависит от меня. Лишь поворот руки
один,

И роскоши твоей конец, и ты падешь с своих
вершин.

И палубу размечет взрыв, и с ней взлетишь на
воздух ты!

Освобождаясь, выйдем мы на свет дневной из
темноты!

Мы — сила! Государство вновь скуем, — оно пришло
в разлад!

И божьей ненавистью мы до сей поры пролетарьят!
Тогда ликуя в мир пойду, чтоб на плечах во все
места,

Как новый Христофор святой, нести всем нового
Христа.

Непобедимый исполин, не дрогну я и буду тот,
 Через кого по бурям в мир спаситель новый
 снизойдет!“
 Так в бороду свою ворчал циклоп, рассержен и
 угрюм,
 И вновь под палубу нырнул к машинам в
 пароходный трюм.
 Снуют, скрежещут рычаги, и пламя мечет красный
 свет,
 Бушует пар, а он им всем: „Стихия, не сегодня,
 нет!“
 Вот, наконец, свистя, шипя, причаливает пароход,
 Высочества их в Штольценфельс карета шестерней
 везет.
 Смеется истопник им вслед и слушает огонь один:
 „О, сколько создают хлопот из этих будущих руин!“

Перев. М. Зенкевича.

Немецкий поэт. В 1848 г. стоял во главе демокр. партии, но вскоре должен был бежать в Лондон от политических преследований. В 1868 г. вернулся на родину.

А. ПЕТЕФИ.

(1823—1849 г.)

БОЕВАЯ ПЕСНЯ.

Борьба на смерть—не на живот,
Ни слова о пощаде:
Пускай один из нас падет—
Не уступлю ни пяди!

Довольно сдз, тоски... Я прав,
Я цену жизни знаю:
Однажды цепи разорвав,
Я вновь их не желаю.

Враг силен, да. Но не ему
Достанется победа:
Я свет несу, он сеет тьму
И—не оставит следа.

■ Перев. С. Травинова

Знаменитый венгерский поэт. В 1848 г. вступил в ряды революционной армии. В битве при Шесбурге пропал без вести.

В ШИНКЕ.

В конце села шинок стоит,
Река у ног его шумит;
Смотреться мог бы он в нее,
Но тьмой ночной покрыто все.

Да. Полночь близко,—все кругом
Давно уснуло мирным сном,
И молчаливые впотьмах
Стоят суда на якорях.

В одном шинке огонь зажжен,
Гремит цимбалов дикий звон,
Бушуют парни за столом,—
От криков их трясется дом.

„Хозяйка, к нам! Сюда вино!
Да чтоб поспорило оно
С моей возлюбленной—огнем,
Годами—с дедом стариком.

Цыган, за музыку! Играй!
Веселье, лейся через край!
Я здесь все деньги пропляшу!
Я здесь все горе заглушу“.

Чу! Кто-то крикнул под окном:
„Чего шумите не путем!
Мой барин вам велел сказать,
Что он теперь желает спать“.

„Пошли его ко всем чертям,
Да уберись за ним и сам...
Цыган, живей! Теперь-то, брат,
Рубашку с плеч отдать я рад“.

А под окном стучат опять:
„Прошу вас тише пировать.
Сам бог спасет за это вас,—
Бедняжка-мать больна у нас“.
Никем ответа не дано,
Все торопливо пьют вино,
Молчит цимбалов дикий гам,—
Спешат гуляки по домам.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО.
Известный поэт Америки.
(1807—1882 г.)

НЕВОЛЬНИК В ПРОКЛЯТОМ БОЛОТЕ.

В проклятом болоте, в трущобе лесной,
Бежавший невольник лежал.
Он видел—костер зажигали ночной;
Он слышал собак, за ним рыскавших, вой,
И топот коней различал.

Где светятся искры блудящих огней
В болотной траве по кустам,
Где лепится мох у древесных корней
И лозы—все в пятнах, как кожа у змей—
Ползут по кедровым стволам;

Куда человек заглянуть бы не смел,
Где в зыбкой трясине кругом
Увлажненный дерн под ногами скрипел,
В колючей и вязкой траве он засел,
Как зверь в логовище своем.

Несчастный старик, истомленный, больной,
Лицо все в глубоких рубцах,
Как в клеймах позорных. Одеждой худой
Не мог он прикрыть и позор свой другой—
Следы от бича на плечах.

Светло и прекрасно на свете всему,
Свобода и радость есть всем!

Вот векша скакнула, вот в сонную тьму
Песнь вольная птиц донеслася к нему—
А он неподвижен и нем!
Рассвета не видел он в жизненной мгле,
В неволе, в цепях, под бичом...
Как Каин, Проклятье он нес на челе,
Безвыходным рабством придавлен к земле,
Как колос тяжелым цепом!

Перев. М. И. Михайлова.

У. УИТМЕН.

Известный американский поэт.
(1819—1892 г.)

Бей, бей, барабан! Труби, труба, труби!
В окна, в двери ворвитесь, как буйная рать.
В церковь—долгой молящихся!
В школу—долгой школяров!
Прочь от невесты, жених, не время теперь жени-
хаться!
Пахаря с пашни прочь! Не время пахать и косить!
Бешено гремят барабаны! Яростно трубы трубят!
Громче барабаны и трубы!
Гряньте над грохотом города, над громыханьем
колес!
Что? Для спящих готовы постели? Кто же заснет
в эту ночь?
Не торговать, торгоши! Барышники, сегодня не
барышничать!
Смеют ли говоруны говорить? Певец, прекрати
твою песню!
Что? адвокат попрежнему мямлит свою речь на
суде?
Громче же, барабанная дробь! Кричи, надрывайся,
труба!
Заглушите младенческий крик и материнские вопли.
Что за дело до молящихся и плачущих! До стари-
ков перепуганных!
Пусть даже мертвецы задрожат, непогребенные,
ждушие гроба!
Вопите, кричите, трубы! Грими, роковой барабан!

Перев. К. Чуковского.

У. УИТМЕН.

ЗАЧИНАТЕЛИ.

Загорелою толпою
Подымайтесь, собирайтесь для потехи, для игры
В барабаны застучите, наточите топоры!
Оставайся, кто захочет.
Мы должны нести пожары, нас удары ждут в бою!
Все для нас, от нас и с нами в новом радостном
краю,
Что за дело до дрожащих, до трусливо уходящих
И до всех старух шипящих, отзывающих назад!
Мы пируем, мы ликуем на развалинах горящих
Миллионы исступленных к нам на оргию спешат.
Все, что было, да не будет!
По неведомым тропинам,
По долинам, по равнинам, чрез пучины чуждых вод,
Побеждая, и хватая, мы, смеясь, идем вперед.
Мы бросаемся по скалам,
Мы вздымаем новь степную, мы взрываем рудники,
Реки грудью побеждаем, дровосеки, моряки!
Мир почившим и усталым!
Завтра милые могилы мы цветами уберем,
А сегодня по могилам с ликованием пойдем.
Дальше сжатыми рядами!
К бою, смерти, к пораженью, только, только—не
назад,
Если мертвыми падете—вас живые заместят,
Оставайся, кто захочет!

П. ДЮПОН.
(1821—1870 г.)

ПЕСНЬ РАБОЧИХ.

При лампе утром мы встаем
На петушиный оклик дальний,
Мы спозаранок спину гнем
За черствый хлеб над наковальней!
Руками, телом день денской
Мы с нашей боремся судьбою,
Но холод старости седой
Грозит нам завтра нищетой.

Дружней сплотимся! Может быть,
Мы тоже выпьем круговую!
Чтоб грохот пушек заглушить,
Давайте пить

Мы за свободу мировую!
В борьбе с морскою глубиной
Никто из нас не отдыхает,
Все у земли берем скупой,
Что кормит или украшает:
Металл и жемчуг, и алмаз,
Плоды земных произрастаний!
Овечки бедные! У вас
Срезают шерсть для пышных тканей!
Дружней сплотимся! Может быть и т. д.

Что труд упорный нам дает,
В дугу сгибающий нам спины?
Куда рекой течет наш пот?
Не люди мы, а лишь машины!
Мы строим столп до облаков,

Нам мир обязан чудесами...
Но господин, лишь мед готов
Спешит разделаться с пчелами.

Дружней сплотимся! Может быть и т. д.

Младенцам богачей худым
Грудь предлагают наши жены,
А те потом стыдятся им
Ответить даже на поклоны!
Без сострадания нас гнетут
Вельможи властною рукою,
И наши сестры продают
Уродам знатным честь порою.

Дружней сплотимся! и т. д.

В лохмотья кутаясь, идем
Мы спать в сараи, под заборы,
Там с нами совы делят дом
И братья мглы полночной — воры
А между тем по жилам кровь
Течет у нас быстра и жарка!
Мы знаем, как сладка любовь
Весною под листвою яркой.

Дружней сплотимся! и т. д.

Когда кровавый океан
Народ на землю изливает,
Всегда какой-нибудь тиран
Свои в нем силы почерпает!..
Благоразумней—не спешить,
Любовь сильней, чем бой упорный,
С земли, иль с неба, может быть
Повеет ветер животворный!

Дружней сплотимся! и т. д.

Перев. С. Заяицкого.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ.

Когда в полях и на плотине
Не слышно скрипа жерновов,
Когда осел, пасясь в долине,
Не тащит к ним своих мешков,
И голод входит, как волчиха,
Во все дома средь бела дня,—
Тогда гроза там зреет тихо,
Великий к небу стон гоня.

Не задушить мятеж народа
И вопль: „о хлебе я кричу!“
Рыдает в нем сама природа:
„Я есть хочу!“

Приходит голод к нам неожиданно
Через деревни, города;
Штыком и дробью барабанной
Его не удержишь никогда.
Он сквозь картечь, жесток, бесстрашен,
Угрюмой птицей пролетит,
И в зубья самых грозных башен
Вдруг знамя черное вонзит.

Не задушить мятеж народа... и т. д.

Что ваших армий злая воля?
Находит ваш голодный враг
Свое оружие в диком поле,
На нивах, фермах и лугах:
Косу и серп и вилы злые!..
А в городах гремит набат,

И даже девы молодые
Из ружей яростно палят!

Не задушить мятеж народа... и т. д.

Так задержите ж грозной лавой
На вас поднявшийся народ!
И там, на площади кровавой,
Постройте черный эшафот!
Но — рок народа неуклонный, —
Лишь только казни нож сверкнет
Там, на глазах толпы смущенной
Вдруг к небу кровь возопиет!

Не задушить мятеж народа... и т. д.

Нам хлеб насущный так же нужен
Как воздух, влага, солнца жар;
Без хлеба что нам добрый ужин?
Нам хлеб — великий божий дар.
Но бог свои дары сжигает, —
Иль проклял землю он давно?
Нам солнце голову терзает,
Сгорает в засухе зерно.

Не задушить мятеж народа... и т. д.

Земля еще не знает плуга.
О, мать, поля свои умножь!
Тебя от севера до юга
Должна покрыть золотая рожь.
Земли подыдем покрывало!
Для новых битв, для битв любви
Перекуем скорей в орала
Мечи, уставшие в крови!

Не задушить мятеж народа... и т. д.

Что стоит нам пустое слово, —
Угроза европейских стран?
Ужель на гнев их лютый снова
Поднимет руку великан?

Морей народных гулу внемлю:
Страшиться, грозен их прилив!
Скорей отдайте плугу землю—
И хлебом станут камни нив!
Не задушить мятеж народа... и т. д.

Перев. А. Остроумова.

Французский поэт, рабочий. В годы реакции после 1848 г. подвергся гонению и ссылке. Умер в крайней нищете. незадолго до провозглашения Коммуны.

МОРИС БУКЕ (КУЙБА).
Французский поэт 70-х годов.

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ.

I.

Взыскуя грады лучших дней,
Идут народы все вперед,
Чтоб слиться, как ручьи полей,
В гремучий ток весенних вод,
Чтоб звать плененных из темниц.
Студента—из-за глупых книг:
Горит все небо от зарниц,
Дрожат державы в этот миг!

(Припев).

Товарищи, весь мир пришел в дви-
жение,—
Идем вперед, рука с рукой, вперед!
Лик солнца красного, несущий пробуж-
дение,
Лик солнца красного взойдет.

II.

Крестьянин, сеятель полей,
Не для себя растит хлеба;
Согнут над бороздой своей,
Несет, как вол, ярмо раба.
Но там, вдали, уж ждет покой:
Как дуб, свободен и широк,
Налог ты сбросишь роковой,
И урожаи станут впрок.

(Припев).

III.

Ты, мелкий собственник, понес
Свои гроши банкиру в долг,
Банкир тебе соорил нос;
Ты, полный горести, умолк.
Не вешай голову, иди!
Еще есть время для борьбы,
Стань вновь в рабочие ряды.
Труд—вот залог иной судьбы!

(Припев).

IV.

Солдат, сраженный в двадцать лет,
Игрушка пули и чумы,
Скажи тиранам твердо—нет!
И дай им грош для их суммы:
Пусть жадно бьются меж собой
Из-за золотиносных руд.
Ты—гражданин, и мы с тобой
Освободим от рабства труд.

(Припев).

V.

Строитель, пробил славный час,
Готовься строить гордый дом:
То будет дом для всех для нас,
Для всех, кто жил своим трудом.
Расплавит злато жаркий луч—
Отбросьте нам ненужный сплав:
Вот рудокопу из-за туч
Сияет солнце новых прав.

(Припев).

Товарищи, весь мир пришел в движенье,—
Идем вперед, рука с рукой, вперед!

Перев. А. Луначарского.

ЖЮЛЬ ЖУИ.
Французский поэт 70-х—80-х г.г.

ПЕСНЯ УГЛЕКОПОВ.

I.

Черные люди, откуда пришли вы?
— Из-под земли мы поднялись толпой,
Душит нас в яме глубокой, тоскливой
Воздух отравленной шахты сырой.
Солнца не видим: лишь лампочки дальней
Свет одинокий нам светит во мгле.
Жизнь мы проводим во мраке печальном,
Вечно работая в душной земле.

Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

II.

Черные люди, куда вы бежите?
— Смерть нас преследует в яме сырой.
Косит рудничный нас газ. Посмотрите:
Смерть обернулась вдруг птицей ночной.
Жадно застигла нас в темном под'еме,
С шумом за нами идет по пятам.
Траур и плач не в одном будут доме.
Завтра же снова мы будем все там.

Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

III.

Черные люди, что ж платят за это?
— Мы изнываем в тяжелом поту,
Мы надрываемся зиму и лето
И получаем за то нищету.
Голод и холод—обычные гости
В наших домах и за нашим столом.
И, возвращаясь, продрогнув до кости,
Деток оборванных мы застаем.

Мы добываем
Уголь, копаем
Черный улов
Для чужих сундуков.

Пер. с французского

ДОЧЬ РАБОЧЕГО.

I.

Бледна иль румяна, бела иль черна,
В глубокую ночь
Для вечных страданий родилась она—
Рабочая дочь.
Лохматая, грязная, палец сосет,
В юбченке одной,
Она как грибок на болоте растет—
Дитя мостовой.

II.

Подростком на фабрику иль на завод
Девчонка бежит;
Рабочее мясо весь день напролет
В работе горит;
Поблекший цветок силой сорван—и вот
(Уж жребий таков)
Отныне она для утехи живет
Фабричных „быков“.

III.

До мозга костей развращенную, ждет
Прилавок пивной:
То плоть для клиентов; вино она
пьет
Из кружки большой.
Спускаясь все ниже, улыбкой зовет

Прохожих она:
Панельное мясо в продажу идет—
Полтинник цена.

IV.

С годами все глубже в разврат погрузясь,
Взяв желтый билет,
И в плоть для презренных „шпиков“
обратясь,

Пускается в свет.

А если „работать“ она на дому
Захочет тайком,
Осторожное мясо бросают в тюрьму —
И вот ее дом.

V.

Старухой, снедаема хворью, спешит
В больницу стена:
То плоть для ученых на койке дрожит,
Свой жребий кляня.
Всю чашу страданий испивши до дна
На нашей земле,
Для скальпеля мясо, безгласно она
Лежит на столе.

ПЕСНЯ СТАЧКИ.

I.

Работорговцы без стыда,
Эксплуататоры труда,
Вы морите нас голодом,
Изводите нас холодом.
Но мы на зло городovým
Вам громко песню прокричим:

О!.. о!.. о!.. о!..

Хотим мы стачку об'явить
И все работы прекратить!

II.

Мы бьемся все без передышки,
Как будто безсловесный скот;
Сидят без хлеба ребятишки,
А труд на смарку наш идет.
Нам достаются лишь вершки,
А вы берете корешки.

О! о! о! о! и т. д.

III.

Швырнем в лицо капиталистам
Разбитый молоток и плуг;
Провозгласим, социалисты,
Войну—войну скрещенных рук!
И пусть на громкий клич набатный
Ответит эха глас стократный:

О! о! о! о! и т. д.

IV.

Рабочий, пахарь, к вам взываем:
Рядами стройными пойдем!
Полна страданий чаша с краем:
Ее о землю разобьем!
Пусть клич один пройдет по селам,
По стогнам, по горам и долам:
О! о! о! о! и т. д.

И. С. НИКИТИН.

(1824—1831 г.)

МЕДЛЕННО ДВИЖЕТСЯ ВРЕМЯ.

Медленно движется время.
Веруй, надейся и жди. .
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутьи стоим...
Мертвые в мире почили.
Дело настало живым!

Сеялось семя веками,
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами,
Зло вырывать не легко:
Нам его в детстве привили,
Деды сроднились с ним...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым!

Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут: он нем!
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на труд поспешим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым!

Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:

Доброго дела и слова
Не пропадут семена!
Где мы и как их добыли,
Внукам отчет отдадим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым!

И. С. НИКИТИН.

ПРОРОЧЕСТВО.

.....
Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.

 Не нам, иному поколению,
 Отдашь ты бич свой вековой
 И будешь ненавистной тенью,
 Пятном в истории родной!..

Весь твой разврат и вероломство,
Все козни—время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.

 Мужик—теперь твоя опора,
 Твой вол—и больше ничего,—
 Со славой выйдет из позора,
 И вновь не купишь ты его!

Уж всходит солнце земледельца!
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Н. ОГАРЕВ.
(1813—1877 г.)

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршун! Больно! Подлый раб,
Палач Зевеса!.. О, когда б
Мне эти цепи не мешали,
Как беспощадно б руки сжали
Тебя за горло! Но без сил,
К скале прикованный, без воли,
Я грудь мою тебе открыл
И каждый миг кричу от боли
И замираю каждый миг...
На мой безумно-жалкий крик
Проснулся отголосок дальний,
И ветер жалобно завыл,
И прочь рванулся, что есть сил,
И закачался лес печальный;
Испуга барс не превозмог—
Сверкая желтыми глазами,
Он в чашу кинулся прыжками;
Туман седой на горы лег,
И море дальше, о скалы
Дробясь, глухо застонало...
Один спокоен царь небес—
Ничем не тронулся Зевес!
Завистник! Он забыть не может,
Что я—творец, что он моих
Созданий век не уничтожит,
Что я с небес его для них
Унес огонь неугасимый...

Ну, что же, бог, неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мне
Пошли хоть двадцать птиц голодных,
Неутомимых, безотходных,
Чтоб рвали сердце мне они—
А все ж людей я создал!—Твердый,
Смеясь над злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моих людей.
О! хорошо их сотворил я
Во всем подобными себе:
Огонь небесный в них вселил я
С враждою вечною к тебе,
С гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбе.
Рви, коршун, глубже в сердце рану—
Она Зевесу лишь позор!
Мой крик пронзительный—укор
Родит в душах моих созданий;
За дар томительный страданий
Дойдут проклятья до небес—
К тебе, завистливый Зевес!
А я, на вечное мученье
Тобой прикованный к скале,
Найду повсюду сожаленье,
Найду любовь по всей земле,
И в людях, гордый сам собою,
Я надругаюсь над тобою!

Ник. Плат. Огарев—поэт, друг А. Герцена; был арестован в 1834 г. и выслан из Москвы, затем в 1858 г. эмигрировал за границу, где вместе с А. Герценом организовали журнал „Полярная Звезда“ и газету „Колокол“.

А. Н. Плещеев.
(1825—1893 г.)

* * *

Вперед без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья,
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет,

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем перед ними в прах!

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простим озлобленным врагам.

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой
В заботах тяжких истощил:
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл.

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит!—
И верьте — голос благородный
Недаром в мире прозвучит.

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил,
Вперед, вперед—и без возврата,
Что-б рок вдали нам ни сулил!

Поэт в 1849 был арестован за причастность к делу петрашевцев, приговорен к расстрелу; приговор был отменен и П. после 9-ти мес. заключения в Петропавловской крепости был сослан рядовым в Оренбургский полк.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ.
(1836—1861 г.)

* * *

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.
Я ваш, друзья; хочу быть вашим,
На труд и битву я готов,
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.
Но если нет, мое презренье
Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.
И сгину-ль я в тоске безумной
Иль в мире с пошлостью людской,
Все лучше, чем заняться шумной
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я, работа наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

М. МИХАИЛОВ.
(1826—1865 г.)

НА СМЕРТЬ ДОБРОЛЮБОВА.

Чем светлее жизнь и чище,
Тем нещаднее судьба...
Раздвигайся же, кладбище,
Принимай гроба.

Гроб вчера и гроб сегодня,
Завтра гроб... а мы стоим
И покорно — „Власть господня“,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Ты умолк; но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
„Что ж молчит в вас, братья, злоба,
Что ж любовь молчит?

Иль в любви одни лишь слезы
Есть у вас для кровных бед?
Или силы для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья! Пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой“.

Поэт-переводчик. Арестованный в 1861 году по делу распространения прокламации „К молодому поколению“ — был осужден на каторжные работы. Умер в ссылке.

Т. ШЕВЧЕНКО.
(1814—1861 г.)

* * *

Хотя лежачих и не бьют,
Но спать злодеям не дают.
Нет сна и для тебя, для суки.
Покамест мы, а после внуки
Тебя всем миром проклянут.
Не проклянут, а наплюют
На тех, кто цепи нам куют,—
На них, щенков твоих...

О, муки!

О, скорбных чувств больные звуки.
Придет ли день, когда умрут
Они в душе моей?.. Иль псами
Цари с министрами-рабами
И их затравят и убьют?
Нет, не убьют! А люди сами
Сумеют справиться с царями,—
И к плахе сами повлекут.

Украинский поэт, из крепостных крестьян. За ряд произведений был в Петербурге в 1847 г. арестован и сослан в солдаты на Урал.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Ваня—*в кучерском армячке.*
—Папаша, кто строил дорогу?
Папаша—*в пальто на красной
подкладке.*
—Инженеры, душенька.
Разговор в вагоне.

I.

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной,
Словно как тающий сахар, лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно—покой и простор!—
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховое болото, и пни—
Все хорошо под сиянием лунным;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II.

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден—
Не по плечу одному!

В мире есть царь: этот царь беспощаден;
Голод— названье ему!

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей;
Ходит за плугом; стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные,
Многие— в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их, Ваничка, знаешь ли ты!

Чу! восклицанья слышались грозные,
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение? „В ночь эту лунную
„Любо нам видеть свой труд!

„Мы надрывались под зноем, под холодом,
„С вечно согнутой спиной,
„Жили в землянках, боролись с голодом,
„Мерзли и мокли, болели цынгой.

„Грабили нас грамотеи десятники,
„Секло начальство, давила нужда...
„Все претерпели мы, божии ратники,
„Мирные дети труда!

„Братья! Вы наши плоды пожинаете!
„Нам же в земле истлеть суждено...
„Все ли нас, бедных, добром поминаете,
„Или забыли давно?..“

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого—
Это все братья твои—мужики.

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках;
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли: колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопаткою
Мерзлую землю долбит.

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вывес достаточно русский народ,
Вывес и эту дорогу железную—
Вывесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе,
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется—ни мне, ни тебе...

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ.

Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь пора-то сенокосная,
Вся деревня на лугу.

У двора у постоянного
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку,
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

— „Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротинушке
Беспечально век прожить.

„Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

„В люди выйдешь — все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

„И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...“
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя!

„На, родной! да ты откуда?“
— Я проезжий, городской. —
— „Покачай; а я покудова
Подремлю .. да песню спой!“

— Как не спеть! спую, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— „Баю-баюшки баю!

— В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт—ум глупцов!

— В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай!

— С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Истиной, Свободою
Называются они.

— Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца!

— Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

— Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

— С этой ненавистью правою,
С этой верою святой,
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

— И тогда-то...“ вдруг проснулося
И заплакало дитя,
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

„Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!..“
И запела над малюткою
Снова песенку свою ..

Н. А. НЕКРАСОВ.

РАЗМЫШЛЕНИЕ У ПАРАДНОГО ПОД'ЕЗДА.

Вот парадный под'езд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Под'езжает к заветным дверям:
Записав свое имя и званье,
Раз'езжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный под'езд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то-и-знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает „трам-трам“,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские, русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди:
Показался швейцар — „Допусти“, говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых

(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто то крикнул швейцару: „гони!
Наш не любит оборванной черни!“
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его бог!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким об'ят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,—
Пробудись! Есть еще наслаждение;
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая?
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даёт.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,

В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,—как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что-ж мы такую особу
Беспокою для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу?
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас Провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,
Все пропьют бедняки, до рубля,
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой ночуя в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У под'езда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

День-денской моя печальница
В ночь—ночная богомолица.
Вековая моя сухотница...

(Из народной песни)

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава богу, добираемся.

—Вот и мы! Здоровая старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви—может, и размыкаю.—
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

—Восемь лет сынка не видела.
Жив ли, нет—не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости:
Воротился сын больнёхонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрёхонек!

Говорит: „поправлюсь, матушка!“
Да ошибся—не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала—не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

— Хилый, что ли, был с рождения?
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту брёвнушки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелковые”.

И опять молчит несчастная...
— Не молчи—развей кручинушку!
Что сгубило сына милого—
Чай, спросила ты детинушку?

„Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу—богу обреченную!“

Говорит—гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он один слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег—и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,—пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел—задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу:
— „Не белы снежки“... закашлялся.
Задышался—пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Все ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Аргикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль, стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг — метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: „ваше благородие!“
„Ваше!..“ Вижу — задыхается:

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?
К утру память воротилася,

Прошептал: „прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!“
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася, —

И погас он, словно свеченька
Восковая, пред-иконная..“

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

ПРОРОК.

(Н. Г. Чернышевский)

Не говори: „Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!“...
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе—нет помыслов мирских,
„Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других“.

Так мыслит он, и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет—он будет на кресте,
Его послал бог гнева и печали
Раbam земли напомнить о Христе.

* * *

Смолкли честные, доблестно павшие.
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие...
Но разнузданы страсти жестокие..
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная,
Все живое, все честное косится..
Слышно только, о ночь безрассветная..
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, сликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются ..

Посвящается подсудимым процесса 50-ти

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ.

Барству да маклачеству
Неужель потворствовать?
Не хотелось молодцу
Кланяться, холопствовать,
Не влюбило пылкое,
Сердце непокорное
Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную,
Правду неподкупную,
Божий свет увидела
Голова удалая
И — возненавидела
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую;
Вызвать в бой осмелилась
Гордо, без смущения,
Царскую опрочину —
Силу угнетения.
Эх же и озлобились
Подлостью богатые,
Палачи народные,
Палачи проклятые,
Каменное, жесткое,
Сердце их гранитное
Ядом переполнилось,
Местью ненавистною.

Говорят удалому
Речи ненавистные:
„За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,
Да за жизнь рабочую,
Трудную да серую
Получи наградушку
Нашу полной мерою:
Ты слюбился с волюшкой,
Что с душой-девицею,
Так спознайся, молодец,
С душною темницею.
Не влюбил ты горюшко,
Жизнь раба бездольную—
Так уж выпей, молодец,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было работушки,
Этой непоклончивой
Обреем пол головушки.
В звании кандалника
Битого, голодного.
Ройся в адской темени
Рудника холодного;
Знай, землицу-матушку
Заступом покапывай,
Песни пой о волюшке
Да цепями побрякивай.
Думал ты, для родины
Цепи рабства пагубны,—
Так добудь железца нам,—
Нам на цепи надобно.
А уж цепи выкуем,
Так на славу:—тонкие,
Хоть тяжеловатые,
Да как гусли звонкие“.

Голова удалая
Все-ж не поклонилась,
Сердце молодецкое
Все-ж не покорилось:
„Что-ж? Закуйте в цепи меня
И обрейте голову,
Но не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого;
Не бегу страдания,—
Сила в нем великая,
Перед ним рассеется
Ваша злоба дикая;
На него помолится
Весь народ задавленный,
Славой увенчается
Вами обеславленный“.

Алексеев Петр—рабочий, один из видных участников процесса „50-ти“, выдающийся оратор. Осужден на 10 лет каторги в Якутскую область.

Я. ПОЛОНСКИЙ.

(1819—1896 г.)

* * *

Что мне она!—не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?
Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме:
Вижу я—своды... окно за решеткою..
Койку в сырой полутьме..
С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди..
Что мне она!—не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь?!...

Это стихотворение навеяно процессом „50-ти“. Написано
в 1877 г.

ПОРОГ.

Стихотворение в прозе.

Я вижу громадное зданье. В передней стене узкая дверь, раскрытая настежь; за дверью угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... русская девушка...

Морозом дышит та непроглядная мгла и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос:

„О, ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?“

— Знаю,—отвечает девушка.

„Холод, голод, ненависть, насмешки, презренье, обиды, тюрьма, болезнь, самая смерть?“

— Знаю.

„Отчуждение, полное одиночество?“

— Знаю... Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

„Не только от врагов, но и от друзей, от родных?“

— Да и от них.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

— Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить“.

— Мне не нужно, ни благодарности, ни сожаленья. Мне не нужно имени.

„Готова ли ты на преступленье?“

Девушка потупила голову.

— И на преступленье готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

„Знаешь ли ты,—заговорил он, наконец,— что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?“

— Знаю и это. И все таки я хочу войти.

„Войди!“

Девушка перешагнула порог и тяжелая завеса упала за нею.

„Дура“,—проскрежетал кто-то сзади.

— „Святая“,—пронеслось откуда-то в ответ.

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР.

(1842—1871)

СЛУША-АЙ...

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка темна,
Темнее той ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Кругом часовые шагают лениво,
В ночной тишине, то и знай,
Как стон раздается протяжно, тоскливо:
Слуша-ай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма — не кладбище
И ты, часовой, не плошай,
Не верь тишине, берегися, дружище!
Слуша-ай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взгляд устремил он в глубь ночи беззвездной.
Весь словно впился в тишину..
Ни звука... Порой лишь собака залетится
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
Слуша-ай!..

„Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,

А бедное сердце так жаждет свободы,
Нет, больше не в силах я ждать.

Здесь штык или пуля, там воля святая...

Эх, темная ночь, выручай!

Будь узнику ты хоть защитой, родная...

Слуша-ай!..

Чу!.. шорох,— вот кто-то упал, приподнялся,
И два раза щелкнул курок.

Вот что-то сверкнуло, и выстрел раздался,

И ожил мгновенно острог...

Огни замелькали, забегали люди...

„Прощай, жизнь! свобода, прощай!“..

Вырвалось воплем из раненой груди..

Слуша-ай!..

И снова все тихо.— на небо несмело
Луна показалась на миг

И, словно сквозь слезы, из туч поглядела

И скрыла заплаканный лик..

Кругом часовые шагают лениво,

В ночной тишине, то и знай,

Как стон, раздается протяжно, тоскливо:

Слуша-ай!..

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.

(1817—1875)

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

—Что, братцы, затынемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!

И вот повели, затушили,
Поют, заливаясь, они
Про Волгу широкой раздолье.
Про даром минувшие дни;

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют...
День меркнет все боле,—а цепи
Дорогу метут да метут.

ИЛЬКА.

Был Илька родом из крестьян,
И все-таки при жизни
По благородству не имел
Он равного в отчизне.
Была тревожная пора,
Когда он в мир родился,
Но для борьбы, для этих бурь
Как раз он и годился.
Впервые понял край родной,
Что значит озлобленье
В те дни, как Клаус Флеминг в нем
Держал бразды правленья.
Вздыхали многие о том,
Что правосудье пало;
Казалось, Ильку одного
Ничто не задевало.
Внимая жалобам крестьян,
Он отвечал словами:
„Вы горе будете нести—
Пока хотите сами.
Кто дальше жалоб не идет,
Рабом лишь остается,
Но кто вступился за себя,
Тот прав своих добьется.
Мужчина создан для борьбы
На жизнь и смерть... поверьте:
Дорога к счастью всегда

Близка к дороге смерти".
Быстрее пущенной стрелы
Слова его летели
Во все концы родной страны,
И финны зашумели.
Распространился далеко
Пожар войны кровавой,
И имя Ильки навсегда
Она покрыла славой;
Для угнетателей пришла
Пора жестокой мести,
И лишь коварством Ильку взять
Могли на поле чести.
Не всякий славою одной
За подвиги утешен:
Иных и виселица ждет:—
И Илька был повешен.
Но будут памятли всегда
Слова его народу:
„Уж лучше кончить жизнь в петле,
Чем потерять свободу!“

Перевел Б.

М. РАПШИСАРДИ

(1944, поэт 70—80 г. г.)

РУДОКОПЫ.

Среди могильных ям, среди угрюмых сводов —
Отвесных мрачных скал над нашей головой,
Среди холодных шахт, чернеющих проходов,
Среди миазмов злых, царящих под землей.
Отгорваны от всех и от всего живого,
Чтоб тешить праздный час чужих для нас людей—
Мы заживо во тьме погребены сурово,
Копатели и гэр и черных пропастей!
Мы роем целый день, мы жадно ищем клада
Сокровищ и богатств, мы жалкие, как стадо!
Для вас, собрание земных богов, тот клад
Железа, серебра и с яркими лучами
Каменьев дорогих, что блеск огней затмят:
Для вас одних земля, одетая цветами,
Театры и пиры, веселье с красотой,
Беспечность праздная и увлечений смены,
И радость вечная пред новою мечтой!
Для нас нет ни луча, ни неба,—только стены,—
Ни веянья любви, ни жизни чистоты,
Ни ласки теплых слов, ни дружеского слова,
Но мука вечная средь вечной темноты!
За что присуждены в жестокий ад живые?
Кто знает,—роем мы, но уж близка пора,
Когда захватят грудь и дух пары гнилые,
Огонь поглотит нас иль разобьет гора..
Глядите! — Смотрит смерть с коварным приговором!..
Мы роем глубь земли, копаем ряд могил
Для нас, богатых всех и скорбью и позором,—
И, кажется, в нас нет уже ни капли сил!
Копаем, роем мы губителям тиранам!..
Гремите, черные машины, молотки,
Стучите яростно от злобы и тоски,—
Пусть шахты мрачные разверзнутся вулканом,—

Раскроют тьму могил сияющим лучам!
Час наступил.—И мы идем навстречу вам.
Мы, жалкие для вас, хотим добиться братства,
И стать лицом к лицу с великим наравне!
Мы добыли для вас несметные богатства,
Что жадная земля скрывала в глубине;
Но с золотом в руках, жестокою войною
Вы двинулись на нас с позорным торжеством!
Мы драгоценности вам принесли толпою,
Вы развратили нас, измученных трудом,—
И из железа нам сковали вы оковы!
И приковали нас навеки к темноте!
Свой образ потеряв, и грязны и суровы,
Мы уголь достаем, дающий жизнь везде,
Дающий только вам тепло и свет и славу!
Ломаем горы мы и в пропасти идем—
На огненный гранит—в удушье и отраву;
Для вас из глубины мы мрамор достаем,—
Но памятники вы возводите героям,
Лишившим хлеба нас, и думаете вы:
Хоть место в петле нам, но мы покорно роем,
Но мы всегда добры, податливы, мертвы...
Патриций, буржуа, мы вас побеспокоим:
Нам окажите честь и выпьем за одно,—
За справедливый труд, за наше пробужденье,
За хлеб, которого не видим мы давно,
За честь, которой нет у вас со дня рожденья,
За светлый братский мир, роднящий всех людей,
Но что... дрожите вы.—Какое оскорбленье:
В лохмотьях и грязи у ваших мы очей!
Давая чувствовать свое полупрезренье,
Вы корку старую нам бросили скорей!..
О трусы жалкие, с угрозой наготове,—
Взгляните: ненависть проснулась, как змея,
Не хлеба мы хотим, но крови, крови, крови. .
И пусть ликует месть—хоть день один ее!

И. З. СУРИКОВ.
(1841—1880.)

ТРУДЯЩЕМУСЯ БРАТУ.

К тебе, трудящемуся брату,
Я обращаюсь с мольбой:
Не покидай на полдороге
Работы начатой тобой.

Не дай в бездействии мертвящем
Душе забыться и заснуть,—
Трудом тяжелым и упорным
Ты пролагай свой честный путь.

И чем бы в жизни ни грозила
Тебе судьба—ты твердо стой.
И будь высокому призванью
До гроба верен ты душой.

Пусть гром гремит над головою,
Но тучи черные пройдут...
Все одолеет сила духа,
Все победит упорный труд!..

П. Я.
(1860—1911)

В МОРЕ.

Не за каждым всплеском моря
Кормчий с трепетом следит:
Все решит последний, грозный,
Все девятый вал решит.
Но, чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой,
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал, второй...
Пусть они едва заметны,
Пусть они отражены:
Ждите братья, ждите с верой
Побеждающей волны!

П. Мельшин—П. Якубович. Поэт народоволец. В 1887 г. по Лопатинскому делу был осужден к смертной казни, которая была заменена ссылкой на каторгу.

Ж. РИШПЕН.
Французский поэт.
Род. в 1849 г.

СВИНЬЯ.

Что значит родина? По-моему—корыто,
Где пойло вкусное так щедро, через край
Для поросят моих и для меня налито,—
Хрю-хрю! Вот родина! Хрю-хрю,—вот светлый рай.

Есть много, говорят, других свиней голодных...
Да мне то что ж?—Хрю-хрю,—была бы я сыта,
Какое дело мне до бед и нужд народных,
До поросят чужих? Все вздор, все суета!

Пусть гибнут дураки за бредни „идеалы“,
За стадо глупое обиженных свиней...
И вовсе нет его. Нас кормят до отвала,
Хрю-хрю!—все выдумки крамольников—людей.

Пускай колбасники, торгуя колбасою,—
Из братцев и сестриц готовят ветчину,
Мне что? Ведь я—жива! Я жру свои помои.
И слышу рев и визг, и глазом не моргну!

Пер. А. Барыковой.

АДА НЕГРИ.

Итальянская поэтесса.

Род. в 1870 г.

ПРИВЕТ.

Привет мой вам, богатыри сохи!
Под ревом туч, под солнцем нетерпимым
Берете вы у жадных глыб земли
Свой жалкий хлеб.

И вам привет, богатыри труда!
Кто в рудниках, в проклятом мраке черном,
Едва дыша, вонзает в землю лом
И день, и ночь.

Зловещий гул воды донесся... Миг —
И рухнул свод с непобедимой силой,
И в бездне, где крутится прах, — царит
Печаль и смерть.

Но грудь горы разбита. Паровик
Ее насквозь прошел победоносно,
И шествие приветствуя его,
Блестит заря!

Привет мой вам, богатыри ума!
Вожди толпы и мученики мысли,
Чьи звездами горящие сердца
Зовут на бой.

И вам привет, кто бодрствует в труде,
В безвестности!.. Из сердца моего
Несется в небо крик: „Вам, духом сильные,
Святой привет!“

Пер. А Федорова.

МАТЬ.

На фабрике душной, где в зале просторной
Невнятно рокочет машинный колосс,
Где тысячи женщин страдают упорно
Под дикую песню колес, —

Пятнадцать уж лет, как в заботах о хлебе
Заводит она свой прядильный станок,
Покорно неся бесталанный свой жребий,
Судьбе непосильный оброк.

Бывают минуты, привычные руки
Заметно слабеют: усталость взяла,
Но дух торжествует, и отблески муки
Мгновенно сбегают с чела,

И дышит фигура отвагой могучей.
Вперед на работу, смелее вперед!
А если внезапно недуг неминучий
К постели ее прикует?!

Но нет, невозможно, хворать несвободно:
Растет у работницы маленький сын
Единая гордость неволи голодной,
Грядущих годов исполин.

Он грамоту знает, он крепок в рассудке,
На смелые мысли недетски горазд,—
И каплю за каплей она для малютки
Последние силы отдаст.

Когда ж за машиной в труде неустанном
Наступит бессилие старческих лет,—
Отдаст и мечты о покое желанном,
Как некогда — вешний расцвет.

И сын познакомится с жизнью глубоко,
Он явит для мира великий урок,
И черные кудри борца и пророка
Украсит лавровый венок.

В потемках подвала, в об'ятнях ночи
Сидишь ты за книгой, неволи дитя.—
Пусть думой глубокою полнятся очи,
Таинственным светом блестя.

И в мускулах крепких и в груди здоровой
В биении сердца и трепетных жил
Ты—расы гонимой, но духом суровой,
Храни недрахлеющий пыл.

Родимая мать под житейской грозой
За будущность сына без страха падет,
Ее ты проводишь горючей слезой
И кинешься в битву вперед.

И будешь ты биться пером и примером
За дальнего счастья грядущие дни.
И миру укажешь ты всумраке сером
Зари нарожденной огни.

Так будь же ты честен, велик, непреклонен!
И помни, кем вскормлен, чей жертвою рос,
Чей полдень туманный забыт и схоронен
Под дикую песню колес.

Перевел В. Шулятиков.

М. КОНОПНИЦКАЯ.
Польская писательница.
(1849—1910)

СМЕРТЬ СТАХА.

Как король шел на войну
В чужедальную страну,—
Зазвенели трубы медные
На потехи на победные.

А как Стах шел на войну
В чужедальную страну,—
Зашумела рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку...

Свищут пули на войне,
Бродит смерть в дыму, в огне,
Тешат взор вожди отважные,
Стонут ратники сермяжные.

Бой умолк; труба гремит;
С тяжелой раной Стах лежит.
А король стезей кровавою
Возращается со славою.

И навстречу у ворот
Шумно высыпал народ;
Дрогнул замок града стольного
От трезвона колокольного..

А как лег в могилу Стах,
Ветер песню спел в кустах
И звонил, летя дубровами,
Колокольцами лиловыми...

М. КОНОПНИЦКАЯ.

„ВОЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ“.

Улицей узкой, шумной и бедной
Шел, опустив воспаленные очи,
В грязных лохмотьях, дрожащий и бледный
„Вольный рабочий“...

Вольный! Он может, где хочет, скитаться,
Может бродить он по улицам шумным,
Может он плакать и может смеяться
Смехом безумным.

Может стучаться он в каждые двери:
Голода муки никто не заметит,—
Сытые люди бездушны, как звери,
Смех лишь он встретит.

С горьким проклятьем и жгучим укором
Может замерзнуть он ночью холодной
Иль умереть где-нибудь под забором
Смертью голодной.

Что-же он стал? Иль себя он боится?
Дико глядят воспаленные очи...
Что ему нужно? Ведь волен, как птица.
„Вольный рабочий“.

Э. ВЕРХАРН.

(1855—1916 г.)

БАНКИР.

Он—в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь,—там, на краю вселенной.

Пред ним Батавия, Коломбо и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борятся, то к пристани спешат;

Пред ним те станции, что строил он в пустынях,
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел,
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;

Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;
Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием, он может их рубеж
Расширить иль стеснить, иль бросить их в мятеж,
По прихоти своих расчетов потаенных.

Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король, ведет, без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых.

И в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Порывисто чертя узоры беглых строк,
Своим хотениям он подчиняет Рок, —
И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!
О, золото, что он собирает в разных странах:
И в городах, безумствующих, пьяных,
И в селах, изнывающих в труде,
И в свете солнечном, и в воздухе, — везде!
О, золото крылатое, о, золото парящее!
О, золото несытое, жестокое и мстящее!
О, золото лучистое, сквозь темный вихрь горящее!
О, золото, живое,
Лукавое, глухое!
О, золото, что порами нужды
Бессонно пьет земля с Востока до Заката!
О, злато древнее, краса земной руды,
О, вы, куски надежд и солнца! злато! злато!
Чем он владеет, он не знает,
Быть может, башни превышает
Гора накопленных монет!
Но все холодный, одинокий,
Он, как добычу долгих лет,
С какой бы радостью глубокой
Небес охране вековой
Доверил самый шар земной.

Толпа его клянет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердец пожар упорный,
Сжигает души всех, его-ж душа — пуста.
И если он кого обманет, что за дело!
Назавтра тот к нему стучится вновь несмело.
Его могущество, как ток нагорных вод,
С собой влечет в водоворот
(Как камни, листья и растенья)
Имущества, богатства, сбереженья

И малые гроши,
Которые в тиши
Копили бедняки в поту изнеможенья.

Так, подавляя все Нягарами своей
Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
Над грудями счетов весь погруженный в думы,
Решает судьбы царств и участь королей.

Перевод В. Брюсова.

Знаменитый бельгийский поэт—революционер. 30 сент.
н. с. 1916 г. был раздавлен поездом.

Э. ВЕРХАРН.

Трибун.

Как мощных вязов грубые стволы,
Что деды берегли на площади соборной,
Стоит он между нас, надменный и упорный,
В себе связав безвестных сил узлы.
Ребенком вырос он на темных тротуарах
Предместья темного, из'еденного злом,
Где каждый человек с проклятьем был рабом
И жил, как под замком, в тюрьме укладов старых.
В тяжелом воздухе мертвящего труда,
Меж лбов нахмуренных и спин согбленных долей,
Где каждый день за стол садилась и нужда...
Все это—с коих пор! и это все—доколе!
И вдруг—его прыжок в шумящий мир борьбы.
Когда народ, сломав преграды вековые,
И кулаки подняв на темный лик судьбы,
Брал приступом фасады золотые,
И, с гневом смешанный, шел дождь камней,
Гся по окнам отблески огней
И словно золотом усыпав мостовые!
И речь его, похожая на кровь,
На связку острых жал, разрозненных нещадно!
И гнев его, и ярость, и любовь,
То вместе свитые, то вьющиеся жадно
Вокруг его идей!
И мысль его, нестово живая,
Вся огневая,
Вся слитая из воли и страстей!
И жест его, подобный вихрю бури,
В сердца бросающий мечты,
Как сев кровавый с высоты,
Как благодатный дождь с лазури!
И стал он королем торжественных безумий.
Всходил и всходит он, все выше, все вперед,
И мощь его растет, среди восторгов, в шуме,
И сам забыл он, где ее исход!

Весь мир как будто ждал что встанет он; согласно
Трепещут все сердца с его улыбкой властной;
Он — ужас, гибель, злоба, смерть и кровь;
Он — мир, порядок, сила и любовь!
В нем тайна воли одинокой,
Кующей молоты великих дел, —
И, полон гордости, что знают дети Рока,
Он кровью вечности ее запечатлел!
И вот он у столба распутия мирового,
Где старые пути иным рассечены,
Которым ринутся искатели иного
К блистательной заре неведомой весны!
Он тем уже велик, что отдается страсти,
Не думая, всей девственной душой,
Что сам не знает он своей последней власти
И молний, вверенных ему судьбой.
Что он — загадка весь, с ненайденным решением,
Что с головы до пят он погружен в народ,
Что, целен и упрям, живет его движеньем
И с ним умрет.
И пусть, свершив свой путь, пройдя подобно грому,
Исчезнет он с земли в день празднеств иль стыда,
И пусть за ним шумит иль слава, иль вражда,
Пусть новый час принадлежит другому!
Не до конца его друзья пошли
На пламенный призыв пророческого слова.
И если он исчез, — то — чтоб вернуться снова!
Его душа была в Грядущем, там вдали,
В просторах моря золотого,
Отлив, пришедший в свой черед,
Ее на дне не погребет.
Его былая мощь сверкает в Океане,
Как искр бесчисленность на волнах,
И в плоть, и в кровь вошел огонь его мечтаний,
И истины его — теперь во всех сердцах!

Перев. В. Брюсова.

НА ЗАПИСАХ

Когда взошла зорька и слышны были
Народный день и шаг
Когда гулел набат, а кружилась
По улицам толпа.

II

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Мушкетер наша доля
Там действовал народ доблестный
Заточенных людей
Черны грозные дубы там
И выжигали ствол
В переходной дыме
Угроз
А там багровые
С багровыми
Железобитые
Там были
Мертвые
И живые
К бесчеловечным

О. БАРБЬЕ.

Французский
поэт-сатирик.
(1805 — 1882)

НА БАРРИКАДЕ.

Когда взошла заря, и страшный день багровый,
Народный день настал,
Когда гудел набат, и крупный дождь свинцовый,
По улицам хлестал;

Когда Париж взревел, когда народ воспрянул,
И малый стал велик,
Когда скопившийся веками грозно грянул
Гром злобы, страшен, дик, —

Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней:
Там действовал напор лохмотьями прикрытых,
Запачканных людей.

Чернь грязною рукой там ружья заряжала
И закопченным ртом
В пороховом дыму неистово кричала:
„Умрем!“

А эти баловни в натянутых перчатках
С батистовым бельем,
Женоподобные, в корсетах, на подкладках,
Там были-ль под ружьем?

Нет! Их там не было, когда все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та святая
К бессмертию неслась.

А те господчики, боясь громов и блеску
И слыша грозный рев,
Дрожали, где нибудь, вдали, за занавеску
На корточки присев.

Их не было в виду, их не было в помине
Средь общей свалки там
Затем, что,— видите ль, свобода—не графиня
И не из модных дам,

Которые, нося на истощенном лице
Румян карминных слой,
Готовы в обморок упасть при первом крике,
Под первую пальбой.

Свобода — женщина с здоровой, мощной грудью,
С загаром на щеке,
С зажженным фитилем, приложенным к орудию.
Дымящимся в руке;

Свобода—женщина с покойным, твердым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо веющим по ветру красным флагом,
Под дымом боевым.

И голос у нее—не женственный сопрано:
Ни жерл чугунных ряд,
Ни медь колоколов, ни шкура барабана
Его не заглушат.

Свобода — женщина; но в сладострастьи щедром
Избранникам верна,
Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
Могучая жена.

Ей нравится плебей, окрепнувший в проклятьях,
А не гнилая знать.
И в свежей кровию дымящихся об'ятьях
Ей любо трепетать.

Плебейка гордая, она с отрадной речью
Являлась нам в стенах,
Избитых ядрами, униженных картечью,
С улыбкой на устах.
У ней огонь в зрачках, в ланитах — жизни краска;
Дыханье — горячо,
Лохмотья, нагота, трехцветная повязка
Через голое плечо...
Она пришла: народный жребий вынут...

Перевел Курочкин.

ВОССТАНИЕ.

Улица быстрым потоком шагов,
Плеч и рук и голов
Катится в яростном шуме,
К мигу безумий,
Но вместе—
К свершеньям, надеждам и мести!
Улица грозная, улица красная,
Властная,
В золоте пышном заката.
В зареве ярком, окрасившем твердь.
Вся смерть,
Встала в призывах набата.
Вся смерть
Как ожившие дико мечты,
Встала в огнях и неистовых криках!
Головы чьи-то на пиках—
Словно на стеблях цветы.
Гулы глухие орудий
(Кашель чугунный безжалостных грудей)
Мерят печальные вздохи минут.
Циферблаты разбиты на башнях высоких.
Не льется на площади ровный их свет
(Словно очи столицы смежили ресницы);
Времени более нет
Для сердец, опьяненных, жестоких,
Для толпы, совершающей суд!
Ярость великая с пламенным ликом,
С радостным криком.

С кровью, бушующей в жилах,
Встала на груди камней.
Все она может! Все она в силах!
Одно лишь мгновенье
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье.
Все, что мечталось когда то,
Что гении в песни крылатой
Провидели в темной дали,
Что в души, как сев, западало,
Чем души, как травы, цвели,—
Все встало
В миге, смешавшем, как сплав,
Ненависть, силу, сознание прав.
Люди празднуют праздник кровавый,
Люди проходят и красны и пьяны,
Люди проходят по мертвым телам.
Солдаты не знают, кто правый, не правый,
Стучат, как всегда, барабаны,
Но пальцы устали касаться к куркам.
Толпы народа проходят за толпами следом
Сквозь ужас, под сенью веселых знамен,
К началу новых времен—
К победам.

Убивая,—творить, обновлять!
С ненасытной природой вонзять
Зубы в святую мишень!
В великий безумием день
Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая—творить, обновлять!
Горят мосты и строенья,
(Фасады из крови на фоне ночном),
И в глуби каналов дрожат отраженья—
На самое дно уходящим столбом!

Громадные тени больших колоколен
Лежат, как преграды по светлой земле.
Огонь над домами—и весел—и волен—
Кидает пригоршнями искры во мгле.
И черные дымы извивом могучим
Летят, вне себя, к окровавленным тучам.
Чу! Залп!

Смерть, машинально беря на прицел,
Треском сухим разряжаемых ружей
Валит в кровавые лужи
Груды причудливо-скорченных тел.
Свинец разрешает упорные споры;
В небо пред смертью вонзаются взоры;
Отблеск пожара на лицах их всех
Бросает чудовищный смех!
Горопясь, задыхаясь, вызывает набат
(Так сердца перебоем стучат)
Но часто настойчивый звук,
Как голос, пресекшийся вдруг,
Бессильно смолкает,
И десяток пылающих рук
Кресты колокольни ласкает.
Чу! Залп!

Толпа—перед входами сумрачных мерий.
Державших весь город под тяжелой пятой.
Давивших порывы к мечте золотой.
Качает, ломает тяжелые двери;
Засовы трещат и взлетают замки;
Отдают из утроб сундуки.
Расчетные книги, счета и бумаги;
И факелы лижут своим языком.—
И помнят о черном былом
Лишь черного дыма зигзаги!
Взвились над балконами красные флаги,
И, падая, кто-то руками раскинул в простран-
стве пустом.

Своеволье и буйство везде,
Христос в полумраке церквей,
Сорванный кем-то с распятия,
Повис на последнем гвозде,
Простирая бессильно объятья.
Лужами разлит елей;
Кем-то разбиты спокойные стекла икон;
Пол убелен
Снегом причастья,
И по ним проложили не мало дорог
Следы святотатственных ног.

Самоцветные камни убийств и возмездий
Горят, словно взоры далеких созвездий.
Город сверкает,
Как исполин золотой, облеченный в багрец!
Город во мглу простирает
Свой опоясанный пламенем ярким венец!
Поля и селенья, безмолвно простерты,
Следят, не решаясь дышать,
Как некто во глуби громадной реторты
Жизнь и безумие хочет смешать,
Как дым, подымаясь из бури народной,
Метет небосвод безответно-холодный.
Умирая, твори, обновляй,
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай!—
Ты, искра в сияньи встающей зари!
И что бы судьба ни сулила,—
Сквозь сонмы веков нас влечет,
Спеша, задыхаясь, безвестная сила
Вперед!

Пер. В. Брюсов.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

Современный поэт.

КОММУНА.

Терпенья взорваны года

И перешиблен гнет:

Париж восстал на города,

Себя на смерть несет...

Париж кричал: войне—война,

Как пыль гнилушки, сдуем,

Мы выкуем тебя, страна,

В рабочую Коммуну!..

Смеялось солнце в небесах

Горячими глазами

Штыками вздыбленный Версаль

В разбеге диком замер.

Палящей боли Тьер завыл

Ордою хищных выжиг,—

Как взвились кудри с головы

Веселого Парижа.

Коммуна крепнет и цветет,

Версалью—костью в горле.

Рванулся в злобе Тьер, и вот—

Заговорили жерла.

Предместий жуток тесный строй,

Грохочут батареи.

И пяди не было такой

Где б красный флаг не реял.

В железных кольцах баррикад

Нет выходов и дверцев,

Но каждый был подставить рад
Врагам живое сордце.

Париж щатнулся. Он устал.
В стальные плечи вжался.
И в ужасе ломал квартал
Израненные пальцы.

И чья-то цепкая рука
Клещу свою простерла,
На вздутой шее баррикад
Стискивая горло...

Колол Версальский крик: лови!
Закату скрыться где бы,
И солнце плавало в крови
Расстрелянного неба.

Коммуна пала. Кровь, дымясь,
Разбрасывая искры,
Такую вывязала вязь,
Что долгий гнет не выскреб...

И победители дрожат,
Таясь ночью синью,
От наточенного ножа
На жерновах России.

Была Коммуна, будет, есть!
Живые песни льются,
Чтобы везде огонь пронесть
Рабочих революций!

ГОЛОВА

На черный эшафот ты голову взнесешь
Под звон колоколов, и глянешь с пьедестала.
И крикнут мускулы, и просверкает нож,—
И это будет пир и крови и металла!

И солнце рдяное и вечера пожар,
Горя карбункулы в холодной влаге ночи,
Узнают, увидав опущенный удар,
Сумели ль умереть твое чело и очи!

Торжественное зло вползет в народ змеей.
Свой океан смилив вокруг помоста славы,
Толпа потом, как мать, приняв твой гроб простой.
Баякать будет труп, кровавый и безглавый,

И ядовитое, как сумрачный цветок
(Где зреет красный яд, как молнии сверканье).
Недвижное, как в грудь вонзившийся клинок.
Пребудет о тебе в толпе воспоминанье!

Под звон колоколов ты голову взнесешь
На черный эшафот, и глянешь с пьедестала,
И крикнут мускулы и просверкает нож,—
И это будет пир и крови и металла!

Пер. Валерий Брюсов.

Раскаянье своей ты вызвал чистотой,
За то, что делалось, не можешь ты ответа
Нести. О, как дитя великолепно это, —
Отвергнуть бегство, жизнь, все игры, луч весны,
И предпочесть всему мрак страшной той стены,
Где пали все друзья.

Тебя целует слава!

В античной Греции тебе бы, отрок, право,
Ключи Аргосских врат могли быть вручены.
Тебе любой герой сказал бы: мы равны.
И там с эфебами стоял бы наравне ты.
Воспели бы тебя великие поэты,
И имя бы твое гравировать могли,
И мог бы сделаться любимцем ты земли,
При приближеньи чьем у водоема дева
Забудет про быков, томящихся у хлева,
И, с урной на плече, не двигаясь стоит
И долго вслед ему задумчиво глядит.

Пер. Т. Френкель.

С. ОБРАДОВИЧ.

Соврем. пролетарский
поэт. Род. в 1892 г.

ЖАН.

... Париж! Мятежный голубой Париж!
И молнии знамен, и тучи блуз;
Звонящий Марсельезой Тюльери,
И над толпой—спокойный Делеклюз.

Эй, старый Жан, не отставай!
И—в ногу, в ногу с юным батальоном!..
Какая ширь, какая синева
Над свергнутой Вандомскою колонной!

И радостны пожатья грубых рук,
И улыбнулась исподлобья вера
Под грузом пережитых мук... и вдруг—
Треск митральез и гул орудий Тьера.

Был взят у баррикады накануне,
Петрольщицы, ткачи и с ними старый Жан.
Последний крик, последний взор Коммуне—
И вечером, толпой, под барабан,

Их привели к подножию Монмартра.
Молчал Париж. Ружейная сверкала сталь.
Вдали, затапывая знамя Марта,
Зло взвизгивал пьянеющий Версаль.

Команда... залп... И болью вздрогнул город.
Обугленный и дымный пал закат.
Но у стены, под смех и ругань своры
Вдруг вспыхнул солнечным простором
Взор умирающего старика.

Быть может, предугадывая дали
И ход Истории во мгле столетий, он
Расслышал в полувековом закале
Гул Октября, знамен весенний звон.

Быть может видел он, как песнь Восстаний
На Интернационал победой перепел,
К нему идет приветом через грани
Мозолистое „Р.К.П.“...

III

1905 г.

(Канун 1905 г., 9 января и декабрьское
восстание).

ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

Братья, нет сил для терпенья! Мы слишком устали
Вечно бороться за жизнь—эту жизнь нищеты и
печали.

Хочется воздуха, красного солнца, простора,
душистых цветов...

Прямо и смело заявим: мы требуем— „восемь часов“.
Всюду—на фабриках, в шахтах, в толпах возглашайте
народных:

„Восемь часов для труда, восемь— для сна, восемь—
свободных“.

Наши волы, что пасутся, покончивши труд,
Птицы небесные, звери счастливей живут.

О, если так.. для чего же душа в нас живая?

Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, от края до
края!

Если молчать будет голос нужды и труда,
Камни немые за нас возглаголят тогда.

Верьте: не темная сила—дух правды и света

Нас призывает стоять, не страшась перед богом
ответа:

Тот, кому образ твой вечный с любовью он мог
даровать,

В прахе как червь бессловесный, не должен лежать.

Пусть же звучит и в полях, и в собраниях народных:

„Восемь часов для труда, восемь— для сна, восемь—
свободных“.

М. ГОРЬКИЙ.
Современный писатель
(Род. в 1869 г.)

ПЕСНЬ О БУРЕВЕСТНИКЕ..

Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Гордо реет Буревестник,
Черной молнии подобный.
То волны крылом касаясь,
То стрелой взмывая к тучам,
Он кричит,—и тучи слышат
Радость в смелом крике птицы...
В крике этом — жажда бури!
Силу гнева, пламя страсти
И уверенность в победе
Слышат тучи в этом крике.
Чайки стонут перед бурей, —
Стонут, мечутся над морем
И на дно его готовы
Спрятать ужас свой пред бурей...
И гагары тоже стонут.
Им, гагарам, недоступно
Наслажденье битвой жизни:
Гром ударов их пугает.
Глупый пингвин робко прячет
Тело жирное в утесах...
Только гордый Буревестник

Реет смело и свободно
Над седым от пены морем!
Все мрачней и ниже тучи
Опускаются над морем,
И поют и пляшут волны
К высоте навстречу грому.
Гром хохочет. В пене гнева
Стонут волны, с ветром споря.
Вот охватывает ветер
Стаи волн об'ятем крепким
И бросает их с размаха
В дикой злобе на утесы,
Разбивая в пыль и брызги
Изумрудные громады.
Буревестник с криком реет,
Черной молнии подобный,
Как стрела, пронзает тучи,
Пену волн крылом срывает.
Вон он носится, как демон,
Гордый, черный демон бури, —
И смеется и рыдает...
Он над тучами смеется,
Он от радости рыдает;
В гневе грома,—чуткий демон,
Он давно усталость слышит,
Он уверен, что не скроют
Тучи солнца, нет не скроют!
Ветер воет... Гром грохочет...
Синим пламенем пылают
Стаи туч над бездной моря.
Море ловит стрелы молний
И в своей пучине гасит.
Точно огненные змеи,
Вьются в море, исчезая,
Отраженья этих молний.
— Буря! скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник
Гордо реет между молний
Над ревушим гневно морем.
То кричит пророк победы:
— Пусть сильнее грянет буря!...

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ.

1.

„Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущельи, свернувшись в узел и глядя в море.

„Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

„А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями ..

„Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

„Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

„С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

„Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две—три минуты...

„Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— „Что, умираешь?

— „Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх, ты, бедняга!

— „Ну, что же — небо? — Пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

„Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

„И так подумал. „Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...“

„Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

„Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущельи темном и пахло гнилью.

„И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:— „О, если-б в небо хоть раз подняться! Врага прижал бы я к ранам груди и... захлебнулся-б моей он кровью!... О, счастье битвы!..“

„А Уж подумал: „должно быть в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..“

„И предложил он свободной птице:

— „А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся.

„Быть может, крылья тебя подымут и поживешь ты еще немного в своей стихии.“

„И дрогнув Сокол, и гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

„И подошел он, расправил крылья, вдохнув всей грудью, сверкнул очами и—вниз скатился.

„И сам, как камень скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

„Волна потока его схватила и, кровь оmyвши одела в пену, умчала в море.

„А волны моря с печальным ревом о камень бились... И трупа птицы не видно было в морском пространстве...

2.

„В ущельи лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу...

„И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— „А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам

в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть не надолго.

„Сказал и—сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

„Рожденный ползать—летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

— „Так вот в чем прелесть полета в небо! Она—в паденьи!.. Смешные птицы!

„Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи!.. Я сам все знаю! Я—видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

„И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

„Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

„В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

„Безумству храбрых поем мы славу!

„Безумство храбрых—вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время—и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много сме-

лых сердец зажгут безумной жадой свободы,
света!

„Пускай ты умер! Но в песне смелых и силь-
ных духом всегда ты будешь живым примером,
призывом гордым к свободе, к свету!

„Безумству храбрых поем мы песню! “

Х. Н. БЯЛИК.

Еврейский поэт.
(Род. в 1874 г.)

СКАЗАНИЕ О ПОГРОМЕ.

Встань и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой и закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками: то—они!
Пройди к развалинам, к зияющим проломам,
К стенам и очагам разбитым, словно громом:
Вскрывая черноту нагого кирпича,
Глубоко врывается лом крушительным тараном,
И—те пробоины подобны черным ранам,
Которым нет целенья и врача.
Ступи, утонет шаг: ты в пух поставил ногу,
В осколки утвари, в отрепья, в клочья книг:
По крохам их копил воловий труд, и—миг,
И все разрушено... А выйдешь на дорогу,—
Цветут акации и льют свой аромат,
И цвет их—словно пух, и пахнут словно кровью.
И на зло в грудь твою войдет их сладкий чад,
Маня тебя к весне и жизни и здоровью.
И греет солнышко, и, скорбь твою дразня,
Осколки битого стекла горят алмазом—
Всё разом бог послал, все пировали разом:
И солнце, и весна и красная резня!
Но дальше! Видишь двор? В углу, за той клоакой,
Там двух убили, двух—жида с его собакой;
На ту же кучу их свалил один топор,
И вместе в их крови свинья купала рыло.
Размоет завтра дождь вопивший к богу сор,
И сгинет эта кровь, всосет ее простор
Великой пустоты бесследно и уныло,
И будет снова все попрежнему, как было...

Иди! Взберись туда, под крыши, на чердак:
Предсмертным ужасом еще трепещет мрак,
И смотрят на тебя из дыр, из теней черных
Глаза, десятки глаз, безмолвных и упорных.
Ты видишь? То — они! Вперяя мертвый взгляд,
Теснятся в уголке и жмутся и молчат.
Сюда, где с воем их настигла стая волчья,
Они в последний раз прокрались — оглянуть
Всю муку бытия, нелепо-жалкий путь
К нелепо-дикому концу, — и жмутся молча
И только взор корит и требует: за что?
И то молчанье снести лишь бог великий в силах!
И все мертво кругом, и только на стропилах
Живой паук: он был, когда свершалось то, —
Спроси и поплывут перед тобой картины:
Набитый пухом из распоротой перины
Распоротый живот и гвоздь в ноздре живой;
С пробитым теменем повешенные люди;
Зарезанная мать и с ней, к остылой груди
Прильнувший губками ребенок; — и другой,
Другой, разорванный с последним криком „мама“.
И вот он — он глядит, недвижно, молча, прямо
В мои глаза и ждет отчета от меня...
И в муке скорчишься от повести паучьей,
Пронзит она твой мозг и в душу, леденя,
Войдет навеки смерть,.. И сытый пыткой жгучей,
Задушишь рвущийся из горла дикий вой
И выйдешь, — и земля все та же, не другая,
И солнце, как всегда, хохочет, изрыгая
Свое ненужное сиянье над землей...

Перев. В. Жаботинский.

Стихотворение было написано на древне-еврейском языке тотчас после погрома в Кишиневе, организованного с ведома министра Плеве в 1903 году.

ЯНКО КУПАЛА.

Белорусский поэт—крестьянин.
(Род. в 1882 г.)

КТО ТЫ?

Расскажи мне, кто ты?

— Тутошний я, милый!

А чего ты хочешь?

— Доли непостылой.

В чем же эта доля?

— Вдоволь хлеба, соли.

А еще что боле?

— Что?—земли и воли.

Где же ты родился?

— Здесь, в своей деревне.

Ну, а где крестился?

— При дороге древней.

С кем ты был обвенчан?

— С кровью, потом—плечи.

Как же жить ты хочешь?

— Жить по человечьи...

Пер. Н. С. Ашукин.

ПЕТР ОРЕШИН.

* Современный крестьянский поэт.
(Род. в 1883 г.)

9 ЯНВАРЯ.

1.

Шли темной массой ко дворцу
Со всех сторон, со всех окраин.
И ноги плыли по торцу,
И пот катился по лицу,
И праздничны звонки трамвая,
И ветер, флагами играя,
Шел в массах к царскому крыльцу.

2.

Шли темной массой по снегам,
По всем проспектам и каналам,
По улицам, по берегам
Невы и Мойки, по садам,—
Шли шагом мерным, чуть усталым.
И солнце медленно шагало
По непокрытым головам.

3.

Шли темной массой—от станка,
От доменных печей и стали,
От молота и верстака,
И от хозяйского пинка,—
Плечо к плечу, в любом квартале
Был слышен гул, и скрипом рвали
Дороги желтые снега.

4.

Шли грозной массой, как леса,
 От зноя, ветра и засушьа.
 В иконах — страх, темны глаза;
 Горели знойно в небесах
 Ряды хоругвей, ветер в уши;
 И измотавшиеся души
 Горели верой в чудеса.

5.

Шли темной массой. Явь—как сон:
 Царь—правда, истина, защита!
 И шли со всех, со всех сторон.
 На милость шли и на поклон
 К царю—все головы открыты,
 И над толпой блестел сердито
 Крестом нагрудным поп Гапон.

6.

Шли гулкой массой. Впереди
 Распахивалась тень Гапона.
 Крестовский остров подходил
 К Неве, изрытой взмахом льдин;
 И мост, снежком посеребранный,
 Гудел и сыпал вьюжным звоном
 Снежок в перилах и в груди.

7.

Шли темной массой. Уж близка
 Им к Зимней площади дорога.
 Царев дворец, вдали—река,
 Гербы над садом, и слегка
 Идет снежок. Еще немного
 Шевелится в душе тревога.
 Покорность ярость и тоска!

8.

Но шел уверенно Гапон,
 Безумный поп, и диким взглядом
 Вонзался в ясный небосклон:
 Так верен был он тьме икон,
 И массы, взвинченные гладом,
 Не дрогнули бы под прикладом
 Итти, куда укажет он!

9.

Шли плотной массой. Город тих.
 Но он проснулся. В массах ропот
 Вокруг, везде, тайком от них,
 Мчат кони всадников лихих...
 Пронесся гулом страшный шопот,
 И в желтый снег под конский топот
 Летят свистки городских.

10.

Тяжелой массой подошли;
 Плечо в плечо, слоновье стадо,
 Запахло потом, пар валит
 От мокрых шей и от земли.
 ... И веру в милость и пощаду,
 В сердцах покорных, как лампаду,
 Перед дворцом они зажгли!

11.

— Нас грабят, царь! Ты—наш отец,
 Ты нас поймешь, пришли мы сами!
 Мы— стадо темное овец,
 Ты слышишь рабий бой сердец?
 Наш труд не в труд... Ты—царь над нами!
 ... Так думали они сердцами
 Перед царем открыться, наконец.

12.

Но хмур дворец. Молчат орлы,
 Прибитые ко всем балконам.
 И вдруг дворцовые углы
 Качнулись, выплыли из мглы,
 Блеснули саблями и звоном
 Стальных штыков и с тихим стоном—
 Вперед!—ружейные стволы.

13.

Выл ветер: что вам?—Нам царя!
 Темны шинели.—Дай царя нам!
 Мы шли к нему, мы шли не зря!
 Грох на колени: дай царя!
 Балкон открылся. Рыком рьяным
 Рванулся Трепов: смерть смутьянам!
 Но массы, массы: дай царя!

14.

Гапон платком (платок был бел!)
 Махнул... В ответ—платок с балкона,
 Вот первый залп уж прогремел,
 Вот залп второй, огонь вскраснел,
 И грянуло со всех балконов
 Для всех полков и батальонов:
 — Ребята, не жалеть патронов!
 Так я велю, так царь велел!

15.

Гапон исчез. Ружейный гром
 Со всех сторон по темным массам,
 Мужчин и женщин, всех—свинцом,
 Свинцовым огненным дождем
 Крошили злым и пьяным часом,
 И снег от крови и от мяса,
 Кровавым вспенился дымком!

16.

И не было спасенья там,
В глубоких улицах, где роты
Солдат неслись по головам
И разрезали пополам
Казачьи сабли, в час охоты
Ловили жертву пулеметы,
И кровь алела по снегам!

17.

Недаром спаивали их,
Солдат откормленных и серых,
Казачьих, горцев молодых,—
Рубили крепко, враз двоих,
В царя расстреливая веру,
И, дикости теряя меру,
Кололи мертвых и живых!

18.

Земля стонала и рвала
Поземку легкую над кровью.
И к вечеру метель пришла,
Звездой упала на тела,
Прильнула к вечному покою
Крылом отмщенья, и с любовью
Им белый плат свой отдала.

Н. РЫБАЦКИЙ.
(1880—1920)

9 ЯНВАРЯ.

Их были тысячи. Доверчивой толпою
Они к дворцу царя с его портретом шли:
Священник впереди, за ним кресты, иконы,
По сторонам хоругвей ряд несли.

В морозном воздухе проглядывало солнце.
Далекий путь толпы был снегом заметен.
Холодный ветер стих и замер, удивленный:
Такой толпы не видывал и он.

Шли братья с сестрами, товарищи, подруги,
Друзья, знакомые, шли матери, отцы...
С седобородами, согбенными летами,
Бок о-бок шли безусые юнцы.

Их были тысячи. Они молитвы пели
И шли сказать царю, сколь горек их удел,
И шли просить царя, чтоб твердым царским словом
Признать права народные велел.

— Усердьем слуг твоих,—воров и скоморохов,
Одетых в золото кровавых палачей,—
Мы пухнем с голода под хохот произвола,
Под лязг и звон бесправия цепей.

Заступник наш и царь. Ты выслушать нас должен,
Как слушает детей заботливый отец—
Их были тысячи. Но не сбылась надежда
Доверчивых измученных сердец:

Их залпом встретили, их шашками рубили,
Без сожаления калечили навек..
И дрогнула толпа. И вдруг остановилась,
В смятении приникнула на снег.

— „Проклятие рабам, рабам братоубийцам!
Но трижды проклят тот, кто убивать велел!“
И в этот страшный миг, людским проклятьям вторя,
Взметая снег, вновь ветер зашумел...

Убиты многие. Но с ними же убили
И веру у живых в заступника-царя.
И возмущенные, без слов, без рассуждений,
Все поняли: жить дальше так нельзя...

Угаснул солнца луч. Над городом кровавым
Спустилась скорби ночь. И не зажглись огни:
В тревожной мгле, на площадях безлюдных
Вокруг костров—пикеты лишь одни.

И кто-то, плачущий беспомощным дитятей,
Тревожно у домов кружился, завывал,
И кто-то, призраком тоскующим и гневным,
Настойчиво к отмщенью призывал...

ВЛ. КИРИЛЛОВ.

* Современный пролетарский поэт.
(Род. в 1891 г.)

9 ЯНВАРЯ.

Шли, обнимались, пели, шли;
Взоры, как свечи, жарко цвели.

Праздничек чудный; ризы икон,
Правит обедней попик Гапон.

Видно, обедня здесь не проста,—
В лучшем наряде мать и сестра.

Верили в чудо, пели, шли,
Только не ждали острое: пли!

Трах... оборвалось: „Боже, царя“...
Кто-то погнулся у фонаря.

Взор неподвижный страшен и дик,
В синих сугробах пламень гвоздик.

Улица пьяно плещет свинцом:
Батюшка-царь угостил винцом.

Сабли казацкие метки, остры:
Брата не стало, не стало сестры.

Синие глазки малых ребят,
Словно на елку, в небо глядят...

Внук не забудет этот пирок,—
Кровушки попил русский, царек...

ЦАРЬ-ЛОЖЬ.

Народ подумал: „Вот — зря.
Пришел тоске конец“.
Народ пошел — просить царя,
Ему в ответ — свинец.

А, низкий деспот! Ты навек
В крови, в крови теперь.
Ты был — ничтожный человек,
Теперь ты — подлый зверь!

Но кровь рабочего взошла,
Как колос, перед ним
И задрожал приспешник зла
Перед колосом таким.

Он — красен, нет ему серпа,
Обломится любой.
Гудят колосья, как толпа,
Растет колосьев строй.

И каждый колос — острый нож,
И каждый колос — взгляд.
Нет, царь, теперь не пойдешь,
Нет, подлый царь, назад!

Ты нас теперь не проведешь
Девятым Января.
Ты — царь, и значит — весь ты ложь,
И мы сметем царя!

САМОБЫТНИК.

Современный пролетарский поэт.
(Род. в 1886 г.)

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ.

1.

Неволи царской боль остра...
Кто дерзко встанет на порог?
Кто прозвонит в мятежный рог:
Пора, пора, пора...

О, день суровых первых проб,
Призывный праздник Января,
Отцовской веры верный гроб,
Грядущего заря!

Довольно в сумерках гореть!
Пора свободу дать сердцам,
Разрушить гнет иль умереть,
В последний раз—к дворцам!

О, дайте, дайте нам вздохнуть,
Открыть на волю дайте дверь!
И грянул залп... Железом в грудь
Ответил лютый зверь...

Но в окровавленном снегу
Услышит ветер наш зарок,
Он прозвонит в железный рог,
В ответный рог—врагу.

Вставай, подымайся рабочий народ,
В суровой борьбе—поворот.
Дохнул из предместий, сквозь копоть
и гарь,

Грозой обожженный январь,
„Вставай, подымайся“, в подполье глухом
Гремит искупительный гром!
И гневных сердец окрыленную ширь
Не сломят тюрьма и Сибирь...

„Вставай, подымайся“, предместья поют,
Стальные гиганты встанут.
И выстрелам царским ответит набат
Мятежным огнем баррикад.

2.

За нашу кровь придет расплата —
Душа солдата не мертва,
В грозе весеннего раската
Созреют вольные слова.

В казарме сумрачной, острожной
Он страх свой ложный проклянет,
И наша кровь в душе тревожной
Священным гневом расцветет.

В неумолимом приговоре,
В железном споре — дрогнет враг.
Как буревестник, в Черном море
Взовьется вольный красный флаг.

И пролетарской власти дверца,
Как лев, поднимется Кронштадт,
Свеаборг — пламенное сердце —
Забьется с нашим сердцем в лад.

И грянет колокольной песней
Старушка — древняя Москва.
Над окрававленной Пресней
Сплетется красная молва.

И ни сомненьем, ни изменой
Не осквернится наша кровь,
В тревожных выстрелах над Леной
Она грозой воспрянет вновь.

И в годы горя жизни бледной
Она скует железный щит.
И словно колокол победный,
В Октябрьский праздник зазвучит.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК.

(Род. в 1874 г.)

НА РОДИНЕ.

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых манчжурских полей,
Калека-солдат истомленный
К семье возвратился своей.

Спешил он жену молодую
И малого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его ..

И стиснула сердце тревога:
„Вернулся я, видно, не в срок?“...
—Скажите, не знаете-ль, братья,
Где мать?.. Где жена?.. Где сынок?..

— Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...
Небось твои раны болят?..

—Скажите скорее мне правду...
Всю правду!.. — Мужайся, солдат...

Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... с челобитной
К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она,
И... на смерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...

—Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой...—Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят...

—Где мать?—Помолиться к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой
До ночи едва дожила...

—Не все еще взято судьбою.
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?—Мужайся, солдат...

—Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?
—О нет... не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою...

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит...

.
Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза...
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза...

И. КАЛЯЕВ.

ПУСТЬ ГРЯНЕТ БОЙ.

Моя душа пылает страстью бурной,
И грудь полна отвагой боевой.
Ах, видеть лишь свободы блеск пурпурный!
Рассеять мрак насилия вековой!

И маску лжи сорвав с лица злодея,
Вдруг обнажить его смертельный страх
И бросить всем тиранам, не робея,
Стальной руки неотвратимый взмах...

Довольно слез! Пусть грянет бой победный,
Народ зовет, — преступно, стыдно ждать.
Рази ж врага, мой честный меч наследный!
Я твой, весь твой. О родина, о мать!

Каляев И. Н. родился в 1876 г. Член партии социалистов-революционеров и ее „боевой организации“. За убийство князя Сергея Александровича казнен в 1905 г.

Е. ТАРАСОВ.
Современный пролетар-
ский поэт.
(Род. в 1882 г.)

* * *

...Возникла в глухую январьскую ночь
В сердцах, не дождавшихся чуда.
Шепнула: „Отбросьте терпение прочь—
Терпенье и вера не в силах помочь,
Не ждите чудес ниоткуда!“

Шепнула и смолкла. И скрылась, и вновь
В сердцах появилась виденьем,
И в них разбудила горячую кровь,
И многие поняли слово „любовь“,
И тянутся руки к каменьям.

Ей имени нет. Но повсюду, куда
Заброшены бледные люди,
Где жизнь—только стон нищеты и труда,
Где высятся трубы, где есть города,
А в них истомленные груди,—

Повсюда она: то виденьем встает,
То канет в толпу метеором.
Возникнув на севере—всюду зовет
И строит рядами, и кличет вперед,
И жжет загоревшимся взором.

И клич этот громкий, как звучный упрек,
До чутких сердец достигает,
Смолкают машины, смолкает станок,
И север, и запад, и юг, и восток
Могучим „мы здесь!“ отвечают.

То—гром переклички гремит над страной,
То—смотр всенародной дружины.
Все дальше, все шире катится волной:
„Мы здесь!“ „Мы готовы!“—Иблизится бой,
И стелется дым по равнине.

ДЕРЗОСТИ СЛАВА!

Жить в потемках мы устали,
Мы проснулись, мы восстали,—
Слишком долго боя ждали,—
Жаждем жизни молодой.

Прочь, беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных,
В наших домнах, в наших горнах.

Полосой сверкнул металл,
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтоб металлу дать закал.

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь,—но дерзайте!

Пролетит веков гряда,—
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда!

Д. СЕМЕНОВСКИЙ.
Современный крестьян-
ский поэт.

ТОВАРИЩ.

Как ветер весенний, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось священное слово,
Заветное слово одно:

„Товарищ!“

Как песня звучит нам оно.
В нем пылкая вера и жар упования,
Гроза мятежа, торжество ликования
И братьям от братьев привет:

„Товарищ!“

Прекраснее имени нет.
Оно неразлучно со знаменем красным,
С восторгом народным кипучим и страстным,
И с бурей гнева его...

„Товарищ!“

Нам братство дороже всего...
Мы выкуем счастье родимому краю,
Чтоб стала подобна чудесному раю
Свободная наша страна.

„Товарищ!“

Мы—сила, мы—воля одна!

Н. МИНСКИЙ.

(Род. в 1855 г.)

ГИМН РАБОЧИХ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть!
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!

Станем стражей вкруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный, все вперед!
Враг смутится, враг не выдержит удара,
Враг падет, и возвеличится народ.

Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир!

Братья-друзи! Счастьем жизни опьяняйтесь!
Наше все, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг!

1905 г.

Теченье улиц смяв и срыв,
Был необуздан бунт Москвы.
Под хриплым криком баррикады
Дни ошарашенные, взыв,
Тревожным серым сбились стадом.
И разбегалася молва,
Как мускулы пружиня зовы:
Что бьется схваткою грозовой
Тысячелетий сбив оковы,
Москва, восставшая Москва.
Бродили зовы... Был отмечен
Пожарами их мгlistый путь;
Был каждый шаг их искалечен,
Расстрелян, сдавлен и зловеще,
Как виселица, висла муть.
Толпились и таились дни..
И... у расшатанного трона
Вдруг под кремлевским перезвоном,
Под свист плетей, взметнув огни,
Москва склонилась с долгим стоном...

.....
Над ребрами баррикад—
Спокойно каркающий ворон,
Декабрьский день, да у забора
Винчестер в мертвых сжав руках
Рабочий с Пресни с гордым взором...

ВЕЛИКАЯ МОСКВА.

Как львы, дрались они... Под грохот канонады,
Под шум и треск пальбы, жестокой и слепой,—
Как в сказочной борьбе, воздвигли баррикалы—
И ринулись на бой.

Как львы, дрались они... Сквозь мглу и дым, и
пламя

Сверкая и маня, взывая и дрожа,
Взвивалось вновь и вновь воинственное знамя
Борьбы и мятежа.

Окроплено слезой, окрашенное кровью
Героев и борцов, оно звало вперед,
И шел, все шел за ним, горя к нему любовью,
Поднявшийся народ...

И шел, все шел за ним... И крепили баррикады,
И рос мятежный клич, и расцветала месть...
И гордый гимн борьбе звучал, как весть отрады,
Победы светлой весть.

И падали одни,—вставали вслед другие,
Как в сказочном бою, бойцы росли, росли...
И в жертву родине несли мечты святые
И жизнь свою несли!..

И пусть на время смолк и шум борьбы, и крики,
И гордый, гневный клич восставшего раба,—
Да здравствует народ и гнев его великий,
Да здравствует борьба!

Ф. СОЛОГУБ.

(Род. в 1863 г.)

ИСКАЛИ ДОЧЬ.

Печаль в груди была остра,
 Безумна ночь,—
И мы блуждали до утра,
 Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне
 Ночных костров.
Звучали в мертвой тишине
 Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.

Всю ночь мерещилась нам дочь,
 Еще жива,
И нам нашептывала ночь
 Ее слова.

По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.

Бросали груды страшных тел
В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
Городовой.

Скорби пламенной язык ли,
Деньги-ль дверь открыли нам,
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
В сырую мглу,
Под грудой тел мы дочь нашли
Там на полу.

С. Г. СКИТАЛЕЦ (ПЕТРОВ).

(Род. в 1868 г.)

ЧЕТВЕРО.

Как мать умирала — детей созывала —
Своих четверых сыновей:

— „Ну, дети, живите, меня схороните,
А сами живите дружной.

Отец и вы сами — ведь были крестьяне
И все не имели земли,
Добились бы, что ли, земельки да воли“...
И мать на кладбище снесли.

Меж тем все проснулось, земля всколыхнулась,
Страна запылала в огне,
И все сотрясалось и в узел свивалось,
Как в страшном, чудовищном сне.

Был старший поэтом... К народным заветам.
Гремя, его песни неслись...
Второй за собою вел к жаркому бою,
А двое за ружья взялись.

Певец перед боем спел песню героям
И сгинул в неравном бою..
Второго казнили, а двух присудили
Угаснуть в полночном краю.

А мать и не знала — в могиле лежала,
В об'ятых желанной земли...
Не знала, что в поле за землю и волю
Все четверо в землю легли!

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.
Современный пролетар-
ский поэт.

КРОВАВЫЕ ЦВЕТЫ.

(Отрывок).

...— Вот эти? Эти, что-ль? Докладчик, эти?!
А где же стража? Где конвой?
А вы, мерзавцы, встать должны передо мной!
Встать!..
Вы, трусы, в бой не шли, не слушали команды?
А вы чем занимались? Чем?
Преступной пропагандой?!

.
Конвой, веди. А завтра, на рассвете—
Их расстрелять!..

Д. ЦЕНЗОР.

(Род. в 1879 г.)

ИХ РАССТРЕЛЯЛИ.

Их расстреляли...
Утро морозное было.
Солнце, не зная, беспечно всходило,
Тихо смеялись прозрачные дали...
Снег был такой серебристый и чистый!
Час был такой молодой и лучистый!
Их расстреляли...
Измятой бессильной толпою
Сомкнулись они на снегу.
Пылают их очи тоскою
И жалостью скорбной к врагу.
Зловеще-безмолвны солдаты,
И слышат: их молят, зовут...
Но в душах не смолкли раскаты
Безумных и близких минут...
И слышат, и слышат: „О, братья!
Мы гибнем за волю и свет!“...
Но глухо сорвались проклятья,
И грянули залпы в ответ...
А солнце не знало! Солнце всходило!
Тихо смеялись лучистые дали...
Утро такое беспечное было...
Их расстреляли...

КРАСНЫЙ ЦВЕТOK.

Были сомненья ей дики—
Полной огня и тревог...
Помню—любила гвоздики,
Красный цветок.

Каждый увидеть в собраньи
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали название
„Красный цветок“.

Раз непогодной порою
Злобный постиг ее рок:
Был у нас вырван тюрмою
Красный цветок...

Ссылки угрюмой и строгой
Путь был суров и далек...
Тихо стал вянуть в дороге
Красный цветок...

Вьюгой овеянный снежной,
Север далекий жесток—
Снегом засыпан был нежный
Красный цветок ..

В. БРЮСОВ

(1873—1924)

КАМЕНЩИК.

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь, кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму!

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Видно, не ты и не твой брат, богатый:
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий,
Тем наша доля полна.

Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи?

— Эй, берегись, под лесами не балуй!...
Знаем все сами... молчи...

ИЛЬЯ ИОНОВ.
Современный пролетар-
ский поэт.

ЦВЕТЫ КАЗНЕННЫХ.

В средние века было поверие,
что цветы мандрагоры растут
только на местах казни.

Где гладью манят косогоры
Над зноем дышащих степях,
Цветут зловеще мандрагоры
На низких струпчатых стеблях.

Где даль так дивно хороша,
Цветут могилою дыша.

Гласит преданье, что когда то
Здесь жгли и вешали борцов,
Бесстрашно гибнувших за брата
И смерть принявших за отцов.

Что долго с мукой на устах
Качались трупы на столбах.

И гной с них каплями срывался,
И вниз стекал, и, как укор,
На месте этом появлялся
Пучек печальных мандрагор.

Кивая кроною своей,
Цвели, как знак кровавых дней.

Но если ктонибудь касался,
Чтоб вырвать корни из земли,
Они кричали, и метался
Их крик болезненный вдали.

Стонало сонно все окрест,
Как плач покинутых невест.

Как память прошлых вакханалий
На кровью залитых мечтах,
Как память павших, что блистали
Нетленным солнцем в небесах...

Где гладью манят косогоры,
Цветут и рдеют мандрагоры.

РАИНИС.

Адышский поэт-революционер.

(Род. в 1865 г.)

СОСНЫ

Ряд сосен царственных гроза сломила
На дюнах, вставших над прибором вод.
Смотрели гордо сосны в небосвод;
Склонять стволы им нестерпимо было:

„Ты нас сломила, вражеская сила!
Но мы отмстить сумеем в свой черед,
Наш вздох последний о вражде поет,
И в каждой ветке ненависть почилла!

И сосны выплыли в простор зыбей
Свободной стаяй гордых кораблей,
Их груди смело мчатся против бури,

И закипает вновь с грозой борьба:
„Бушуй, безумствуй, грозная судьба,
Мы все ж пробьемся к областям лазури!“

Пер. В. Брюсова.

IV

ТРУД—БОРЬБА

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.
Современный пролетарский
поэт.

(Род. в 1897 г.)

КУЗНЕЦ.

Искры, точно золото,
Брызжут из под молота,
В горне вихрь поет.
Нет в руках усталости,
Нет к железу жалости.—

Бьет.

Молодость мятежится,
Сердце счастьем нежится,
Брагу жизни пьет.
Звеньев лязг взвивается,
Это разбивается

Гнет.

Взгляд горит решимостью
Злой неустомимостью,
Сам себя он жжет.
Руки молот стиснули,—
Руки взмахом свистнули,

Бьет.

П. АРСКИЙ.
Современный пролетар-
ский поэт.

ПЕСНЯ О МОЛОТЕ.

В красных кузницах
Везувийно-грозовых,
В блеске молний бирюзовых,
Мы без отдыха куем,
Песню звонкую поем:
Как в пылу тревоги бранной
Мы чеканим и граним,
Сумрак ночи неустанно
Мы огнями золотим—
В час тревожный, в час усталый
Наш товарищ смех,
Наш могучий запевало—
Громозвучный мех,
То не ветер парусами
Зашумел;
Молодыми голосами
Загремел—
Наш веселый вольный хор.
И не грохот бури дальней—
Молот с грозной наковальней
Огневой заводит спор.
Только он железо тронет,
Эхо звонкое застонет,
Эхо в воздухе замрет.
И призывно—четкой трелью,
Нежно—звонкою свирелью
Стель застонет, запоет...
Не на помощь ли зовет?

Окна дымом занавесило,
Но, как отклики ответные,
Горн взметнулся ярким пламенем,
Заалел призывным знаменем.
Нам же весело
И радостно ковать,
Златоцветные
Алмазы рассыпать,
На работу неустанно
Мы зовем,
Мы—владыки, мы—титаны
Над железом и огнем!

Ф. СОЛОГУБ.

ПЕСНЯ ШВЕИ.

Нынче праздник. За стеною
Разговор беспечный смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шелк.

Все ушли мои подруги
На веселый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.

Мне веселости не надо,
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада—
Чтоб исполнить мой обет.

Все, что юность мне сулила,
Все, чем жизнь меня влекла,
Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.

— Шей нарядные одежды
Для изнеженных господ,
Отвергай свои надежды,
Проклинай их злую ложь!

И в покорности я никла,
Трепетала словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!

ЛЕНСКОЕ ЗОЛОТО

Белым шелком красный мечу

И сама я в грозный бой

Знамя вынесу навстречу

Рати вражеской и злой.

Может служить материалом для вечера „8 марта“

ЛЕНСКОЕ ЗОЛОТО.

В тот желтый жадный блеск металла
Кровь с потом вплавил рудокоп;
Над тачкой мать, склонясь устало,
Из высохших сосцов роняла
Перегорелое молоко.
И в золоте дрожал и гас
Голодный блеск ребячьих глаз.
А в тот беспечный и тревожный,
В тот сытый, в тот игривый звон —
Узлом кандалным — лязг дорожный.
Ударом ржавым нож острожный,
Мглой виселиц полночный стон;
И бился, золотом смят, хрипя,
Полузадушенный смех ребят.
Невыносим змеиный взор;
День тягостен, как труп смердящий.
И вот, от гнойных нар и нор
Крик истомленных хрипом клячи
Глухому золоту — в упор.
Но — скован золотом, ослеплен,
Солдат за боевой патрон..
Кровь — золото — заря — в снегу..
Поникли над погостом ели
И зверь взвыл в дебрях на бегу.
Но сквозь тайгу ночей в Апреле
Не нам-ли слово с мертвых губ:
— Не золото и не кнут, —
Владыкой мира будет Труд!..

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Современный про-
летарский поэт.

(Род. в 1884 г.)

ЛЕНА.

Жена кормильца—мужа ждет,

Прижав к груди малюток—деток.

— Не жди, не жди, он не придет:

Удар предательский был меток.

Он пал, но пал он не один:

Со скорбно-помертвелым взглядом

Твой старший, твой любимый сын

Упал с отцом убитым рядом.

Семья друзей вокруг них лежит,—

Зловещий холм на поле талом.

И кровь горячая бежит

Из тяжких ран потоком алым.

А солнце вешнее блестит.

Иль бог злодейства не осудит?

— О, братья, проклят, проклят будет,

Кто этот страшный день забудет,

Кто эту кровь врагам простит!..

Может служить материалом для вечера „Ленский расстрел“.

ДЕМЬЯН БЕДНЫИ.

ПУШКА И СОХА.

Увидевши соху, „Послушай-ка, старушка, —

Сказала пушка: —

Аль ты глуха?

Я тут громлю весь день, а ты и не слыхала?

Ты что ж тут делала, - ха - ха!“

— „Пахала, — молвила соха, —

Пахала“ —

— „Пахала? Что ты! Не смеси.

Работать для кого? Ведь ни одной души

Не сыщется живой в разбитой деревушке,

Так что ж тебе теперь осталось? Отдыхать?!!!

— Пахать, — соха сказала пушке, —

Пахать!..“

На ниве брошенной, среди камней и терний,

Не прерывая борозды,

Друзья, работайте от утренней звезды

И до вечерней!

Ваш мирный подвиг свят и нет его безмерней.

Под грохот пушечный, в бою, в огне, в аду,

Я думаю о вас, чей путь простерся в вечность.

Привет мой пахарям, борцам за человечность!

Привет мой мирному культурному Труду!

А. ГАСТЕВ.

Современный пролетар-
ский поэт.

ГУДКИ.

Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это вовсе не призыв к неволе. Это песня будущего.

Мы когда-то работали в убогих мастерских и начинали работать по утрам в разное время.

А теперь, утром, в восемь часов кричат гудки для целого миллиона.

Теперь мы минуту в минуту начинаем вместе. Целый миллион берет молот в одно и то же мгновение.

Первые наши удары гремят вместе.

О чем же поют гудки?

— Это утренний гимн единства!

РЕЛЬСЫ.

Всюду прошли, залегли, пробежали, кругом
опоясали землю тяжелые крепкие рельсы.

Быстрой стрелою порой поднимаются, в глуби
туманные вдруг окунаются, пламенем белым блестят
—загораются в тихих равнинах — степях.

Загудят, запоют заунывно по свету, тоскуют
в ущельях холодные рельсы.

Говорят и звенят по лесам перелепом далеких
больших городов.

И рокочат, рыдают схороненным, запертым
эхом колес силачей — паровозов по горным, напол-
ненным тьмою, туннелям.

Песни и звоны стальные для одних хороши
и вольны, другие боятся их; говор и бой закален-
ный пугают.

Ох, иногда загрустит и замечется скованный
рельсами мир!

Но приходит задуманный в битве, рожденный
в огне, из под молота взятый, машиной вскормлен-
ный и гулом заводским взлелеянный, вечно расту-
щий работник-творец.

Легким, свободным полетом вздохнет.

Гордо голову к далям, еще не пробитым,
подняв, вдохновится и скажет;

— Давно я сжал мою землю-планету сталь-
ной, прокованной волей. Дерзко на бой вызывал
я земные, когда-то ужасные злые стихии; я их
победил, приручил, заковал.

— Пробивай же еще, отточенным резцом про-
резай непробитую жестокою даль.

Твердый металл закали, отшлифуй, доведи,
огня из схороненных глубей земли принеси и
грянь своим молотом верным, зубилом заправлен-
ным метко вонзи и пытливую мысль в неизвестное
взвей.

— Ты погибнешь?

— Умри хоть с одним покоренным безумным
желаньем! Пусть не ты воплотил, но порывы
труда боевого другим передай.

Все пытайся ковать и ковать, все пытайся
тяжелые рельсы стальные поднять и продвинуть
в бездонных, в безвестных немых атмосферах к
соседним, пока не разгаданным, чуждым планетам.

— Нельзя?

— О много погибнет.. Умрут без числа..

Но я знаю, уверен; скуют, опояшут вселен-
ную быстрыми сильными рельсами воли.

То-то родится в усилиях железных, то-то
взойдет и возвысится, гордо над миром взовьется,
вырастет новый, сегодня не знаемый нами краса—
восхищенье: первое чудо вселенной, бесстрашный
работник—творец—человек!

МИХ. ГЕРАСИМОВ.

Современный пролетарский поэт.

(Род. в 1889 г.)

Мы.

Мы все возьмем, мы все познаем,

Пронизем глубину до дна.

Как золотым цветущим маем

Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанию!

Мы—Вагнер, Винчи, Тициан.

Мы новому музею-зданию

Воздвигнем купол, как Монблан.

В кристаллах мрамора Анджелло

И все, чем дивен был Парнас,

Не то ли творческое пело,

Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидеи,

Качали колыбели роз.

Не мы ли были в Иудее,

Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона

И исполинских пирамид.

Всех храмов, сфинксов, Пантеонов

Звенящий высекли гранит.

Не нам ли на горе Синая,

В неопалимой купине,

Как солнце, красный флаг, сияя,

Явился в буре и огне?

Мы все возьмем, мы все познаем,

Пронизем неба бирюзу.

Как сладко пить цветущим маем

Животворящую грозу!

МИХ. ГЕРАСИМОВ.

ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗЕ.

В железе есть стоны,
Кандальные звоны
И плач гильотинных ножей;
Шрапнельные пули
Жужжаньем плеснули
На гранях земных рубежей.

В железе есть зовы
Звеняще-грозовы.
Движенье чугунное масс;
Под звоны металла
Взбурлило, восстало,
Заискрилось в омутах глаз
В железе есть чистость,
Призывность, лучистость,
Мимозово-нежных ресниц;
Есть флейтовы трели,
Зажглись и сгорели
В улыбках восторженных лиц.

В железе есть нежность,
Игривая снежность,
В шлифованном светит любовь;
Закатная алость,
Порыв и усталость,
В изломе заржавленном кровь.

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны,
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветеньем весны.
В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть
У скал раздробленной волны,
Напевность сирены
В кипучести пены.
Где тела извивы вольны.

В железе есть ковкость,
Проворность и ловкость
Есть в танцах мозолистых рук;
Есть ток в наших жилах,
В звенящих зубилах,
Вагранками спаянный круг.

В железе есть сила —
Гигантов взрастила
Заржавленным соком руда,
Железною ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!

Е. И. КИРИЛЛОВ.

ГРЯДУЩЕМУ.

Я подслушал эти песни близких, радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необ'ятных городов.

Я подслушал эти песни золотых, грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шестелесте ремней:

Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал,
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал:
Я узнал, что мудрость мира,—вся вот в этом молотке,

В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить,
ковать,

Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Чем проворней будут двигаться приводы, шестерни,
Тем пленительней и ярче загорятся наши дни...

Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеблужных, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни—зов могучий к солнцу, жизни и борьбе,
Это — вызов непреклонный злобной, тягостной
судьбе!

МЫ.

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победили пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города.
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: „вы палачи красоты“,
Во имя нашего Завтра—сегодня сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры.

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов,
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движение колес и валов.

Породнились с металлом, душою с машинами слиты,
Мы разучились вздыхать и томиться о небе,
Мы хотим, чтобы все на земле были сыты,
Чтобы не было слышно ни стонов, ни воплей о
хлебе...

О, поэты-эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма,—
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой.

Мускулы рук наших жаждут гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы до верху соты,
Нашей планете найдем мы иной, ослепительный
путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг опьяняющий,
Грозной борьбою, страданием наш дух закален,
Все—мы, во всем мы, мы пламень и свет побеж-
дающий,

Сами себе Божество, и Судья, и Закон.

А. КРАЙСКИЙ.

Современный
пролетарский поэт.

СЛАВА ВОЛЬНОМУ ТРУДУ.

В землю брошено зерно...

Не погибнет ли оно?

Нет—Весна-красна придет,

Озимь новая взойдет.

На востоке вспыхнул свет...

Разве он погаснет?—Нет—

Туча черная пройдет,

Солнце красное взойдет.

В битве жизни мировой

Трудовой возникнул строй...

Разве он погибнет?—Нет.—

Как зерно, как солнца свет,

Не погибнет, не умрет...

Победит, переживет

Жизни зреющей страду!...

Слава вольному труду!

ШАХТЕР.

Полдня без солнечных улыбок,
С настойчивостью крота,
Сжат, сдавлен черной лапой глыбы,
Дроблю глухую грудь пласта.
Лишь смятое воспоминанье
Еще со мной, во тьме, во мне:
О русом солнце, о журчанье
Ручья с лучами, о весне.
Окончен день. Сигналы к смене...
Под'ем недолог... Стоп! и вот,
Как добрый пес, к больным коленям,
Ворча, вечерний ветер льнет.
Идем дорогой почернелой.
Истома отдыха сладка.
Речь коротка. Отяжелела
В плече железная кирка.
Усталостью туманны мысли.
Туманами задымлен взгляд,
И на закатном коромысле
В огне повисшая бадья.
Туман в лугах, у черных гор,
Овечьим стадом пал на пахоту,
Где вечер, сумрачный шахтер,
Идет в полуночную шахту.
Эй, вечер! Лунною киркой
Рой и дробь руду потемок,
Чтоб, взорванный к утру зарей,
Был полдень солнечен и емок.

С. ГОРОДЕЦКИЙ.

Современный поэт.

(род. в 1884 г.)

К О Ф Е.

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К работнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото
К сплетенному из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошел, а ночь еще продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра британец с ремешковой плеткой
У пристани следил за упаковкой
Клейменных ящиков и кровью кресткой
Окрашивал тугую плетку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бушующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыхая, зерна.
А там, на Яве, кровавые раны
На девушке горели, рыже-черной.

Вот отчего, когда кипит в фарфоре
С отливом золотистым черный кофе,
В мозгу встает желаний буйных море,
Душа тоскует вдруг по катастрофе.

Взорвать Европу! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи.
Плетей не надо для цветов магнолий,
Не надо солнцу океана стражи.

Отмстить за бешенство бичей ременных.
Пусть хищники в туман уйдут кровавый.
Да здравствует свобода угнетенных
Во всех краях, как на болотах Явы.

ШЕРР.

ПЕСНЯ О ВЕРНОМ ТОВАРИЩЕ ПЛОТНИКЕ.

Высоко стояли они на лесах;
Кипела постройка в проворных руках;
У ног их Париж беззаботно шумел,
А северный ветер и выл и гудел.

Рабочими — нищими были они,
Им платьем служили лохмотья одни,
От голоду щеки ввалилися в рот.
Да, кто созидает, тот славно живет!

Дворец вырастал под руками у них,
Но ветер помощник из самых плохих:
Он мечется, рвется и взад и вперед
И шаткие доски помоста трясет.

Вдруг новый порыв,—и слетело все вниз,
К спасенью остался с стропилом карниз;
Его-то, предвидя свой близкий конец,
Они обхватили, как мачту пловец.

И бешеный ветер становится злей,
Стропило трещит под напором людей;
Под ними же пропасти жадная пасть.
Довольно движенья, чтоб разом упасть.

И молвил один: „Нас не скоро спасут,
А вместе недолго мы сдержимся тут,
Хотя одного продержал бы карниз...
Проклятый, он снова погнулся! Держись!“

Вздыхая, заметил другой ему:—Нет!
Семью я имею...—А первый в ответ:
„Ну, я одинок: значит, выбор простой,
Прощай же, приятель!...“

Промолвил—и жертвенной смертью погиб:
В грязи он о камень свой череп расшиб;
Про имя его не справлялись вокруг;
Но это был честный и преданный друг.

РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ.

На темных могилах, из щебня былого,
Из смеха и слез изнуренных сердец—
Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим,—
Мы строим рабочий дворец.

Нас бодрость волнует. Крепки наши руки.
Мы знаем, как строить, хоть ночь так темна,
И камень за камнем, и камень за камнем—
Встает за стеною стена...

Над нами нахмурилось темное небо...
Усталый упал не один наш борец...
Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим,—
Мы строим рабочий дворец...

Он встанет в тумане ночей молчаливых,
Как солнце, разрежет миражи судьбы,
Железною ратью придем мы,—придем мы,—
Без слез, без цепей,—не рабы...

Смелее, товарищ, не бойся кошмара...
И, кто бы ты ни был, за нами иди...
И, если ты веришь, во всходы ты веришь,
То камень в основу клади...

На темных могилах, из праха былого,
Из крови и слез изнуренных сердец,—
Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим,—
Мы строим рабочий дворец...

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

В ЗАВОДЕ.

Я сегодня лишь почувствовал, сегодня
лишь узнал,—
Здесь, в заводе, каждодневно шумный
праздник, Карнавал.

Каждодневно, в час урочный, пара пеньем
приглашенье.
Гости в праздничном наряде, звон и гро-
хот, танцы, пенье...

Звон и грохот звучно-мерный—говор зву-
ками без слов.
Танец стройный и ритмичный хмельно-
радостных шкивов.

В танцах юности стремленье, вольность,
вечное движенье..
В звуках тайны мировые, в звуках Муд-
рости Реченья.

В песнях Бодрость, Вдохновенье, пламя
Веры, Зов и Гнев.
О, как сладко слушать этот бурно-пламен-
ный напев!..

Люди в блузах понимают их Реченья и
Призывы...
Люди в блузах, как Титаны, гордо-строги,
молчаливы.

В их молчаньи скрыта мудрость, Сила,
творческая страсть.

А в движениях — крепость стали, непре-
клонность, Воля, Власть.

Каждодневно быть в заводе, быть в за-
воде, — наслажденье...

Понимать язык железный, слушать Тайны
Откровенья,

У машин, станков учиться буйной Силе —
разрушать,

Ярко-новое, другое, непрерывно созидать!

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

В ЛИТЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ.

Золотым, ярко-блестящим потоком льется раскаленный металл из черной пасти плавильной печи, наполняя тяжелые серые ковши ослепительно-бело-красной массой чугуна.

Вот она достигает краев громадного ковша...

— Полно! — угрюмо прозвучала команда в серой полутьме мастерской.

Блеснув, взвизгнул рычаг—стержень... Брызнули тысячи искр во все стороны... и бело-красный поток остановился...

— На ве-еерх!—раздалась снова команда.

По рельсам медленно пополз электрический кран. Залязгали цепи, и через секунду, в его когтях, медленно покачиваясь, повис наполненный раскаленной массой ковш.

„Вперед,“ „вперед“...—поет колесо, вертясь около стержня. А ковш, поднимаемый силой этого гиганта, осыпая полумрак блестящими искрами, скользя, удаляется, поднимается все дальше, все выше и выше...

— Стой! Довольно! — кричат снизу едва различаемые черные тени людей.

Механик, в железной каюте крана, нажимает рычаг. Но машина не останавливается, машина его не слушает...

— Стой! Останови! — несется многоголосая команда снизу.

Лицо механика, покрытое сажей и копотью, бледнеет... На лбу выступают крупные капли пота... С невероятной силой поворачивает он рычаг... Еще и еще... и гигант — ковш с неостывшей еще массой несетя вниз.

Протяжный, сдавленный гул... Ковш со всей силой ударился о высокую форму... Высоко взметнулись жгуче-огненные струи расплавленного металла... и разлетаясь в миллионы блестящих рубиновых искр, падают на покрытую гарью землю..

— О-о-ой!.. — поскакал душу раздирающий крик...

Черные тени засуетились... Заметались взгляды и стоны... А раскаленная масса металла ползет и ползет, освещая дрогнувший полумрак мастерской...

Жертвы унесены рабочими в приемный покой. В мастерской прыгает отрывочными, короткими фразами разговор опечаленных и на кого-то озлобленных рабочих...

А где-то в углу маленький маховичек, быстро вращаясь, тихо лепечет:

„Праздник зверя“. „Тризна жизни“...

„Праздник зверя“. „Тризна жизни“...

У входа в мастерскую колесо-двигатель, как бы в ответ маховичку, мощно и властно гудел:

„Эти тени дружной массой, красной массой, гневной массой, как титаны, властелины“...

За стеной, в кузнице, паровой молот, ударяя по брусью красной стали, заглушая голос дви-

гателя, ухал окончание короткой, но вмещающей в себе Мудрость Мира, железной фразы:

„В Мир придут!“ „В Мир придут!“.

Во время короткого молчанья молота двигатель, продолжая свое пророчество, гудел:

„Чудо-зверя в буйных домнах и плавильнях грозно огненных“.

Молот, не нарушая стройной и бессмертной заводской гармонии, заканчивал:

„Сожгут!“... „Сожгут!“...

НОВОМУ ТОВАРИЩУ.

Вихрь крутящихся колес...
Пляска бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много сгублено огней,
Не робей!
Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей...
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное слилось,
Невозможное—сбылось
На заре грядущих дней,—
Не робей!
Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней...
Эй, товарищ, не робей!
В царстве скорби и теней
Солнце вечное зажглось
И горит оно сильней.
Не робей!
Словно каменный колосс,
Стань у бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос—
В цепь еще звено вплелось,
Рать сомкнулася плотней.
Не робей!

Г. ЯКУБОВСКИЙ.
Современный
пролетарский поэт.

РУСЛО ТРУДА.

Измученный, потный рабочий
Вливает усилия в станок,
И город безумный грохочет,
Бульвару бросает „Листок“.

Все вещи—от камня до блузки—
Застывших усилий гряда.
Булыжники—мускулов сгустки—
И нервы—вверху провода.

И город, весь город огромный—
Сгустившийся массами труд,
Что здесь, подневольный, наемный
Сочится из каменных груд.

Дрожат тротуарные плиты—
Из теплых грудей берега.—
Все потом и кровью облито.
Везде, где ступает нога!

Законам покорна жестоким,
Сливается жизнь в города,
В безвестность, в едином потоке
Все мчится по Руслу Труда.

ИВ. ФИЛИПЧЕНКО.

Современный
пролетарский поэт.
(Род. в 1887 г.)

КУЗНЕЦ.

Любовались вами не раз
Миллионы ласковых глаз,
И века веков поэты неистовых вас
Воспевали не раз.

Но я, молодой ваш певец,
Я сам кузнец,
Сам железо умею ковать и кую,
И пою.

Знал я кузниц не мало,
Видел тысячи, больше, —
От снежной Сибири до гниlostной Польши,
От угрюмой Финляндии до огневого Кавказа,
За кузницей кузница, дляковки металла
Встала
В восторге экстаза.

На наковальнях, как на плахах,
Близ горящих печей,
Багрянеют железа куски,
Корчатся, гнутся, ожидая творящей руки
Ковачей
В нагрудниках кожаных, грубых рубахах.

Вот с засученными руками встают,
Нагибаются молоты взять,
В ладони рук, в полусжатые пальцы плюют,
За толпою толпа, за ратью могучая рать,

Но часа ждут, но знака ждут
Беспримерно ковать,
А горна горят и пурпура облики бросают
Средь ночей
На фигуры стихийных ковачей.

Начинают
В молниях, громах.
Безудержный взмах
Тысячи тысяч стремительных рук,
Вскинувших вдруг
Молоты кверху в багряных потьмах.

— Дзбум!

Искры песком, когда грянет самум,
Искры метнулись мятежью лучистых колец
Над челом любого, точно венец,
Каждый профиль стал бронзов, каждый бур.
Точно группы дивных скульптур.
Полыхающим отсветом высечен каждый
кузнец

Напряженным мгновеньем размаха,
С громадными мускулами прекрасный неряха,
Весь мощь, весь движенье, в железных забавах,
Стан сгибая, свой молот бросает,
Разгибая, блестящий вздымает
Тот слева, тот справа,
В сумерках красных, бликах кровавых
Вереницей куют
И поют.

— Здесь буйно, здесь буйно, здесь бьем по
металлу.

День длинный, вздымая за молотом молот
И пламен и золот.
Горласт, каких мало,
В раскаты вонзаясь, гудит, как набат,
Мы знаем, мы знаем весь край непочат,

Работы так много,
Работы железной,
Совместной, —
Над бездной.

— Мы куем, куем иную,
Мы стальную жизнь куем,
Не минуем,—золотую
Отольем.
Пламень, пламень идеала.
Мысли мощь, начал начала
Небывало отольем,
Ей, скуем!

Крепки мускулы у нас,
У рабочих дружных масс,
У рабочих рук творящих, как металл,
Мировой демократии,—телом—буйвол, духом—
бог,

Неизбежно, неизбежно день настал.
Нам пророчески молвит
За молотом молот,
Труба боевая и рог
О том.
И с ясного неба торжественный гром
Прокричал в этот массами кованный век:
— Кто не кузнец,—не человек!

V

РЕВОЛЮЦИЯ

(империалистическая война—
февраль 1917 г.).

МАРСЕЛЬ МАРТИНЕ.

Французский современный поэт.

ТЫ ИДЕШЬ СРАЖАТЬСЯ.

Покидая

Мастерские, заводы, конторы, верфи,—

Покидая, крестьянин,

Свой плуг, между борозд лезвиями кверху,

На корню посевы, на лозах гроздьа,

И быков, мычащих тебе с поля,—

Покидая, приказчик, твоих сударынь,

Их перчатки, их юбки, их флаконы,

Их наглые речи, их светские манеры,

Покидая твою столь любезную улыбку,—

И ты, рудокоп, покидаешь шахты,

Где ты выхаркивал легкие

Черной мокротой,—

И ты, стекольщик, покидая плавильню,

Цепко держащую твои безумные взоры,

И ты, солдат, покидая казарму,

И глупый двор, где томят тоскою,

И глупую жизнь, где тебя обучают

Покрепче забыть привычное дело,

Покидая улицу веселых притонов,

И пьяный кабаk, и проституток.—

Ты идешь сражаться.

Ты идешь сражаться?

Ты бросаешь свой облик, ты нужду бросаешь,

Ты бросаешь инструмент. служащий хозяину,

Ты идешь сражаться?

Уж не против ли этого тебя родившего буржуа,
Что иногда приезжает к тебе в деревню,
Мальчик при ферме, смотрящий за плугом,
И любит давать тебе советы,
Читая своему отвергнутому чаду
Маленькую проповедь о милосердии?

Уж не против ли этого кавалера дамы,
Что платила за твою любезную улыбку
Продавца, служащего за сто франков в месяц,
Покупая заказанные платья,
Изготовленные в мансардах?

Уж не против ли этого акционера копей,
Иль против владельца стекольного завода?

Уж не против ли этого фата в визитке,
Пришедшего в свет, чтоб развратничать с маль-
чиками

В отдельных кабинетах,
И чтобы пьянствовать с твоими девушками,
Выпивая твое вино, виноградарь,
Из твоего стакана рабочий-стекольщик?

Уж не против ли тех, кто в своих казармах
Тебя муштровал, чтоб ты был защитой
Их шкурам, их владеньям,
Против хилой тени восстанья,
Которое в шахтах или на фабриках,
Или на верфях поднять могли бы
Твои братья, твои братья-рабочие?

Бедняк, ты идешь сражаться?
Против богатых? Против хозяев?
Против тех, что едят твою долю?
Против тех, что едят твои годы?
Против откормленных, что пожирают
Долю и жизнь твоих малюток?
Против тех, у кого есть авто,
У кого есть лакей, у кого есть виллы, —

Авто, отдающее твою блузу грязью,
Виллы, на которые ты глядишь сквозь решетку.
Лакеи, глумящиеся над твоей рабочей курткой?

Ты идешь сражаться за твой кусок хлеба?
За твою мысль и за твое сердце?
За твоих ребятишек или за мать их?
Против тех, что тебя обобрали,
Против тех, что тебя осмеяли,
Против тех, что тебя загрязнили
Своим милосердием, своей клеветой?
Бедный дряхлец, бедный согбенец.
Бедный бунтарь, ты идешь сражаться
Против создавших тебе нищую душу,
Сердце отчаявшегося и сердце поверженного?...

О, бедняк, рабочий, крестьянин,
Вместе с создавшими тебе нищую душу,
Вместе с богатым, вместе с хозяином,
Вместе с расстреливавшими тебя на стачках,
Чтобы уменьшить твою заработную плату,

За тех, кто построили для тебя вокруг фабрик
Храмы и тюрьмы,
Кто заставил плакать у опустевшего шкапа
Твоих малюток и жену без хлеба,—

За тех, что создал тебе нищую душу,
Чтоб ты на них одних работал,
И чтоб не смущали их великое сердце
Слезы их родины,—

Чтоб сам ты крепче забыл свою долю
О, бедняк, крестьянин, рабочий,
Вместе с богатым, вместе с хозяином,
Против ограбленных, против раздавленных,
Против таких же, против себя же,
Ты идешь сражаться, ты идешь сражаться!
Что ж, иди!

На конгрессах вы жали друг другу руки,
Товарищи! Общая кровь текла по общему телу!
Лондон, Берлин, Париж, Вена, Москва, Брюссель—
Все собрались там; единый народ рабочих
Там собрался; старый мир, угнетатель и варвар,
Чуя уже над собой нажим ваших сомкнутых рук,
Трепетал, различая, как там, в глубине, подни-
маются

Сквозь его неравенство, сквозь его тиранию,
Голоса справедливости и освобожденья,—
Вчера.

Созидатели городов,— свободные, гордые души—
Прямые сердца, — вы там были, братья по оружию,
стоя,

Слитые вместе перед общим врагом—
Вчера.

А сегодня? Сегодня, как и вчера,
Лондон, Берлин, Париж, Вена, Москва, Брюссель, —
Снова вы там; единый народ рабочий,
Там. Да, он там, этот народ рабов,
Этот народ хвастунов и клятвопреступных братьев.

Эти руки, что ты пожимал,
Теперь крепко держат винтовку,
Пики и сабли,

Теперь они ставят пушки,
Снарядные ящики и пулеметы,—
Против тебя.

И у тебя, у тебя тоже есть пулеметы,
И ты тоже крепко держишь винтовку,
Против такого ж, как ты.

Работай, рабочий!

Металлист из Крезе, пред тобой
Такой же металлист из Эссена—
Убей его!

Рудокоп из Сакса, пред тобой

Такой же рудокоп из Ленса, —
Убей его!
Докер из Гавра, пред тобой
Такой же докер из Бремена, —
Убей же, убей, убейте друг друга. —
Работай, рабочий!

О, взгляни себе на руки!
О, бедняк, рабочий, крестьянин,
Взгляни на свои тяжелые черные руки,
Взгляни ослабевшими красными глазами
На твоих дочерей, на их бледные щеки,
На твоих сыновей, на их хилые руки,
Взгляни на их помертвевшее сердце,
И на старую жену, — взгляни на лицо ее,
Что уж двадцать лет с тобою рядом,
И на ее жалкое тело и на увядшую душу,
И еще вот на это перед тобою, —
Взгляни на эту общую яму,
Там отец твой и мать и там друзья твои. —
И теперь, и теперь
Иди сражаться!

Перев. А. Эфрос

Ж. ДЮАМЕЛЬ

Французский современный поэт.

БАЛЛАДА О СОЛДАТСКОЙ СМЕРТИ.

Он боролся целых двадцать дней,

А его мать сидела возле него.

Он боролся долго, солдат Прюнье.

Ибо мать не пускала его умереть.

Когда весть пришла к ней, что ранен он,

Из далекой провинции она собралась.

Она долго шла по гремящей земле,

Где огромная армия зарылась в грязь.

У нее редкие волосы и жесткое лицо,

И она не знает, что значит страх.

Она двенадцать яблок принесла с собой

И свежего масла в глиняном горшке.

День за днями она сидит

У койки, где умирает солдат Прюнье.

Она приходит в час, когда идет стрельба.

И сидит, пока не начнется бред.

Она выйдет на миг, когда говорят: „Уйди!“

И начнут ковырять его бедную грудь.

Если б ей позволили—она б не ушла,

Ведь не чужая рана, а сына ее!

Как же не слушать ей, как он кричит.

Пока она ждет у дверей, среди луж?

Как собака, от койки она ни на шаг,

Она уже больше не ест и не пьет.—

Не ест ее сын, солдат Прюнье,
Пожелтело масло в его горшке.
Руками корявыми, как корни дерев,
Она гладит худую руку его.
Она не отводит упрямых глаз
От белого лица, где струится пот
Она видит шею в веревках вен
И слышит дыханья мокрый хрип.
Она видит все, не отводит глаз,
Сухих и жестких, как ком земли.
Она не уронит ни одной слезы,
Ибо так должна держать себя мать.
Он скажет: „Мне кашель разрывает грудь“.
А она отвечает: „Ведь я же здесь“.
Он скажет: „Я думаю, мне конец“,
А она отвечает: „Не пуцу, сынок“.
Он боролся целых двадцать дней,
А его мать сидела возле него.
Так старый пловец, плывя по волнам,
Слабое держит свое дитя.
Но однажды, утром, изнемогла она
После бессонных двадцати ночей.
Она свесила голову на один лишь миг,
На одну минутку забылась сном.
Тогда умер быстро солдат Прюнье,
Тихо, тихо, чтоб не проснулась мать.

Перев. А. Эфрос.

А Т А К А.

Стих город в корчах за окном.
Ночь. Госпиталь в бреду ночном.

— В атаку мы пошли с утра..
Чуть розовели облака.
Доверчиво ласкали взоры
В короне снежной вражьей горы.
Перекрестила грудь рука.
В атаку мы пошли с утра...

Пел жаворонок о весне..
Сжимая судорожно штык,
В тумане, как в бреду, шагая,
Невесту вспомнил я. Лаская
Воспоминанья и мечты,

Пел жаворонок о весне.

Журчал ручей. Цвела земля.
В тумане целью шли вперед
И враг заметил: зазвенели
Осенним журавлем шрапнели,
Затараторил пулемет

И задымилась земля...

Казалось: поле было бездной,
И в вихре бега, сквозь огонь,
Хрипело поле в дымном лязге.
И кто-то в жуткой красной маске
Тянул молящую ладонь
Из огненной и черной бездны.—

И задыхаясь, извиваясь,
Рвал и глушил звериный крик
Лепет молитв, воспоминаний,
Все, что в удушливом тумане
Искрилось в памяти на миг.

И задыхаясь, извиваясь,
Не знаю я... не помню я—
До „них“ я первым добежал,
И первым был у пулемета,
С разбега штык вонзил в кого-то
И близко кто-то простонал...

Не знаю я... не помню я...
Все пережил, как черный сон...
Очнулся... Ранен... встать не мог:
Мне шею сжали крепко руки:
Перед лицом застыло в муке
Лицо его... В глазах — упрек...

Все пережил, как черный сон...
В глазах—упрек... лицо в крови.
И с ним я до второй зари
Лежал среди трупов позабытый,
Его руками перевитый...
Товарищ!.. вот он!.. вот!.. смотри!..

В глазах—упрек... Лицо в крови...
Все тот же тусклый взор и бред...
Кровь на руке и на штыке.
И на руке, сквозь кровь, мозоли
Труда и будней и неволи,
Всего, что и в моей руке—
Тяжелой черной горстью лет...

Атака за атакой вновь...
Вновь саван строчит пулемет.
Пожары веют дымной гривой.
Вновь окровавленным разрывом
Шрапнель лазурь глухую рвет.
Атака за атакой вновь...

Смотри: в огне — как вихрь она!
И взор ее и дик и пьян...
Земля в крови.. В руке послушной
Все ближе штык над язвой ран...
Эй!.. Бей отбой!.. Так больно!.. душно!..
Душно!

В. ГАЗЕНКЛЕВЕР.

Немецкий современный поэт

Род. в 1890 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОЭТ.

Он из цистерн глубоких подземелий
Парами белыми с усилием дышит.
Из кранов хлещет кровь его, пропели
В гудках его стенанья тем, кто слышит.

Он с гномами, на чьи горбы громады
Нагромоздились тяжело грузных кладей.
С рабами, что в галерах муки ада
Претерпевают, чьих-то выгод ради.

И жил его биенье в реве пушек,
Он жив среди армий, яростью об'ятых,
Он с проституткою в грязи подушек
С бунтовщиком в унылых казематах.

И часто, ухо прислонив к окошку
Мансарды, в час, когда звонят к вечерне,
Вдох нищеты печально и сторожко
Он слушает в своем венке из терний:

А по ночам, когда кино мигает,
А голод просит возле пышных лестниц.
Когда в больнице мальчик умирает
И ругань слышится гнилых прелестниц.

Когда с моста летит самоубийца,
А окна желтые палат сияют,
И анархист, идейный кровопийца,
С проклятьем точит нож, отмычку к раю,

Когда неправда, правдою сказавшись,
Главу тиранов лижет ореолом,
И молния восстаний, запыхавши,
Осветит вдруг вершины, склоны, доли,—

Ах, да! Тогда на самой высшей башне
Распято сердце в зареве востока,
И медной трубой, трубою страшной,
Гремят слова: встань, слушайся пророка!

Встань и убей, иди, беги в атаку!
Грохочуще, распасться могут цепи.
Оставь парламента беззубую собаку,
Лай заглушит рев львиный все свирепей.

Рапсодий конных топот непомерный
Все гонит, очищая мостовые.
Смятенье... Судьба наших битв неверна.
И воют женщины в минуты роковые.

А с колоколен трубы режут, режут,
Дома готовы пасть, дрожат их стены.
А телеграф дал уши мятежу
И провода звенят про перемены,

Последняя толпа застряла в рынке.
Трещат и хлещут залпы пулеметов,
И люди падают, как под косою былинки,
На камни, в смесь из грязи и помета.

Из окон облили кипящим маслом
Майора, бушевавшего, как пламя...
Уж вечер. Солнце в зареве погасло.
На фабриках алеет наше знамя.

Стой, бой! Да разве против нас не люди?
Солдаты, граждане! Да разве не одно мы?
И уж ответ идет от груди к груди.
Уже сплелись, ведь мы давно знакомы.

Сплелися в шествии... К дворцу, ребята!
А на балконе сам король-властитель.
„Долой шишак пред мертвыми! — расплата!“
Над гробом павших грозен гневный мститель
Темно. Зола. Ночь после баррикады.
Насилье бродит. Все сегодня можно.
Фонарь преступника нащупывает клады.
Грабеж зашевелился вдруг тревожно.
Как черви из подвалов, в спальни знатных
Ползут скоты на тел девичьих негу,
И пальцы с кольцами у трупов смрадных
Шакалы режут, быстрые к побегу.
Танцует страшная толпа, пьянея;
Как кровь над лбами, шапки якобинцев.
О, справедливость, ты придешь позднее
И кончишь дело масс и разночинцев!
Боец свободы, будь ее судьбою,
Пока измены ложь не зашипела.
Смотри, идет небесною стезею
Поэт на землю для земного дела.
В очах его, исполненных восхода,
Ночь, хаос принимают формы света.
В его объятиях изменится природа
Под лаской духа нового поэта.
Не будет он мечтать средь синих взморий,
Пред ним потомков светлый вылет юный.
Ногой своей он топчет прах позора,
А головой творит народам руны.
Уж не оружием победа достается.
Никто, никто не думает о бое.
Вкруг гроба моего пускай же вьется,
Венок, сплетенный, род людской, тобою!

Перев. А. Луначарский.

ДУША. КРИЧИ ГРОМЧЕ...

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих,
Время—опытный кормчий—
Правит к высотам горящим.

Рви, барабан, пространства.
Дробите камни, ноги,
В мире нет постоянства,
Нет повторной дороги.

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном,—
Мы требуем полной платы
За столетья, убитые сном.

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь..
Наш меч и руки—из стали,
Земля—пепелящая печь...

Вымаливать стыдно пощаду.
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным...

...Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих,
Время—опытный кормчий—
Правит к высотам горящим.

ВЕСЕННИЙ КЛИЧ.

Река, ломая зимний лед,
Зальет крутые берега.
Чтоб стали пышными луга,
Весна прорвала водомет.
Веселый час, лети вперед!

В ком сердце живо, тот поймет.
Что вся Россия в этот час
Весною вольною зажглась.
И сердце к сердцу пламя льет.
Призывный клич, спеши вперед!

А если есть еще оплот,
Где мощь тюремная туга,
Рука с рукою—на врага,
В нас воля действия поет.
Вперед, душа! И меч, вперед!

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ.

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова,
В них пробужденная стихия
Народной гордости жива.
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков.

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: „долго ль ждать“?
Пройдут года, и будет поздно!
На строках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый, —
Обвала гул признали мы.
То десять лет назад надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь под голос грома
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа

Россия в дни борьбы кровавой
И в дни былого принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и снегах!
Их смертный сон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенье
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, в'явь видевший мгновенье,
Что прежде грезилось во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, наконец!

АЛЕКСАНДР БЛОК.

(1880—1921)

С К И Ф Ы.

Милльоны—вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте сразиться с нами!
Да, скифы мы! Да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами.

Для вас—века, для нас единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас—
Монголов и Европы.

Века, века ваш старый горн ковал,
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал.
И Лиссабона, и Мессины.

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок
Когда наставить пушек жерла.

И срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит.
И лень придет—не станет и следа
От ваших пестумов, быть может.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред сфинксом с древнею загадкой!

Россия—сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью.

Да, так любить, как любит наша кровь.
Никто из вас давно не любит.
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все—и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно все—и острый гальский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все—парижских улиц ад,
И венецианские прохлады,
Лимонных рош далекий аромат
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть—и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы.
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные об'ятья!
Пока не поздно—старый меч в ножны!
Товарищи! Мы станем—братья!

А если нет—нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинять
Больное, позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами.
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не тронемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церковь гнать табун
И мясо белых братьев жарить...

В последний раз—опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира—
В последний раз—на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Э. ВЕРХАРН.

М Я Т Е Ж

Туда, где над площадью — нож гильотины,
Где вольно по улицам рышет набат,
Мечты, обезумев, летят.

Бьют сбор барабаны былых оскорблений,
Проклятий бессильных, раздавленных в прах,
Бьют сбор барабаны в умах.

Глядит циферблат колокольни старинной
С угрюмого неба ночного, как глаз...
Чу! бьет предназначенный час!

Над крышею вырвалось мстящее пламя,
И ветер змеистые жала разнес,
Как космы кровавых волос.

Все те, для кого безнадежность — надежда,
Кому вне отчаянья — радости нет,
Выходят из мрака на свет.

Бессчетных шагов возрастающий топот
Все громче и громче в зловещей тени —
На дороге в грядущие дни.

Протянуты руки к разорванным тучам,
Где вдруг прогремел угрожающий гром,
И молнии ловят излом.

Безумцы! кричите свои повеленья.
Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.

Зовут... приближаются... ломаются в двери...
Удары прикладов качают окно,—
Убивать—умереть—все равно!

Перев. В Брюсов

В МАЯКОВСКИЙ

Современный поэт.

(Род. в 1894 г.)

РЕВОЛЮЦИЯ.

26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией,
солдаты стреляли в народ.

27-ое.

Разлился под блеском дул лезвий

Рассвет.

Рдел багрян и долог.

В промозглой казарме

суровый,

трезвый

молился Волинский полк.

Жестоким

солдатским богом божились

роты,

бились об пол головы многолобой.

Кровь разжигалась, висками жиясь.

Руки в железо сжимались злобой.

Первому же,

приказавшему

стрелять за голод! —

заткнули пулей орущий рот.

Чье то — „смирно!..“

Не кончил —

Заколот.

Вырвалась к городу буря рот.

9 часов.

На своем постоянном месте

в военной автомобильной школе

стоим,

зажатые казарм оградю.

Рассвет растет,
сомнением колет,
предчувствием страха и радуя.

К окну!

Вижу:

оттуда,

где режется небо

дворцов изрубленной линией,

взлетел,

простерся орел самодержца.

черней, чем раньше,

злей.

орлинее.

Сразу —

люди,

лошади,

фонари,

дома,

и моя казарма.

толпами,

по сто

ринулись на улицу.

Шагами ломаемая, звенит мостовая.

Уши крушит невероятная поступь.

И вот, неведомо,

из пенья толпы ль,

из рвущейся меди-ль труб гвардейцев

нерукотворный,

сиянием пробивая пыль,

образ возрос.

Горит.

Рдеется.

Шире и шире крыл оружия.

Хлеба нужней,

воды изжажданней,

вот она.

Граждане, за ружья!
К оружию, граждане!
На крыльях флагов
стоглавою лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами взгрызлась в двухглавое
орла императорского черное тело.

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее Прежде:
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова.

Граждане!
Это первый день рабочего потопа.
Идем.
Запутавшемуся миру на выручку!
Пусть толпы в небо вбивают топот!
Пусть флоты ярость сиренами вырычат!

Горе двухглавому!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут.
На крохотном форде
мчим,
обгоняя погоню пуль.
Взрывом гудков продираемся в городе.
В тумане.
Улиц река дымит.
Как в бурю дюжина груженных барж.
над баррикадами
плывет, громяхая, марсельский марш.
Первого дня огневое ядро, жужжа, скатилось
за купол думы.
Нового утра новую дрожь встречаем у новых
сомнений в бреду мы,—

Что будет?
Их ли из окон выломим
или на нарах
ждать,
чтоб снова
Россию
могилами
выгорбил монарх?
Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше
в шинели скрыт.
Рассыпав дома в пулеметном треске, город
грохочет.

Город горит.
Везде языки.
Взовьются и лягут.
Вновь взвиваются, искры рассея.
Это улица,
взяв по красному флагу,
призывом зарев зовет Россию.
Еще!
О еще!
О ярче учи, красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун лучи
мстящими пальцами тысячерукого Марата!
Смерть двухглавому!
Каторга в двери
ломись,
когтями ржавые выев.
Пучками черных орлиных перьев подбитые
падают городовые.

Сдается столицы горящий остов,
по чердакам раскинули поиск.
Минута близко.

На Троицкий мост выступают толпы войск.
Скрип содрогает устои и скрепы.
Стиснулись.
Бьемся.
Секунда—
и в лак
заката
с фортов Петропавловской крепости
взвился огнем революции флаг.

Смерть двухглавому!
Шеищи глав
рубите наотмашь!
Чтоб больше не ожил.
Вот он!
Падает!
В последнего из-за угла вцепился.
„Боже,
Четыре тысячи в лоно твое прими!“
Довольно!
Радость трубите всеми голосами.
Нам
до бога
дело какое?
Сами
со святыми своих упокоим.
Что-ж не поете?
Или
души задушены Сибири саваном?
Мы победили!
Слава нам!
Сла-а-ав-ва-нам!
Пока на оружии рук не разжали,
Повелевается воля иная.
Новые несем земле скрижали
С нашего серого Синая.

Нам,
поселянам Земли,
каждый Земли поселянин—родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам, братья.
Мы все на земле
воины одной
жизнь созидающей рати.
Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля!
Воздух нам!
Наши звезд алмазные копи!
И мы никогда,
никогда,
никому,
никому не позволим
землю нашу ядрами рвать.
воздух наш раздирать остриями отточенных
копий.
Чья злоба на-двое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
на всех мало,
или небо под нами мало голубое?
Последние пушки грохочут в кровавых спорах.
Последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.
Не трусость вопит над шинелью серой,
не крики тех, кому есть нечего.

это народа огромного громовое:

—Верую

величию сердца человеческого!—

Это над взбитой битвами пылью

над всеми, кто грызся в любви изверясь,

днесь

небывалой сбывается былью

социалистов великая ересь!

НАШ МАРШ.

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог—бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие—наши песни,
Наше золото—звонящие голоса.

Зеленю ляг луг,
Выстели дно дням.
Радуга дай дуг
Лет бысролетным коням.

Видите—скучно звезд небу,
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
Чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой.
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша медь литавр.

А. ШИРЯЕВЦ.
Крестьянский поэт.
(1887—1924).

СТЕНЬКА РАЗИН.

Всколыхался ярко-красен
Стяг восставших за народ...
— Нет, не умер Стенька Разин,
Снова, грозный, он идет!

Не у Волжского кургана
Встал он с вольницей своей,
Потянуло атамана
На Неву к дворцам царей...

„Что народ морочить зря-то!
Ой, давно сюда я рвусь!
— Приналягте-ка, ребята,—
Перепахла гнусью Русь!“

И гудит ватага Стеньки
Все грознее и звончей,
Пересчитаны ступеньки
Лбами царских палачей. .

„Нажимай сильнее, братцы!
Ай-да, соколы! Вперед!
Где царили тунеядцы,
Будет править сам народ!“

Вьется стяг багряно-красен.
Близок, близок светлый час...
— Нет, не умер Стенька Разин,
Дух свободы не угас!

В. КАМЕНСКИЙ.
Современный поэт.

СТЕНЬКА РАЗИН.

Знайте, бояре-купцы,
Прислужники царские,
Что мы за народ, молодцы,
Головы сложим гусярские.
Знайте, что жизнь нам дана,
А любимая Волга-престольница.
Наша воля пьянее вина —
Спасай, понизовая вольница!
Опоясывай!
От Казани до Персии
С кистенем-витенем
Да с печеночным ножиком.
Я персидских ковров накупил,
На базарах смотался из кожи ком —
Всех султанов бревном отлупил.
Чары-чаллы-ай—
Ина-имай—
Русских знай, вспоминай
Стеньку Разина.
Атаман, разгулялся я гордо
И нахвастал:
Приеду—дожду.
Ну, спасибо, турецкие морды,
За персицкую вашу княжну.
Не каменья, не шелк
И не золото,
Не повадка лихая ушкуйная —
Обуяла меня удаль смолоду

Да житье бесшабашнсе,
Буйное.
Эххх-и мма-и рразз!
Не напрасно за души раздетые
Я башку удалую сгублю.
За разгульные песни отпетые
Свою Русь по гусларски люблю.
Будет день— и откроет ворота
Каждый для вольных гостей,
Чтобы в жизни любая забота
Была равна для равных затей.
Будет день—все в семью соберутся
Под единым заветным окном,
И тогда эти песни прольются
В сердце каждого крепким вином.
Будет день!
А пока наша доля сермяжная
Разобижена палачами,
Берегись ты, отродье княжное,
Обожравшее нас калачами!
И пока наша доля-раздольница
Чует слезное горе кабацкое —
Ты бунтуй, понизовая вольница.
За житье наше братское.
Ну рраз еще сарынь на кичку!
Я знаю час свой роковой —
За атаманскую привычку
На плаху лягу головой!
И пускай-я!
Все равно жизнь—малина,
А струги—лебединая стая
Разливаясь Волга-судьбина
Парусами густая.
Прожито все, что назначено!
Добыто все — головой!
Дело навеки раскачено!

Эй, заводи, рулевой!
Затомило предвестье,
Потянуло ко дну.
Все угнали да с песнями
Зимовать на Дону.
Эх, ты мать!
Зимовать на беду—на Дону.
Да в урочный оброчный
Лешачьев час —
Будь он проклят сейчас —
И навеки кошачьев
Багный заговорный квас,
С хмельем весельем,
С ведьминым зельем!
А ведьма-то ведьма —
Жена не жена
Пригожа-ласково-хвалена
Степана Алена.
Ой, выдала мужа
Опричине царской,
На совесть недужа!—
О доле гусярской
Забыло
Стыдовище бабское.
Ой, выдала мужа!
И кротко Степана
Будто—ох, малолетку!—
Посадили Степана
В железную клетку.
А Степан, будто птица—
Небоглазая птица,
Заморская чудо-стран.
И снится ей снится:
Будто принцесса Мейран
Зовет в Тагеран,
И Мейран — тоже птица.

В день июньский
Да солнечно ясный
Из молодецкого стана
На площади Красной
Москвы палачи
Зарубили Степана.
И не стало Великих Очей.
Говорят, что грачи
Кричали тридцать ночей:
Степан Разин!—Народное сердце! —
Эй, Степан!—эй, Степан!—эй, Степан!
Будет день —
С колоколен московских
Нам возвестие звонко пробьют.
Это там —
На горах жигулевских
Стеньке Разину память поют.
Будет день —
И весенний и дивный —
О веселье победном-бурлацком
Перекликнется клич переливный —
О пришествии братском!
Будет день —
Станут люди все—други,
И сольется святая сокольница.
Дружно вспомнятся Разина струги
И понизовая вольница!
А сегодня—когда молодецкая
Наша жизнь океанским крылом
Разлилась просто-чудо-простецкая —
Мы летим на великий пролом!
И сегодня — в полете волнений,
Вспоминая Степана привычку —
Станем праздновать тризну гонений,
Распевая:
Сарынь на кичку!

Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть!
Чеши затылок у подлещя.
Зачнем с низовья
Хватать, царапать
И шкуру драть,
Парчу с купца!
Сарынь на кичку!
Кистень за пояс!
В башке зудит!
Разгул до дна!
Свисти-глуши!
Зевай! — раздайся!
Слепая стерва — не попадайся!
Ввва-э!
Станем сердцем заклятвенным биться
За весеннюю долю —
Ежели пить — никогда не напиться
За народную волю!
Дни настали огневейные —
Расступитесь, небеса! —
Пойте песни солнцелейные —
Раздувайте паруса!
Мир раздолен и чудесен!
День — для счастья Дня!
Больше Песен — Песен — Песен!
Сердца и Огня!
Надо гуще дружбы-братства!
На едину сторону.
Трудовое все богатство
Мы разделим поровну!
Станем помнить солнце-Стеньку,
Мы от кости Стеньки кость! —
И пока горяч кистень куй,
Чтоб звенела молодость!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Современный
крестьянский поэт.
(Род. в 1895 г.)

ТОВАРИЩ.

Он был сыном простого рабочего.
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы, как ночь,
Да глаза голубые-кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: христос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А христос сидел на руках матери
И смотрел с икон на голубей под крышею.

Жил Мартин, и никто о нем не ведал.
Грустно стучали дни, словно дождь по железу.
И только иногда за скудным обедом—
Учил его отец распевать Марсельезу.
„Выростешь—говорил он,—поймешь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи“.
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насущной пищи.

Но вот под тесовым
окном—

Два ветра взмахнули
крылом;

То с вешнею полынью
вод

Взметнулся Российский
Народ...

Ревут валы
Поет гроза,
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
За трупом труп,
Ломают страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет!
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний грустный час...
Не верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз.

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Не даром мям цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно-негаданно с родимого крыльца
Донесся до Мартина последний крик отца.
С погасшими глазами, с пугливой синью губ
Упал он на колени, обнял холодный труп.
Но вот приподнял брови, протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату и стал под образа.
„Исус, Исус, ты слышишь? Ты видишь? Я один!
Тебя зовет и кличет товарищ твой, Мартин.

Отец лежит убитый, но он не пал, как трус!
Я слышу, он зовет нас, о верный мой Иисус!
Зовет он нас на помощь, где бьется русский люд,
Велит стоять за волю, за равенство, за труд!“

И ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Иисус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна...
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг... огни сверкнули...
Залаял медный груз...
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:

Больше нет воскресенья.
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом поле.

А там, где осталась мать,
Где ему не бывать
Боле.

Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну.
Ползает Мартин по полу:
Соколы вы мои, соколы,

В плену вы,
В плену!
Голос его глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.
Но спокойно звенит
 За окном
То погаснув, то вспыхнув
 Снова,
 Железное
 Слово:
„Ре—ес—пуу—ублика!“

ТРОИКА.

Тройка красных солнценогих скакунов
Русь — кибитку под расписанной дугой
Мчит, выносит из-за быстрых облаков,
Мчит на волю по дороге столбовой!
Лес дорогу, пошатнувшись, уступил,
Снял покорно шапку синюю туман.
Тройка красных разухабистых кобыл
Русь-кибитку мчит за синий океан.
Ломит грудью путь-дорогу коренник,
Возжи-молнии сияют по холмам.
Возжи-молнии поймал степной мужик,
Сам в кибитку и — ударил по коням.
Гей, вы, кони, кони дьяволы с икон,
Мчитесь в гору, прямо к солнцу — добрый путь!
Коли мчатся, думать — трусить не резон:
Добру молодцу головушку свернуть!
Свищет по полю по встрепанному кнут,
Ветер справа, ветер слева и с задов.
Будто крылья урагана их несут,
Этих красных солнценогих скакунов.
Гей, лети, ломи, шарашь глухую ночь,
Русь — кибитка под серебряной дугой.
Путь копытами подкованными всключь,
Взвейся месяцем в пустыне мировой!
Бейся, звякни, колокольчик, веселей,
Лесом, лугом, полем, морем, в ширь и в даль.
Верьте: только бы промчатся поскорей,
Седоку своей головушки не жаль!

БЕЗ ЦАРЯ.

Не на стонах ли брата убитого
Стали жить мы, товарищи, заново?
Ни тебе — станового сердитого,
Ни тебе — Николая Романова!

Много, братцы, царем перевешено,
По указу цареву расстреляно.
А приказы стрелять — не от лешего,
Государем расстреливать велено.

Не попы ль, златоусты духовные,
Заседали когда-то на судьбищах,
Как гуляки картежники кровные
На царевых потехах и гульбищах!

Выходили на казни кровавые,
С золотыми словами-подвохами;
Ко христу приобщали, лукавые,
В алых винах омытыми крохами!

Перед богом и миром лукавили,
Отдавали ни казни невинного.
Не с царем ли вы, пастыри, правили,
Все попы, сколько есть, до единого?

Становые да стражники лютые,
Точно ханы, гуляли по волости,
Не сравнишь по ухваткам с Малютою,
По ухваткам неслыханной вольности.

Бся деревня, бывало, попрячется,
Как пройдет полицейское чучело!
Только храбрая баба-кабатчица
Никого, кроме черта, не трусила!

Выходили на сход разорители:
Кто там подать не платит? — в холодную!
На иконах потели святители,
Пели хором кому-то отходную.

Допекала царева опричнина
Батогами, нагайками хижины.
У того, глядь, спина вся иссечена,
У того — ползатылка отстрижено!

Да пришла мать свобода великая,
Провалилась вся гадь в преисподнюю.
Разбежалась опричнина дикая,
Как бесовщина в ночь новогоднюю.

Алый стяг над хибарами серыми:
Как над лесом заря занимается.
Новый хлеб преогромными мерами
В закрома по зерну убирается!

Ш А Г И.

По всей земле.— где пальм узор резной
И сонный зной, и там, где вой пурги,
Они звучат, как крепнувший прибой,
Тяжелые рабочие шаги.

Я слышу их, как сердца мерный бой.
Их грозный гул вздымают города,
Они звучат, как голос роковой,
Неотвратимые шаги труда.

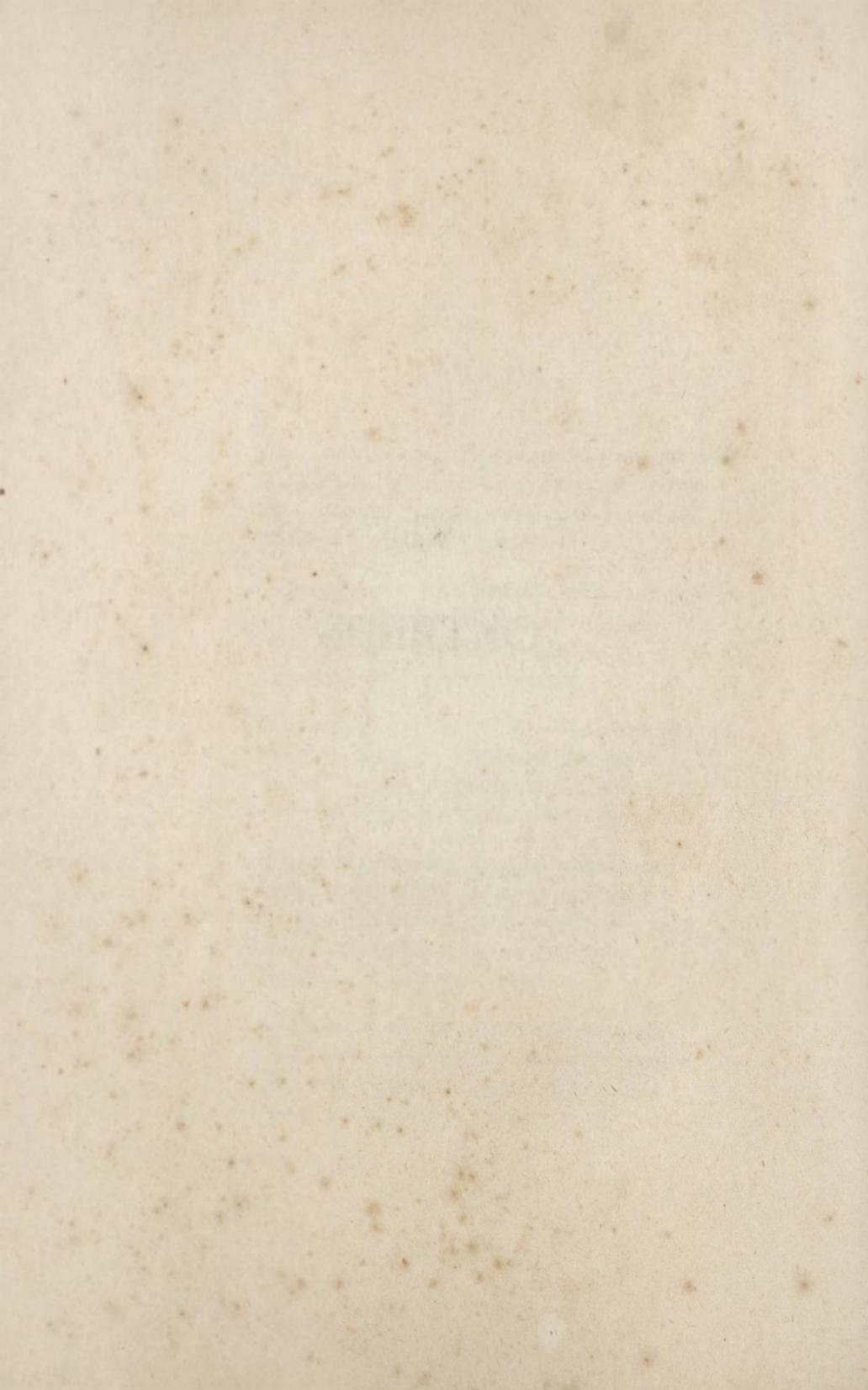
Вот рыщет страх и полночь, как палач.
Молчат дворцы. Погасли фонари.
Звучат шаги. Кровавится кумач,
Кто там дрожит за дорогим драпри?

Дробь пулеметов, пушек перезвон, —
Судьба дворцов решится до зари.
В смертельной схватке мускулы туги,
Огнем и кровью город обогрен.
Тяжелые рабочие шаги.

Настанет час, их громовой раскат
Наполнит мир. Падут во прах враги,
По всей земле победно прозвучат
Тяжелые рабочие шаги.

VI

ОКТЯБРЬ

ГЛАВНАЯ УЛИЦА.

ПОЭМА.

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут.
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут!

* * *

Главная улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется—клубный делец накрахмаленный,
Плут—ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз—меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— „Эй, опускайте железные шторы!..
— Скорей!..
— Скорей!..
— Скорей!..
— Скорей!..
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки!“.

С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!..
— Скорей!..
— Что же вы топчитесь, будто калеки?
Или измена таится и тут?
Духом одним с этою сволочью дышите?
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они!.. Видите?... Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!..

* * *

С силами, зревшими в нем, необ'ятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи—жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный,
Каторжный круг.
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу новый хозяин,
Вышел—и все изменилось вокруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— „Это—мое!!

Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье,
— „Это — мое!“
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье,
— Это — мое!“.

* * *

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
В миг оцетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилась воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прыснули злобные, пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Р — рысью... в атаку!
 — Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
 — Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали-б, ха-ха, свой станок и верстак,
Мать их растак!!..

* * *

— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!
 — Татарщина!
 — Азия!
— Хамы!
 — Мерзавцы!

— Скоты!

Подлецы!

-- Вышла на Главную рожа суконная!

— Высыпала им жандармерия конная!

— Славно работали тоже донцы!

— Видели лозунги?

— Да, ядовитые!

— Чернь отступала, заметьте, грозя.

— Правда-ль, что есть среди рабочих убитые?

— Жертвы... Без жертв. моя прелесть, нельзя!!

— Впрок-ли пойдут им уроки печальные?

— Что-же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные,

Всюду кровавые смыты следы.

Улица, злого полна ликования,

Залита светом вечерних огней.

Чистая публика всякого звания

Шаркает, чавкает снова по ней.

Чавкает с пошло-тупою беспечностью,

Меряя срок своих чавканий вечностью,

Веруя твердо, что с рабской судьбой

Стерпится-свыкнется „хам огорошенный“:

Что не вернется разбитый, отброшенный.

Глухо рокочущий где-то прибор!

* * *

Снова...

Снова...

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На!..

— На!..

— Раз-два,

Сильно!!

— Раз-два,

Дружно!!

— Раз-два,
В ход!!..
Грянул семнадцатый год!
— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: „Стой“?
Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!
— Раз-два,
— Сильно!!
— Е-ще
Раз!!
— Нам подхалимов не нужно.
Власть—весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!!
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!
Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

ЭПИЛОГ.

Петли, узлы—колеи исторической..
Пробил второй или первый?—звонок.
Годы мучений, борьбы титанической,
Вот наш победный терновый венок!
Братья, не верьте баюканью льстивому:
— „Вы—победители! Падаем ниц!“
Хныканью также не верьте трусливому:
— „Нашим скитаньям не видно границ!“
Пусть наша Улица будет задворками
Перед Проспектом иным, Мировым.

Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем уже не живым?
Мы, наступая на нашу на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.
Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не равна.
Мы-ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?
Стойте-ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бурными звуками,
Громом живых, боевых голосов.
Братья, всмотритесь во дни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний, рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум.
Трум-ту-ту-тум.
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою, грозно идут.
Грозно идут,
Идут,
Идут,
На последний, всемирный редут!

Я. БЕРДНИКОВ.

Современный проле-
тарский поэт.

НИКОГДА.

В бурях грозного смятенья
Возвещают провода.
От рабочего движенья
Черной рати нет спасенья,
Черной рати нет спасенья
И не будет никогда!
Никогда,—гремят заводы,
Никогда,—шипят ремни..
Мы развеем мрак невзгоды,
Смерть тиранам в дни свободы,
В вулканические дни!
Пусть умолкнут плач и стоны
В душных фабриках, в пыли!
Не рабы мы, легионы,
Мы, поднявшие знамена,—
Дети Солнца и Земли.
Вышли мы не для молитвы,
Вышли мы из душных нор
Для кровавой, грозной битвы,
Крепче стали, на простор..
Не напрасно.
Гордо, властно
Под'яремники труда
Взбушевали
Высь и дали,
Корабли и города..
В бурях красного движенья
Возвестили провода:
Черной рати нет спасенья
Черной рати нет спасенья
И не будет никогда!

ОКТЯБРЬ.

I.

Замкнули двери на замки,
Спустили тяжкие гардины
Роскошные особняки
На Миллионной и Неглинной.
Штыки—ограда для дворца,
У входов юнкера застыли,
И мягко на паркет торца
Ложится след автомобилей.
Их фонарей бегущий глаз
Во мглу лучом сверлящим метит
И на пути своем не раз
Уже остывший труп осветит.
И залп за залпом там и тут
Жуть тишины вечерней рвут.

II.

Всю ночь смятенье во дворце,
Всю ночь летают эстафеты,
Дежурный прямо на крыльце
Из рук у связи рвет пакеты.
Подвозят пушки юнкера,
И батальон подходит женский;
Глаз не смыкает до утра
В роскошных комнатах Керенский.
Удары мерные часов
Считают роковые сроки,

И кто-то в сумраке готов,
И кто то выйдет в бой жестокий!
И ждет рассвета Петроград
У склонов серых баррикад.

III.

Еще капризных звезд узоры
Не потушил зари восход,
И мерно режет киль „Авроры“
Тяжелый холод Невских вод.
Винтом взметает брызги пены,
Волну уставшую бодря.
И странен резкий рев сирены
В тиши холодной Октября.
Слова команды, как удары.
У пушки бледен канонир.
Авроры залп зажжет пожары,
В которых рухнет старый мир!
И звоном стекол ей на зов
Ответит Смольный—я готов!

IV.

Где вы, жеманные поклоны
И реверансы бледных дев?
Сегодня старые колонны
Таят смятение и гнев!
Сегодня эхо коридоров,
Привыкших мерный шаг считать,
На шум и шелканье затворов
Не успевают отвечать.
В провалах рам оконных тени,
Мелькая, заслоняют свет,
И именем заветным — Ленин —
Подписан в первый раз декрет.
И дан сигнал: вперед! пора!
И отступают юнкера!

V.

Кто знает жуткий, странный мрак
Осенних улиц Петрограда,
Когда на каждый поздний шаг
В домах ответить эхо радо.
Когда и в самой тишине
Таятся скрывшиеся шумы,
И медный всадник в вышине
Царит над площадью угрюмой.
Когда уснувшие сады
Дождя вуалью серой скрыты,
И легок мерный плеск воды
О тело старого гранита.
Когда промокший пешеход
В воротах сушится и ждет..
И был Октябрь, и были ночи,
И по намокшему торцу
Пришел с винтовкою рабочий
За властью к Зимнему дворцу.

ДВЕНАДЦАТЬ.

1.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер—
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком—ледок,
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит—ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате—плакат:
„Вся власть Учредительному Собранию!“
Старушка убивается—плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой большой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят
А всякий—раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.

— Ох, матушка-заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.
А это кто?—Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель—
Вития...

А вон и долгополый—
Сторонкой—за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как, бывало,
Брюхом шел вперед.
И крестом сияло
Брюхо на народ?...

Вот барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась—
И—бац—растянулась!
Ай, ай!

Тяни, подымай!
Ветер веселый
И зол, и рад,
Крутит подолаы,
Прохожих косит.
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
„Вся власть Учредительному собранию“...

И слова доносит:
...И у нас было собрание..
...Вот в этом здании..
...Обсудили —
Постановили..
На время — десять, на ночь — двадцать-
пять..
И меньше — ни с кого не брать..
...Пойдем спать..

Поздний вечер,
Пустеет улица,
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер..
Эй, бродяга!
Подходи —
Поцелуемся..
Хлеба!
Что впереди?
Проходи!
Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди..
Черная злоба, святая злоба..
Товарищ! Гляди
В оба!

2.

Гуляет ветер, порхает снег,
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни..
Кругом — огни, огни, огни..
В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину — надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой—в кабаке...

— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...

— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,

Мою, попробуй поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Катька с Ванькой занята—
Чем, чем занята?

Тра-та-та!

Кругом—огни, огни, огни...

Оплечь—ружейные ремни...

Революционный держите шаг!

Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь—

В кондовую,

В избяную,

В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3.

Как пошли наши ребята

В красной гвардии служить—

В красной гвардии служить—

Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!

Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!
Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4.

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катюшкой летит —
Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!

Он в шинелишке солдатской,
С физиономией дурацкой,
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катюшку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5.

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа,
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа,
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!
Эх, эх, поблуди!..
Сердце екнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

6.

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!

Трах-тарарах—тах тах-тах-тах,
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач—и с Ванькой—на утек..
Еще разок! Взводи курок!

Трах тарарарах...! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..
.....

Утек подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где?—Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада?— ни гу-гу...
Лежи, ты, падаль, на снегу!..

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7.

И опять идут двенадцать,
За плечами—ружьяца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Все быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее—
Не оправится никак...

— Что, товарищ, ты не весел?

— Что, дружок, оторопел?

— Что, Петруха, нос повесил,

— Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку!

Что ты, Петька, баба что-ль?

— Верно, душу наизнанку

Вздумал вывернуть? Изволь!
Поддержи свою осанку!
Над собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги,
Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба—
Гуляет нынче голытьба!

8.

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Уж я времячко
Проведу, проведу...

Уж я темячко
Почешу, почешу...

Уж я семячки
Полущу, полущу...

Уж я ножичком
Полосну, полосну!...

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку

За зазнобушку,
Чернобровушку...
Упокой, господи, душу рабы твоя...
Скучно!...

9.

Неслышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского—
Гуляй, ребята, без вина!
Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жесткой,
Поджавши хвост, паршивый пес.
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...
— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво—
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11.

...И идут без имени святого -
Все двенадцать—вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые --
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12.

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? выходи!
Это—ветер с красным флагом
Разыгрался впереди..

Впереди — сугроб холдный.
— Кто в сугробе — выходи!

Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый
Провались—поколочу!

...Скалит зубы—волк голодный
Хвост поджал—не отстает—
Пес голодный—пес безродный...
Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?

— Приглядись-ка, эка тьма!

— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Все равно, тебя добуду.
Лучше сдайся мне живьем!

— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах!... И только эхо
Откликается в домах...

Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!..

Трах-тах-тах!..

Так идут державным шагом—

Позади—голодный пес,

Впереди—с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз—

Впереди—Исус Христос.

НАМ ПРОБА.

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба—голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло как тесьма.
Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет — „Отдохнуть бы!“
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: — „Нет сил!“
Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.
В час бури ропот—воплъ измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь..
Строг выбор: строй, рази—иль падай!
Нам нужен—воин, кормчий, страж.
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!
Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед за грань за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дrobiшь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк, и незоркий,
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА.

Смотрите! Я стою среди них: станков, молотов,
вагранок и горнов и среди сотни товарищей.
Вверху железный кованый простор,
По сторонам идут балки и угольники.

Они поднимаются на десять сажень.
Загибаются справа и слева.

Соединяются стропилами в куполах и, как плечи
великана, держат всю железную постройку.

Они стремительны, они размашисты, они сильны.
Они требуют еще больше силы.

Гляжу на них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая железная кровь.

Я вырос еще.

У меня самого вырастают железные плечи и
безмерно сильные руки.

Я слился с железом постройки.

Поднялся.

Выпираю плечами стропила, верхние балки,
крышу.

Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих уси-
лий и уже кричу:

— „Слова прошу, товарищи, слова“.

Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка
дрожит нетерпением.

А я поднялся еще выше, я уже наравне с тру-
бами.

И не рассказ, не речь, а только одно, мое желез-
ное, я прокричу:

„Победим мы“.

К НАМ КТО СЕРДЦЕМ МОЛОД
Возле войны — война
Мне восставши, Милот
И Саварком мировом
Богатые и бедные
Нам ли свободы о том
Кем пролетарские труды
Благо им возносят
Трактором разучив народы
Робком духи и мечты
Земля в руках построим
Возжи алмазком луну
Новые камни камнями
Богот прожектеров — ласк
Им никому не поверим
В сказочный танец Шерри
Завсе на земле, будем жить
В терниях розах, в краях
Земля, весь загорится
Солнце всеянской любви
Что нам до мудрости толки
Пеленай палин вселю
Наша будущишей новин
Нет и не будет оговора
К нам кто сердцем молод
Светле космек и добродетель
Мне восставши, Милот
И Саварком мировом

К НАМ, КТО СЕРДЦЕМ МОЛОД.

К нам, кто сердцем молод!
Ветошь веков — долой!..
Ныне восславим Молот
И Совнарком мировой.

Боги былые истлели:
Нам ли скорбеть о том?
Резких пропеллеров трели,
Радио мы воспоем;

Трактором разума взроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В возжи впряжем луну.

Новые дали измерим
Взором прожекторов — глаз.
Мы никому не поверим
В сказочный райский Шираз.

Здесь, на земле, будем биться
В терниях, розах, в крови.
Знаем, здесь загорится
Солнце вселенской любви.

Что нам до мудрости тошей,
Пепельной пыли веков,—
Нашей бунтующей мощи
Нет и не будет оков..

К нам, кто сердцем молод!..
Счастье возьмем борьбой!..
Ныне восславим Молот
И Совнарком мировой!..

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

ЛЕВЫЙ МАРШ.

Разворачивайтесь в марше:

Словесной не место кляузе..

Тише, ораторы!

Ваше

слово,

товарищ маузер

Довольно жить законом,

данным Адамом и Евой.

Клячу истории загоним:

Левой!

Левой!

Левой!

Эй! синемлузые!

Рейте!

За океаны!

Или

у броненосцев на рейде

ступлены острые кили?!

Пусть,

оскалясь короной,

вздымает британский лев вой.

Коммуне не быть покоренной.

Левой!

Левой!

Левой!
Там,
за горами горя.
солнечный край не початый.

За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай.

Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются лавой—
России не быть под Антантой.
Левой!

Левой!
Левой!
Глаз-ли померкнет орлий?
В старое-ль станем пялиться?

Крепи
У мира на горле
Пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!

Флагами небо оклеивай.
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

КЛОД МАК-КЭЙ.

Поэт—негр. Рабочий.
(Род. на остр. Ямайка
в 1890 г.).

ПРИЗЫВ.

По земле, свои мышцы напрягши,
Несется безудержный грохот жизни.
И дрожат ее недра от натуги безмерной
И страшная буря ревет.

И пронизывают небо за молнией молнии,
Зажигая тревогой сердца людей.
Погруженная в сон многовековой
О, проснись, моя родная Африка.

На востоке алеют тучи
Небывалым рассветом грядущего,
И величье его разливается
Золотом по небу Запада.

О, вставайте от сна,
Мои братья и сестры,
Ибо корчится, в муках рождая, земля,
И мертвые из гробов поднимаются,

Облекаются плотью скелеты
И с лица спадает маска могилы,
И становятся мудрыми множества,
Даже и неразумные дети.
А земля стонет в муках рожденья
Нового сильного мира.

О, мои братья, спавшие века,
Проснитесь и взор на Восток устремите,
Ночь соблазняет спать непрерывно,
Но день—работать для счастья детей.

Перев. П. Охрименко.

КЛОД МАКСИМ
1902-1903
1904-1905
1906-1907
1908-1909
1910-1911
1912-1913
1914-1915
1916-1917
1918-1919
1920-1921
1922-1923
1924-1925
1926-1927
1928-1929
1930-1931
1932-1933
1934-1935
1936-1937
1938-1939
1940-1941
1942-1943
1944-1945
1946-1947
1948-1949
1950-1951
1952-1953
1954-1955
1956-1957
1958-1959
1960-1961
1962-1963
1964-1965
1966-1967
1968-1969
1970-1971
1972-1973
1974-1975
1976-1977
1978-1979
1980-1981
1982-1983
1984-1985
1986-1987
1988-1989
1990-1991
1992-1993
1994-1995
1996-1997
1998-1999
2000-2001
2002-2003
2004-2005
2006-2007
2008-2009
2010-2011
2012-2013
2014-2015
2016-2017
2018-2019
2020-2021
2022-2023
2024-2025

СОЛНЕЧНАЯ ПЕСНЬ.

Над твердью я, простой рабочий,
Каменотес,—с высоких гор.
С остервененьем среди ночи
Вздываю месяц, как топор!

Расчешем огненное небо,
Седины рыжих облаков.
Мечта в руках моих, как гребень,
Из стали выкованных слов!

Кто победит нас? Кто посмеет?
Ведь, все мы—Муромцы Ильи!
Глядите: Солнце, пламенея.
Сошло со старой колеи!

От ветхой пристани в безбрежность,
Отчалив, быстро мы пошли.
Пусть парус наш секут и режут
Все ветры взорванной Земли!

Пусть взвизгивают молний стрелы
И рушит камни белый гром,—
Простор дерзающим и смелым
Развернут в поле золотом!

И строит новые созвездья
Из красных слов, как из кремня,
Непобедимый и железный
Всесветный Муромец Илья!

За стол—на красные поминки
Мы сели, радость затая:
Под песни на две половинки
Распалась Старая Земля!

И. ПОЛЕТАЕВ.

Современный про-
летарский поэт.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Знамен кровавых колыханье
На бледно синих небесах,
Их слов серебрянных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный
И строгость бледно-серых лиц
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжащий восторг —
Во всем холодное сознание,
Великий непреложный долг.

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ.*

1.

Вошла и сказала ему: „саламат“!¹
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы—хоть картину пиши.
— „Якши“!²

Жена у Мирзы—его третья жена—
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин бухарских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым,³
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.⁴

2.

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмурившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,
Мимо—страшно сказать!—„Комсомола,⁵
Где, гудя как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады,
Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
— „Ну дыр бай бай-ляр-дан ер-ал-ды

* Стихотворение может служить материалом для литературного вечера „8 марта“.

Ек са-ляра бер-ды...“
Дома, сонный, обрюзглый, помятый.
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза.
— „Пр-ро-клятый“!!

3.

— Велик Алла!—
— Велик Алла!—
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в „Комсомол“,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.
— „Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?“
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакаля кровь“
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.
И отвечала ей Зайнет:
— „Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где об'ясняют, как найти
К свободе верные пути
Бухарским девушкам и женам“!
А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану,
Зайнет спаслася от неволи!

4.

Год тяжкого труда—по дням и по ночам—
Прошел, как светлый сон, для боевой
беглянки.

С какою верою живой ее речам
Внимали бедные дехканки! ⁶
На фронте шла она в разведку и в секрет.
И басмачи не раз бранились бранью злобной:
— „Поймаем — пуля в лоб! У красных боль-
ше нет

Другой разведчицы подобной!“

Рвалася к подвигам — и тем была жива,
Всегда — на скакуне иль полковой двуколке.
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

5.

Хмурый Мирза в Фергане
В грязной сидит чайхане,⁷
Полон замыслом темным.

Дал, не скупясь, он монет,
Кун⁸ за убийство Зайнет,
Двум убийцам наемным.

Был их ответ: „потерли,
Мы уж разыщем в степи
След твоей комсомолки!“

Ночью, напавши на след,
Смяли узбеки Зайнет,
Словно дикие волки.

Рвали, оскалив клыки,
Жилы из левой руки,
— „Будешь вечно калека!“ —

В шею, дробя позвонок,
Острый вонзили клинок
Два преступных узбека.

6.

Прошло пять месяцев. Ферганская боль-
ница
Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый
струп.

Нет, не кошмарный сон ей снится.
Она—калека, полутруп.

Блуждает взор, и речь Зайнет звучит невнятно,
Слух острый притуплен, трясется голова.
Врачи дивятся: „непонятно,
Как ты осталася жива!“

Зайнет свезли в Москву. Москва сильна
наукой.

Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
И в комсомолке однорукой
Зажегся вновь бунтарский дух.

„Ком-университет трудящихся Востока“
Зайнет мерещится во сне и наяву.

У гроба нового пророка
Она сказала: „я живу!“

*И ты—живешь во мне заветами твоими.
На родине моей—в кишлак¹⁾ из кишлака—
Дехканкам темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твое родное имя
Моя последняя рука!“*

-
- 1) Саламат—приветствие
 - 2) Якши—хорошо.
 - 3) Калым—выкуп за невесту.
 - 4) Ичкерь—внутренний двор.
 - 5) Паранджа—лицевое покрывало.
 - 6) Дехканки—крестьянки.
 - 7) Чайхана—вроде чайной.
 - 8) Кун—награда за месть.
 - 9) Кишлак—деревня.

С. ОБРАДОВИЧ.

НЕГР В МОСКВЕ.

И не вымысел,
И не сон,
И не бред:
Ветром северным оглушен,
Старый негр
В Москве,
В Октябре.

Голубеют дни наяву.
Москва—
Беспокойным огромным гонгом.
Толпы.
Толпы за валом вал,
Как державные волны Конго.

Взор и слух—
В толпу,
В знамена,
В крик:
Ни погонщиков, ни цепей, ни слез...
Старый негр сединой поник:
Ветер Африки негру стон донес.

Ветер полз, задыхаясь в злых песках:
В тростниках блуждал,
В болотах глох.
Там, в тростниках, с кровью у виска,
Загнанный брат не нашел дорог.

Из Сиднея в Судан,
Из Судана в Сидней
Гнал корабли из порта в порт.
И под каждым парусом—
Звон цепей
И смех павианий жирных морд.

А на рынке Тимбукту,
За маис и рис
(Бился в глазах голод и страх)
Черною пальмою пала ниц
Проданная сестра.

Из каменно-гнойных ям
Вслед
Скованный сын прохрипел привет.
У хижин в ночах,
От росы до росы—
Боль и надежда,
Верные псы.

Ждут в плантациях,
Ждут в рудниках,
Изнемогая,
Гонца и вестей...

.....

Ветер стих в камнях у ног старика
Стоном и свистом плетей.

Трепетала ало Москва
Безпокойным огромным гонгом.
Толпы...

Толпы за валом вал,
Как державные волны Конго.

И не вымысел,
И не бред,
И не сон:
Звенят старику тростники,

Бережно пронесен
Огонь знамен
Сквозь когтистые лапы морей и пески.
В тростниках, в рудниках, в черной толпе,—
Обнаженным ножом
Крик;
И над Конго грозный прогремел напев.
Окровавленных мостовых.

ВАСИЛИЙ КАЗИН.

Пролетарский поэт.
(Род. в 1898 г.)

ЭПОХА.

Наш каждый день неловко-величав,
Увесистей испытанных столетий.
Отцам события родней детей кричат
И на отцов глядят отцами дети.
Обыденным обедом стал нам бой
И даже в радостях мы хмурим брови,
Ласкаем девушек,—и вдруг сама собой
Рука становится суровой.
Дурманнный ореол кумиров отблистал,
И кто склонится к милостям кумира,
Когда у нас какой-нибудь подвал
Вскипает в замыслах переустройством мира.
Пространств повязку, времени прибор
Прощупали сухим животным знаньем
И жизнь свою не стали звать судьбой
И поручили собственным дерзаньям.
И, возвеличив гением разлад,
Мы раздавили, как гнездо уродства,
Кровавыми горами баррикад
Гармонию единокровства.
Иные стали признаки родства:
— Эй, за кого там задымилась рана,
Во имя ль хищнического торжества.
Иль торжества трудящегося стана?..
И вот отцам события кричат
Родней детей. Глядят отцами дети.
И что ни день—в пороховом рассвете,
И что ни день неловко-величав,
Увесистей испытанных столетий.

VII

КРАСНАЯ АРМИЯ

И. ФИЛИПЧЕНКО.

Пролетарский поэт.
(Род. в 1887 г.)

БОЙ БАРАБАНА.

Бедноте бездольной бью в барабан я,
Бью огрубелый в бранных боях:—
Там тиран,
Тиран там,
Рать там тарабанная,
Трон там—таратайка—мертвый прах.

Солнечный диск догорает средь неба зловеще.
Тени легли, как валежник лесной и жутко скрестили,
Точно четкой проволокой поземле предметы и вещи,
Мы и знакомых едва различаем—где будем, где были,
Мы, окованные горизонтом из коней и орудий,—
До единого враг нас обрек на погибель.
На эшафоте, на дыбе,—
Смерть в саван наши кутает груди.
Мы хрипим, враг делит пожитков наших прибыль.

Саван свой белый, шатер облаковый
Тихо со звезд опускает над нами
Пальцев когтями схожих с подковой:—
Рубище гроба, могильную смердь
Черная смерть
Опускает над нами...

Бедноте бездомной бью в барабан я,
Бью, обреченный в бранных боях:
Там—тиран,
Тиран там,
Рать там тарабанная,
Трон там—таратайка—трупный прах.

Разве между нами нет бойцов былинных?
Нет вождей, влюбленных в боевой народ?
Нет героев ратных, нет сердец львиных,
Силы-ль недород?
Есть, о есть,
Бесстрашные, как громоотвод.
И врага и молнию разнести
Рвутся.
Так вперед!
Так вперед без оглядки на кровлю жилища,
Без оглядки туда—на невесту, жену,
Прочь привязанность—станешь рабом иль нищим,
Прочь занятие мирное,— все к рожну!
Прочь искусство (на время),
Когда враг нам целится в темя —
Защитим черепа.
Бедноте бездольной бью в барабан я.
Бью обогранный в бранных боях:
Там тиран,
Тиран там,
Рать там тарабанная,
Таратайка трон там,— тертый прах.
Ты воспрянул я вижу,— вставай!
Ты же встал—двинь железный шаг!
Ты шагнул,—ну, ступай!
Ну, стремглав! Ну, где враг!
Ты винтовку берешь, ну, бери!
Ты топор, ну бери и топор!
Ты—садись на коня до зари,
Ты—веди пулеметом сговор!
Ты, товарищ, седлай моноплан,—
Будешь коршуном, вычтешь цыплят.
Ты—орудий парком на вражий стан.
Ты тревожь, как зовущий набат.

Все вы здесь?
Готовы? Гневом обуяны?
Ринемтесь стеною, дробью барабана.
Каждый через труп врага перелезь.
К оружью всей рабочей страной!
В бой!

Бедноте бездомной бью в барабан я.
Бью, обезумев в бранных боях:—
Там—тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там—таратайка мертвый прах.

А. ЖАРОВ.
Современный
пролетарский поэт.

ВСТАЮ В РЯДЫ.

Мой разум трезв. Спокоен мой язык.

Но сердца бой миллионам солнц

Не высечь!

Я в зареве вскипающей грозы

Встаю в ряды построившихся тысяч.

Тревогу будят в наших городах

Угрозы оцилиндренной Европы...

От баррикад науки и труда

Опять пойду в знакомые окопы!

Мой разум трезв. Но сердца звон килуч...

Я не отдам ни за какую плату

Мой вольный рост, рабфак и фабзавуч

И на шинели серые заплаты.

Греми, набат! Греми, гуди, тревожь:

—Взгляд—на прицел! Рука—на изготовку!

За нашу жизнь, за нас, за молодежь

Опять готов согнуться под винтовкой!..

Мой разум трезв. Но сердца звон кипуч.

Но ненависть миллионам солнц не высечь...

За молодежь, рабфак, за фабзавуч

Встаю в ряды построившихся тысяч!..

В О Г Н Е.

Девушка-красноармеец

I.

Было радостно и неловко,
Что среди огрубевших нас
Ты стреляла в цель из винтовки,
Крепко жмуря левый глаз.

Ты готовилась стать солдатом,
Я всегда за тобой следил,
Мне хотелось твоим быть братом,
Чтобы чувствовать больше сил...

Говорили о постороннем:
О театре, южных ночах...
Был задор и в прощальном поклоне,
И в серо-светлых глазах...

II.

Грозные, тревожные недели,
Юные, отважные солдаты...
Гудки паровозов пели,
Вокзал дымился космато...

Стройными сплоченными рядами
Строились на выгнутых платформах;
Вагоны пустыми ртами
Солдат глотали проворно...

Встретился с задорными глазами,
Дрогнули приподнятые брови...
Прощай. Не забуду. Память
Тебе венок приготовит.

III.

Кровью дни задымились,
Зубы оскалил голод;
Надеждой слабых кормили,
Когда тревога колола.

Слабла жизнь от усилий.
Уголь завяз. Без топки.
А вести дни приносили
Все хуже, хуже для робких.
Мертвых очередь ждала,
Густо росли могилы.
Рожденье смертью венчалось,
И гасли, таяли силы...

Не было в жизни нежных—
Стала война понятной...
Вдали на равнинах снежных
Спасут кровавые пятна.

IV.

Бронированные поезда,
Открыв смертоносные пасти,
Отправлялись на фронты.
Мучительно было ждать,
Когда разорвется на части—
Черная муть горизонтов...

Осторожный язык телеграмм
Будил на окраинах тревогу
И слепые порывы;
На рынках, толпясь по утрам,
Говорили тихо, но много,
Глухо, злобно, лживо.

Эшелоны один за другим
Отправлялись на юг и на север
В поредевшие части;
Мы верили: победим!
Россия взлелеяла в чреве
Вечное право на счастье...

V.

И вот однажды при разгрузке
Больных и раненых солдат,
Я встретил серовато-тусклый
Твой взгляд.

Внезапно стало тесно в горле,
Подался к каменной стене;
Ты руку левую простерла
Ко мне.

Тебя внесли на перевязку,
О чем-то нужном не спросил;
Шатался я в тумане вязком
Без сил.

Не знал, что ты мне дорога так,
Что впереди еще предел;
Вокзал, дымящийся космато,
Гудел.

VI.

В лазарете было тихо, сонно,
Не мешала старая сиделка;
Обегало белые колонны
Солнце шустрой, шаловливой белкой.

Ты рассказывала. Хрупкий голос
Обрывался часто ниткой прелой;
Все тревоги быстро раскололись
И мечта опять заголубела...

Города победы опьяняли,
Кровь погибших удобряла топи...
Эти дни бушующие пряли
Боевые лозунги Европе...

VII.

И снова вокзал. Улыбалась
Редкому счастью ты,
Снова „ура“ рождали
Вагонов рты.

Ты уезжала вторично;
Слепо цвели огни...
Не было жизни личной
В эти дни...

VIII.

.. Убита...
Так что же?
Капли крови
Рубинами блещут
На красных знаменах;
Великое—вечно,
О, сколько юных
Выльют напиток
Бессмертия...
.....

НИК. АСЕЕВ.

Современный поэт.
(Род. в 1889 г.)

КОННАЯ БУДЕННОГО.

С неба полуденного
Жара—не подступи;
Конная Буденного
Раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
В помещицьем дому—
Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму.

Не отцовской славою
Наш выводок богат:
Сами падать лавою
Учились на врага.

Пусть паны не хвастают
Посадкой на скаку,—
Смелем рысью частою
Их эскадрон в муку.

Будет белым помнится,
Как травы шелестят,
Когда несется конница
Рабочих и крестьян!

Все, что мелкой пташкою
Вьется на пути,
Перед острой шашкою
В сторону лети!

Не начинаем бой мы,
Но, помня Перекоп,
Всегда полны обоймы
Для вражьих черепов!

В лад уздечки звякают
Памятью о нем;
Так растопчем всякую
Гадину конем!

Никто пути пройденного
У нас не отберет,
Конная Буденного
Дивизия вперед!

МАТРОСАМ.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы—солнце, вы свежесть стихии соленой,
Вы—вольные ветры, вы—рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность—морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз.
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на Невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи—
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод,
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

УЗЛОВАЯ.

Степь. Ночь. Муть. Снега.

Вьюжные в муть—стога.

В снегах отчаянием ожесточений

Огромным гробом элеватор глож.

В снегах голодной хваткой губерний

Пальцы рельс—в Узловую дорог.

Волчьим воем шныряли гудки.

Волчьи глаза—во все тупики.

Псом обегая сон станционный,

Вьюга поземкой змеиной прочь.

Вздрагивали эшелоны,

Поблескивая топкой в ночь.

И в черный оскал вагонов порой

Бледность зарниц за Узловой.

Это ракеты в степных ночах

Ржавый и обессиленный нож.

Кровью отхаркиваясь и рыча,

Нависало тупое „Дашь“!...

Слякоть. Асфальт. Мешки. Узлы.

Лохмотья. В лохмотьях из полумглы—

Птицы бескрылые—не взлететь в простор,

Угли тлеющие—глаза;

Копошились, вязли, бились в упор.

Задыхаясь, хрипя и грозя.

Оцепенелый и сонный бред;
Кто-то привстав, шептал об Октябре;
Кто-то в бреду понукал коня;
Рвался, крича, из глухого огня;
Дрожью высохших втянутых скул
К незримому припадал куску.

Комендантская. Комендант. За окном—
Вьюга в сон станционный псом.

Вьюга—прочь, в бездорожья взыв...
Стол: телеграммы, письма, приказ,
И над корявым письмом Москвы
Лютая боль загнанных глаз.

Над приказами—комендант на посту.
Но письма—тоже в тифозном бреду;
Желтые, жутью жгут, крича.
И ртом цынготным коменданту вслед:
Сыну на саван рубаху с плеча...
Последний ломоть лебеды на обед...

Степная ночь—ни зги, ни зги...
Мертвые волчьи глаза—в тупики.

О ДВАДЦАТОМ.

Девятнадцать солдат—девятнадцать бойцов
Совсем не знают друг друга,
Сбежались в лес из разных концов,
Их след заметала вьюга.
Девятнадцать солдат из разных полков
Из разных рот и взводов,
Теснее сжималось кольцо врагов—
Девятнадцать солдат из разных полков
Напрасно искали прохода.
Винтовок пять, один пулемет
И лента почти пустая.
Вьюга кружит, и как будто ждет
Гостей постель снеговая.
И сбились в круг девятнадцать солдат
И греют друг друга телами;
И нет пути ни вперед, ни назад,
И встреча страшна с врагами.
И сидели так они целый день,
В дремучем лесу солдаты
И к вечеру к ним, худой как тень,
Шатаясь, пришел двадцатый.
Никто не видал его никогда,
И кто он, бойцы не знали,
Но все равно алела звезда,
И брата в пришедшем узнали.
Двадцатый сказал: я знаю путь—
Направо тропа через болото.

Пройдем, но надо, чтоб кто-нибудь
Врага задержал пулеметом.
Пройдем! И радость стучит в сердца.
Пройдем! И будем свободны.
И руку двадцатого жмут бойца
Деятнадцать в лесу холодном.
Но кто останется? Кому
За пнем в снегу лежать охота,
И пули посылать во тьму,
И ждать врага у пулемета?
Так каждый думал и молчал,
И сбились в круг тесней солдаты.
— Что ж, бросим жребий,—им сказал
Усталым голосом двадцатый.
— Что ж, бросим жребий,—никому
Проститься с жизнью не охота.
Двадцатый посмотрел во тьму
И молча лег у пулемета.
Болотной тропой девятнадцать шли.
Как тот им сказал—направо,
В сугробах вязли и вот нашли
Свою боевую заставу.
И когда отдохнули немного, спросил
Тревожным голосом кто то:
— Братва, да кто же двадцатый был,
Оставшийся у пулемета?
И никто из них про это не знал,
И хмуро молчали солдаты,
И только один угрюмо сказал:
— Он был коммунист, ребята.

КРАСНОАРМЕЕЦ ПЕТР ПЕТРОВ.

Стихает за речку умчавшийся бой,
Чуть слышны орудий раскаты;
В густом камыше над кровавой рекой
Недвижное тело солдата.
Глаза не закрыты, и взгляд их суров,
Рука не рассталась с наганом.
Как будто бы жив еще Петр Петров,
Как будто бы снова в атаку готов
Итти с дымящейся раной.
Глаза не закрыты... и чудится им,
Что возле песчаного ската
Проходят рядами один за другим
Интернационала солдаты.
Уверена поступь железных шагов
В отсветах красных пожарищ;
Над трупом склоняются... „Здравствуй, Петров!
Спасибо за службу, товарищ!
Я—в вечной работе гну спину свою!
Я—в шахтах клянусь свою долю.
Спасибо, товарищ, погибший в бою
За нашу грядущую волю!
Я—негр, чья спина ненавистным бичем
Изранена в Африке знойной.
Спасибо, товарищ, мы скоро придем
На смену! Так спи же спокойно!...
Я—кули от берега Желтой реки,
Я—бедный крестьянин Памира.

Спасибо, товарищ, от вражьей руки
Погибший за будущность мира!
Спасибо, товарищ, проститься с тобой
Пришли мы!...
И снова и снова
Проходят. И каждый своею рукой
Жмет мертвую руку Петрова.
Стихает за речку умчавшийся бой,
Чуть слышны орудий раскаты.
В густом тростнике, над кровавой рекой
Недвижное тело солдата.

Г. ЛЕЛЕВИЧ.
Современный проле-
тарский поэт.

БАЛЛАДА ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЕ ШТЕЙНЕ.

Ухают, бухают третий день
Пушки из ближних деревень.
Чехи на город прут стеной,
Но перед стеной — заслон стальной,
Неколебимо смыкает ряд
Третий интернациональный отряд.
Немец, китаец, латыш, мадьяр,
Разный язык — общий удар,
А во главе не солдат — кремень.
И имя — кремень: Отто Штейн.

Третья ночь на окопы легла.
Но не легла сонная мгла.
Лижут орудья небо огнем.
И под огнем светлей, чем днем.
Метко враги выбрали цель:
Рванула шрапнель не одну шинель,
Всюду враги растут из земли.
Красные части кругом отошли,
Но телефон прокричал приказ:
„Товарищ Штейн, надежда на вас“!
Оторвался от трубки, строен и прям,
И спокойно вернулся к бойцам.
Так в Берлине когда-то Штейн
Шел на собранье в рабочий фереин.
Собрал на мгновенье свой отряд,
Жаркая речь и жаркий взгляд.
Сжал револьвер в сильных руках

И указал на красный флаг.
Не всем понятен чужой язык,
Но к красному флагу всяк привык,
Мускул не дрогнул на лице
Не сердце—бомба— в каждом бойце.
И снова под раскаленный град
В железный ряд залег отряд.

До утра разевали орудья рот,
И лентам счет потерял пулемет.
До утра ложился к трупу труп.
Один командир уцелел к утру,
Вышел к врагам из окопных нор
И шесть пуль врагам всадил в упор.
А седьмую сберег. Наган в—висок,
Наган в висок, и нажал курок.

ИМЯ ОДНО.

В поле холмы стоят,
В поле бойцы лежат,
Рядышком—к брату брат—
Каждый лежит солдат:
Немец, еврей, поляк,
Русский, чехо-словак,
Разный у всех язык,
Имя же—Большевик.
Имя одно у всех,—
Синий над ними снег,
Ветер давно замолк,—
В поле в засаде полк.
Ленинский полк молчит,
Ленинский полк глядит—
Битва уже не тут,
Что же бойцы-то ждут?
Ждут, но не встанут, нет,
И через сотни лет, —
Каждый лежит солдат,
Мертвый—и к брату брат.
Немец, еврей, поляк,
Русский, чехо-словак,
Разный у всех язык,
Имя одно—Большевик.

Н. ТИХОНОВ.
Современный поэт.

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ.

Локти резали ветер, за полем лог,
Человек добежал, почернел, лег,
Лег у огня, прохрипел: коня!
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро—в озеро, в карьер луга.
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма летит земля,
Ровным звоном звенят поля,

Но не птица сердце коня - не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага - прыжок и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал,

Он дышал, как дырявый мешок,
Вокзал сказал ему: хорошо.

— Хорошо, - проревел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу - колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей—река и мост.

Динамит и бикфордов шнур—его брат
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Командант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян.
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отскакивает голова,
Тула мелькнула, плывет Москва,

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет,
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом
— Сначала пакет, нога потом.

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат.
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи — и в крови запеклось
И человек разорвал его вкось.

Прочел — о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер.

— Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам.

ПЕРЕКОП.

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз—
И хлеба фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

Красным волкам
За капканом капкан.
Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг—наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!..

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед,—
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступить черед!..
За нами, ведь, дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.
За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж—все равно!

Когда тысячи крикнут слово: „отдай!“ —
Урагана сильней оно.
И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.
Дельфины играли вдали,
Чаяк качал простор —
И длинные, серые корабли
Поворачивали на Босфор.
Мы легли под деревья, под камни, в траву.
Мы ждали, что сон придет
Первый раз не в крови и не наяву —
Первый раз за четвертый год.
Нам снилось — если сто прожить,
Того не увидят глаза,
Но про это нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!..

А. ЮРИН.

Поэт-красноармеец.

МОЙ СТИХ.

Мой голос груб. Он огрубел в походе.
Когда шагал я с вами в третьем взводе,
Когда до жгучей боли
Я натирал кровавые мозоли,
Когда, полубосой,
Усталость ног я охлаждал росой.
Наш эшелон изрешетившая, шрапнель
В свинцовую метель—
В свинцовую метель
Впилась в мой стих.
Это—не песня. Это—отраженье
Движенья, и движенья, и движенья
По всем путям колонн густых.
В моем стихе—обозов скрип,
В нем хрип
Героя, павшего во ржах,
В нем светит загорело
Отблеск тела
Сквозь дырья изорвавшихся рубах;
В нем шаг тяжелый роты
И клекот пулемета;
В нем звук вечернего сигнала
Пред пением „Интернационала“
В поголубевшей мгле
На площади, в селе.

САМОБЫТНИК.

ЗАВЕТ.

Нужно быть прямым, суровым
И стойким до конца,
И, как боец, могучим словом
Воспламенять сердца.

Нужно быть бесстрашным коммунар
Час битвы—вперед!..
И перед вражеским ударом
Не отклонять груди.

Нужно знать, что даром не дается
Над темной жизнью власть,
Нужно знать, что, может быть, придется
Сраженным в битве пасть.

Нужно даль бесстрашным взором мерить
Сквозь грозные года
И, умирая, беззаветно верить
В бессмертие труда!..

VIII
СССР

БАШНЯ.

На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей, выросла башня, железная башня рабочих усилий.

Долго работники рыли, болотные пни корчевали и скалы взрывали прибрежные.

Неудач, неудач сколько было, несчастий!

Руки и ноги ломались в отчаянных муках, люди падали в ямы, земля их нещадно жрала.

Сначала считали убитых, распевали им песни надгробные.

Потом помирали без песен прощальных, без слов. Там, под башней, погибла толпа безыменных, но славных работников башни.

И все-ж победили... и внедрили в глуби земли тяжеленные плотные губы бетонов-опор.

Бетон, это — замысел нашей рабочей постройки, работою, подвигом, смертью вскормленный.

В бетоны впились, в них вросли, охватили огнем их железные лапы-устои.

Лапы взвились, крепко сцепились железным объятмем, кряжем поднялись кверху и, как спина неземного титана, бьются в неслышном труде-напряженьи и держат чудовище-башню.

Тяжела, нелегка эта башня земле. Лапы давят, прессуют земные пласты. И порою как будто вздыхает сжатая башней земля, стоны несутся с низов подземелья необятных подземных рабочих могил.

А железное эхо подземных рыданий колеблет
устои и всё об умерших, всё о погибших за башню
работниках, низкой железной октавой поет.

На лапы уперлись колонны, железные балки,
угольники, рельсы.

Рельсы и балки вздымаются кверху, жмутся
друг к другу, бьют и ловят друг друга, на мгнове-
нье как будто застыли крест-на-крест в борьбе
и опять побежали все выше, вольнее, мощнее,
друг друга тесня, отрицая и снова прессуя сталь-
ными крепленьями.

Высоко-высоко разбежались, до жути высоко,
угольники, балки и рельсы; их пронзил миллион
раскаленных заклепок,—и все что тут было уда-
ром отдельным, запертым чувством, восстало в
гармонии мощной порыва единого... сильных,
решительных, смелых строителей башни.

Что за радость подняться наверх этой кован-
ной башни!

Сплетенья гудят и поют, металлическим трепе-
том бьются, дрожат лабиринты железа. В этом
трепете всё—и земное, зарытое в недра земное,
и песни к верхам, чуть видным задернутым мглою
верхам.

Вздохнуть, заслепиться тогда и без глаз по-
смотреть и почувствовать музыку башни рабочей:
ходят тяжелыми ходами гаммы железные, хоры
железного ропота рвутся и душу зовут к неизве-
данным, большим чем башня, постройкам.

Их там—тысячи. Их миллион. Миллиарды...
рабочих ударов гремят в этих отзвуках башни
железной

Железо-железо!..—гудят лабиринты.

В светлом воздухе башня вся кажется черной,
железо не знает улыбки: горя в нем больше, чем
радости, мысли в нем больше, чем смеха.

Железо, покрытое ржавчиной времени, это — мысль, вся серьезная, хмурая дума эпох и столетий.

Железную башню венчает прикованный, светлый, стальной, весь стремление к дальним высотам, шлифованный шпиль.

Он синее небо, которому прежние люди молились, давно разорвал, разбросал облака; он луну по ночам провожает, как странника старых былых повестей и сказаний, он тушит ее своим светом, спорит уж с солнцем...

Шпиль высоко летит, башня за ним, тысяча балок и сеть лабиринтов покажутся вдруг вдохновенно легки, и реет стальная вершина над миром победой, трудом, достиженьем.

Сталь,—это воля труда, вознесенного снизу к чуть видным верхам.

Дымкой и мглою бывает подернут наш шпиль: это—черные дни неудач, катастрофы, движенья, это—ужас рабочей неволи, отчаянье, страх и безверье...

Зарыдают сильнее тогда, навзрыд зарыдают октавы тяжелых устоев, задрожит, заколеблется башня, грозит разрушеньем, вся пронзенная воплями сдавшихся жизни тяжелой, усталых... обманутых строителей башни.

Те, что поднялись кверху, на шпиль, вдруг прожгутся ужасным сомненьем: башни, быть может, и нет, это — только мираж, это — греза металла, гранита, бетона, это—сны. Вот они оборвутся... под нами все та-же бездонная пропасть, могила...

И, лишённые веры, лишённые воли, падают вниз.

Прямо на скалы... На камни..

Но камни, жесткие камни...

Учат!

Или смерть! или-только туда, только кверху!—
крепить и ковать и клепать, подыматься и снова
все строить и строить железную башню!

— Пробный удар ручника...

Низкая песня мотора...

Говор железной машины...

И опять побежали от тысячи к тысяче токи.

И опять миллионы работников тянутся к
башне.

Снова от края до края земного несутся сталь-
ные каскады работы, и башня, как рупор-гигант,
собирает их в трепетной песне бетона, земли и
металла.

Ни разбить, ни разрушить, никому не отнять
этой кованной башни, где слиты в единую душу
работники мира, где слышится бой и отбой их
движения, где слезы и кровь уж давно претвори-
лись в железо.

О, иди же, гори, поднимайся еще и несись
еще выше, вольнее, смелее!

Пусть будут еще катастрофы...

Впереди еще много могил, еще много паде-
ний.

Пусть же!

Все могилы под башней еще раз тяжелым
бетоном зальются, подземные склепы сплетутся
железом, и на городе смерти подземном ты бес-
страшно несись—

И иди—

И гори,

Пробивай своим шпилем высоты;

Ты, наш дерзостный башенный мир!

ПЛОТНИК.

Старый плотник тук да тук.—
Бел—сосновый рубит сруб,
Рубит сруб.

Из-за леса, из-за гор
На весь мир звучит топор,
Звучит топор.

Тешет доски на помост:
На помосте будет гость,
Будет гость.

Вот взойдет он на помост,
А с помоста на погост,
На погост.

В гробовой его приют
Кол осиновый забьют,
Кол забьют,

Чтоб лежал покойник там,
Не вставал бы по ночам,
По ночам;

Не ходил бы злой упырь
На ночной кровавый пир.
Злой упырь.

Старый плотник тук да тук,—
Выше, выше белый сруб.
Белый сруб.

Вот последний уж венец,—
Миру старому конец.
Вот конец!

СЕРП И МОЛОТ.

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром—Серп и Молот.

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Не даром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщ тайн дроби, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод поспелый золот!
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод.
Тоци для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

АЛЕКСАНДР РОТШТЕЙН.

Современный поэт.

Т Р О Е.

Зеленых полей полюбил он просторы,
Где каждая потом полита пядь;
И труд полюбил он тяжелый, которым
Заставил он землю богатство рождать.
И, страданный свой круг совершая упорно
И золото жатвы провидя вдали,
Бросает на пашню тяжелые зерна
Рабочий земли.

Другому-же любы фабричные шумы
И добрых и смелых товарищей круг,
Над светлою книгой упорные думы.
Упорные взмахи мозолистых рук.
Куя и крутя, управляя и строя,
Послушный призывному крику гудка,
Возводит фундаменты нового строя
Рабочий станка.

А третий пришел от машины, от пашни;
И взял он винтовку, и взял пулемет.
Вчерашний крестьянин, фабричный вчерашний,
Он Власти Советов и страж и оплот.
И если войны затяжелится пламя,
Грозя достижениям рабочей страны, —
Твердынею встанет за алое знамя
Рабочий войны.

САМОБЫТНИК.

ПРОЛЕТАРИЙ.

Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный,—
Вот он—творец мирового труда
И гражданин всей вселенной?..

С этим именем он версты идет...
Ночи несется в вагоне трясушем,
Через моря, океаны плывет
С пламенем в сердце могучем.

Может быть в вечном пути за трудом
Жить на чужбине ему приведется—
Станет родимым скитальческий дом,
Родиной—даль назовется...

В шахтах, заводах чужих городов,
Грезы о детстве растают без цели...
И не увидит во веки он вновь
Места своей колыбели!..

К грозным лишениям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной.
Вот он—создатель земного труда—
И гражданин всей вселенной!..

С. ГОРОДЕЦКИЙ.

ЭНЕРГОН.

Глыбами силы в груди громоздятся
Тяжелей первозданных пород.
Пора им взорваться,
Землю дремучую бросить вперед.
Имя им энергон.
Энергон, энергон!
Он безмятежность громит.
Динамит
С взрывчатым громом своим
Перед ним
Полевого дыханье цветка,
Нежный взлет ветерка.

Энергон весел, как вешнее солнце, и мощен,
Долгим страданьем он взрощен;
Чужд он притворств и коварств,
Прям, как полет электрона.
Карты седых государств,
Как паутину, сдувает с земли.
Из каждого стона
Радость безумья творит.
В море грядущего шлет корабли.
Пристани стройте,
Гавани ройте!
Горит
Весь горизонт парусами свободы.
Рабского неба разрушены своды.

Зарева клочья в рабочих кварталах
К древку прибиты руками усталых.
Энергон пишет на пурпуре буйных знамен
Вечный закон:
Молот и серп,
Куй и коси
Железо возмездья и рожь красоты!
К шару земному прибит голытьбою Руси
Щит мировой бедноты,
Первой советской республики герб:
Молот рабочих, крестьянина серп.
Много еще угнетенных и спящих,
Сити сосет еще соки колоний,
Индия грудью иссохшей поит еще Лондон,
Сыплет алмазы Голконда,
Выю под розмахи плеток свистящих
Синий восток еще клонит.
Сейфы Европы хранят миллиарды.
Готовьте петарды,
Бомбы восторга, свободного разума мины!
В руины
Дом золотой капитала!
Воля рабочих железною стала.
Энергон в каждом трудящемся бьется,
В кружеве радиопроволок рвется
На миллионы зовущих частиц,
Звонко кричащих
В пасти дрожащих столиц:
Ниц! —
В высь возносящих
Молот и серп,
Мира восставшего огненный герб.

ЗАВОД.

I.

Полгода, скованный покоем
И холодом бетонных стен,
Молчал с глубокою тоскою
Над ржавчиной железных тел.

В тумане дней тревожных брошен,
Застыл, подслушивая, как
Октябрь промокшею подошвой
Волочился на площадях.

И дни брели глухой походкой
По настороженной земле.
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь неспеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимой же вьюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы Военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многодумный,
Покорный году, нем и глух...
Все чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук.

II.

И вот, однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвиз, приводы вспенил
Победный бег маховика.

Полгода голодом и мором
Был обессилен, мертв и... вдруг—
Гудят моторы за мотором
Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
Зубами пил и там и тут,
И там и тут под крик и скрежет
В поту, в чаду, куют, куют...

Чугунные дрожат стропилы...
Был с каждым взмахом крепче взмах,
И о победе пели пилы,
И над вагранками меха
Поддакивали впопыхах..

Вновь полон неумным звоном,
Над знойным гулом площадей
И над вздыхающим бетоном
Был улыбающийся день...

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал торжествующий и яркий
Весенним солнцем на земле...

СЕМЕН ОКОВ.

Современный
пролетарский поэт.

БЕЙ МОЛОТОМ.

Бей молотом! Бей молотом! Бей!
Окрашены лица пылающим жаром.
Железное плавим мы в пламени горна.
Работают руки проворно-проворно
И вторит нам тяжело вздыхающий мех:
— Ээ—э—эх... Э—э—эхх..

Ничто не дается рабочему даром:
Удар за ударом.
Удар за ударом.

Бей молотом! Бей молотом! Бей!
Река соберется из капель-то пота...
Прилипла к усталому телу рубаха.
Но мягче железо от каждого взмаха.
От каждого вздоха—спорее работа,
И дышет и охает кожаный мех:
—Э—э—эхх. Э—э—эхх...

Наполнены легкие чадом—угаром.
Все тише, все ниже вздымаются груди...
А надо не мало Коммуне орудий.
А надо не мало штыков-то для всех.
—Э—э—эхх... Э—э—эхх...

Ничто не дается рабочему даром:
Удар за ударом.
Удар за ударом.
Бьем молотом! Бьем молотом! Бьем!

ПОЕЗД.

Шпалы гнутся, шпалы стонут,
Рельсы в светлом поле тонут.
Поезд мчится, мчится, мчится,
Даль струится, серебрится,
Ветер крутит, ветер бьет,
Ветер нижет и поет.

Эй, вы! Эй, ты, близкий—дальний,
Молот чекай в наковальню,
Молот чекай, сердце токай,
Путь веселый, путь широкий—
Вот он, вот он, впереди,
Только весело гляди.

Лесом, лугом, степью, полем...
Мы творим, куем и волим,
Мчимся выше, мчимся ниже,
К цели—ближе, ближе, ближе...
Мчатся годы, мчатся дни,
Ближе станция, огни!

Эй, вы! Эй, вы, мчитесь, мчитесь,
Стройте, стройте и любуйтесь...
Стройте сами, будьте с нами,
Будьте сами мастерами,
Взвейте, вскиньте выше гор
Вашей силы семафор!

Все мы в поезде, в пути мы,
Все мы гайки, рельсы, дымы,
Мы в погоне, мы в вагоне,
В красном шуме, в красном звоне,
В быстрой скачке средь равнин—
Все мы, все мы как один!

НАШ ГЕРБ.

Серп знаменует землю, поле,
Что оросил мужицкий пот,
Золотозыбких нив раздолье,
Палящих солнц нещадный гнет,
Когда с зари и до заката
Гнут спину жницы, пот струя,
И золотая жатва сжата
Сверканьем быстрым лезвия,
Чтоб хлеба жизненная сила
Волной хлестнула в города
И рать рабочих возродила
И для борьбы и для труда.

А молот знаменует громы
Неспящих фабрик, визг станка,
Колеса, рычагов изломы,
Гудков и дымов облака.
Дробящий молот — зов к расплате,
Чтоб капитал был стерт с земли,
Чтоб мощные рабочих рати
Пожаром ветхий мир зажгли;
Чтоб на развалинах дымящих
Неправды, нищеты и зла
Иная жизнь звездой блестящей,
Цветком багряным расцвела.

Пусть будет день грядущий золот,
Победа будет пусть в борьбе!
Пусть серп остер, пусть тяжек молот
В Советском Трудовом Гербе!

IX

1-ое МАЯ

—Р.К.П.—

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В. МОРРИС.
Английский поэт.
(1834—1896)

ДЕНЬ 1 МАЯ 1891 г.

В наряд одевшись лучший свой,
Земля сладка, ясна:
По ней зеленою тропой
Теперь бредет весна.

Собравшись здесь, прославим мы
Обильный юный год.
За все, что нам он до зимы
Завоевать дает.

Не будет больше вечеров
Без радостных вестей
О том, что стала цепь рабов
И тоньше и слабей.

Счастливых упований зов
Из края в край летит,
Теперь призывных голосов
Ничто не заглушит.

Хотя, быть может, иногда
Они звучат тоской
О том, что прошлые года
Все полны муки злой...

....Споем же гимн веселый свой:
Земля сладка, ясна:
По ней зеленою тропой
Теперь бредет весна.

Перев. С. Заяицкий.

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ.

Вот он—спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме несметных стальных машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали,—явится в звездных ризах,
В ореоле божественной тайны,
А он пришел к нам в дымах сизых,
С фабрик, заводов, окраин.

Думали—явится в блеске и славе,
Кроткий, благостно-нежный,
А он подобно огненной лаве,
Пришел многоликий мятежный.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Стальной, непреклонно-стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвонит его властный крик,
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг.
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет,—оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,

К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый—символ борьбы,
Угнетенных маяк спасительный,
С ним победим мы иго судьбы,
Рай завоюем пленительный.

И. ФИЛИПЧЕНКО.

ПРИВЕТ ВАМ.

Привет вам —
Товарищам, за руки взявшим друг друга,
От фабрики, шахты, завода, от кузницы, плуга —
привет!

За то, что ваш шаг так решителен, грозен
И точен, как топот железного танца.
Без броней, без лат,
Без мечей и даже без ранца
Идете вы в мир, друг другу учитель и брат.
Раздать рукоделье незанятым пальцам,
Пустым наковальням упорные плиты железа,
Дать молотам ковких металлов куски.
Пусть женщины твердой рукою новую жизнь
Начертят на белых полотнах великого века;
Мужчины, взяв сталь, взяв железа живую первину
Взяв золото, взяв серебро, бытию человека
На звонкой стальной наковальне
Грядущее выкуют счастье.

Да здравствует нашего завтра великий союз!
Да здравствуют толпы замасленных блуз!
Да здравствуют сестры мои и любезные братья!
Все вместе вы миру живое об'ятье.

* * *

Мы сошлись в лесу густом
Встретить майский праздник света,
Повторить слова обета
В нашем сердце молодом —
Мы, не знавшие просвета
В жизни, полной лишь трудом!
Средь деревьев по кустам
Пробежал невнятный шорох.
Тихий свет горел во взорах,
Шопот реял здесь и там.
Каждый миг был странно дорог,
Был немой угрозой нам!
День спокойно догорел,
Свет неясный, свет вечерний
Становился все неверней.
Кто-то, где-то песню пел.
Где-то глуше, равномерней
Город скованный шумел!
Мы замолкли. Кто-то встал,
Поднял руки перед нами.
Кто-то бледными словами
Нам о празднике сказал.
Нерассказанными снами
Сумрак душу нам об'ял.
В пряном воздухе весны
Было сыро, было душно.

Ночь глядела равнодушно
С недоступной вышины.
„В город жадный и бездушный
Там зажгутся наши сны.
Там блеснет для нас просвет,
Там, знамена поднимая,
Благодарно вспоминая
Тех, кого уж с нами нет—
Встретим светлый праздник мая,
Праздник воли и побед“!

В ЛЕСУ.

Шумит над нами полог хвойный,
Как сотни радостных знамен,
А воздух ласковый и знойный
Смолой душистой напоен.

Сюда-ж, друзья, под свод чудесный
Войдем толпой в сырую тень:
Потом не раз в коморке тесной
Мы вспомним ярко этот день.

Пусть нашей жизни гул обычный
На миг заглушит вольный бор,
Стопой входите-ж непривычной
На мшистый бархатный ковер.

Садитесь вольно в круговую;
Зеленый бор, сильнее шуми
И нашу песню хоровую
Раздольным эхом прогреми.

Пусть город в сумраке угрюмом
Полубольной внимает нам:
Что мы придем с заветным шумом
К унылым горнам и станкам;
Что мы в мечтах о лучшей доле
На миг забыли плен машин,
И дружно песнь поем о воле
Под шум рокочущих вершин.

СДВИГ.

Это мы, это мы вскинем
Сегодня Грядущему мост!...
Солнце в бездонности синей—
Наш пылающий мозг...

К нам, станкам, аппаратам!
Партия мозолистых рук,
Слышишь: верным братом
Отзывается Запад и Юг...

Там, где под бег олений
Северные огни цветут,
О коммуне, о Марксе, о Ленине
Заговорил якут...

И китаец к плечам Урала
Взором раскосым приник:
Интернационала
Поступь завидел старик...

В Америке, Англии, Франции,
В Мире звучит о Труде
Аппаратами радио-станций
Марсельеза наших сердец!..

„Сдвиг просветленный славя“,
Старое рушь и жги!
Все низвергающей лавой—
В мире наши шаги.

КУМАЧ.

Красные зори,
Красный восход.
Красные реки
У красных ворот,
И красный на площади Красной
Народ.

У нас пирогами
Изба красна.
У нас над лугами
Горит весна.

И красный кумач
На клиньях рубах,
И сходим с ума
О красных губах.

И в красном лесу
Бродит красный зверь,
И в эту красу
Прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
Согнали в ряды,
Мы красные в небо
Врубили следы.

За дулами дуло,
За рядом ряд
И полымем сдуло
Царей и царят.

Не прежнюю спесью
Наш разум строг,
Но новые песни
Все с красных строк.

Глядишь дозируя
Веков Калита:
Вся площадь до края
Огнем налита!

Краснейте же, зори,
Закат и восход,
Краснейте же, души
У красных ворот,
Красуйся над миром,
Мой красный народ!

ПЕРВОЕ МАЯ.

...Громком весны, звонком трамвая,
Стальным фабричным соловьем,
Рукой и словом—имя мая
Над всеми странами взовьем.

По лесам расплываются смолы
По заводам алеет чугун,
Когда пышущий жар комсомола
Родит весны на каждом шагу.

Брызнув искрами гроз из России,
Рокоча электричеством туч,
Мы тревогой весь мир заразили,
Мы везде разметали мечту.

Молодежь Германии, стройся,
В арьергард оставь стариков,
Барабанами молотобойцев
Открывай в мир май широко!

Не у Франции-ль в мелочных спорах
Молодые умолкли сердца?!...
Карманьолу в кварталы! И—в порох
Разлетится обрюзглый Версаль!

Негру солнце парижское светит,
Он в Америке—только лакей,
Но не будет различия в свете
С этой песней, что сложит Мак-Кей.

И когда-нибудь будет привинчен
Штык зуава семнадцати лет,

Чтоб судом чернокожего Линча
Распороть золотой эполет.

И сжимая хлысты, англичане
Будут прыгать с балконов резных
Пред грозой разреженных молчаний
Наступившей Индийской весны.

Оцепляйте воздушной гирляндой—
Стиснуть Африку шпорами бомб,—
Но из Конго, Суданов, Ирландий
Нам навстречу взвоятся столбом.

Дух седых государств захолонет
От сквозных засвистевших ветров;
Это—сжатое горло колоний
Перехватит весеннюю дрожь,

Это с мира слетевшая маска
Вдруг откроет его, и она
Не задушит нигде—
Первомайский Интернационал!

МАКС БАРТЕЛЬ.
«Современный пролетарский
поэт Германии».

ЗНАМЕНА.

Полощется по ветру английский флаг,
Флаг плещет в порабощенных краях.
Индия стонет под ним, как в тюрьме,
Египет волнуется в том-же ярме,
Родезцы и негры на Доброй Надежде,—
Где рабство, там жди англичан всех прежде!
На бирже фунты на хорошем счету
От'евшиеся на крови и поту.

Бомбей, Гонконг, Капштадт и Гулль—
Везде водрузил свой флаг Джон Булль.
Джон Булль моралью и кровью горд.
Курс буллева фунта на бирже тверд.

Полощется по ветру красный флаг,
Флаг по ветру плещет в рабочих краях.
Победен в России его полет,
Он первого мая Европе оплот,
В восстаниях рабов всегда впереди,
Мятежниками он выбран в вожди.
Сукно извивается в страшном огне:
Гнев, ненависть и месть в сукне.
Рыча, рвут рабы на себе оковы
И были-б землю грызть готовы—
Миллионы народов—мятеж во плоти,
Миллионы народов пылают в пути!

Но палачам на Даунинг Стрит
Противен флаг, что так пылко парит,

Российский флаг, всемирный флаг,
Соединивший всех бедняг.
В нем пышет братская их связь,
Холодным палачам грозясь.
Долой его! Российский зной
Родит пожары стороной.
Блокаду псам! Пусть дохнут, тая
От стужи и неурожая.
Оцепим их, владея морем,
И плетью до смерти запорем!
Флаг угнетенных на флагшток
Подняли запад и восток.
Пусть Англия и Франция даже
Кичатся толщиной блиндажей,
Да ополчись войной весь свет,
Лишь красный флаг есть флаг побед!
Вставай, миллионы, флаг воздет!
Вставай, отчизн отдельных нет.
Монголы, негры—и для вас,
Германцы в рабстве, пробил час:
Горящего восстанья своды
Падут на палачей свободы!

ПЕРВОЕ МАЯ.

Как могуч и как чудесен
Наш бунтующий разлив!
Вспышки гроз, весенних песен
В сердцах рабочих проросли.

В каждом взоре сколько молний
Над грозной армией труда.
Толпы синеглазых волн
Прибоем хлещут в города.

Гудим певучим океаном,
Покинув фабрику корпуса.
Над вольным пролетарским станом
Знамен надулись паруса.

Железный, мощный, всемогущий,
Каких морей девятый вал?
Как пыль песков волной поющей
Смываешь желтый капитал.

Единством спаянный, безбрежный,
Бушующий ураган,
Гуди и бей прилив мятежный
О биржи зарубежных стран

Единый фронт, порыв единый,
Единая горит заря.
Солнце кованые льдины
Ломает в северных морях.

В день мая солнечно-чудесен
Всемирный боевой размах.
Как много музыки и песен
Журчит в разлившихся волнах!

ПЕРВОМАЙ.

Пусть ветры лихо гонятся к заставе,
Пусть в грозах тучи виснут на лучах!..
Нет, все равно меня вам не заставить
О радости и солнце замолчать!

Сегодня праздник, но какой там отдых:
Чуть набежит цветистый сон —
Меня под звоны сочного восхода
Неугомонный будит телефон.

Тут—вспышка глаз под радужные звоны
И зацветет лучистый взгляд:
— „Да... Цекамол... У телефона!..
Я слушаю... Откуда говорят?“

Такая рань! Ко мне в просветы ставень
Еще не грохотал трамвай...
„Да, слушаю!.. Инструкции? К заставе
С зарей примчался май?“

Так, что ж? „Живей мобилизуйте солнце,
Скажите, что готовим карнавал.
Разбуженные солнцем комсомольцы
Сейчас придут навстречу, на вокзал!
Земля встает! Займитесь небесами!
Цветы по проволокам разнесет трамвай.
И фабриками, и лесами
Сердечно будет встречен май!“

Весенний плен. Какой могучий омут!
В груди струится теплый перезвон...

И долго, по-деловому
Отговаривается телефон.

Пусть ветры лихо гонятся к заставе,
Пусть в грозах тучи виснут на лучах!..
Нет, все равно меня вам не заставить
О радости и солнце замолчать!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ФАБЗАЯЦ МАЙ.

Тридцатое....а завтра Первомай...
Украшен клуб, готова стенгазета.
Так значит просто и спокойно засыпай,
А утром радостным знаменами встречай
И первый Май
И возвращенье лета.
Пойти? Но я сижу и не иду домой.
Гляжу я на ребят и хохочу беззвучно.
Для них ведь звук пустой словцо „городовой“!
Ну, как его поймет вот этот фабзавучник?
Им первомай — лафа. Шагай себе, гуляй!
Ну разве быть могло когда-нибудь иначе?
Им не услышать крик: „В нагайки“! и „Стреляй“!
Ведь даже слово „царь“ им очень мало значит.
Не значит?—и пускай. Об этом не жалеть.
Ой, как кричит на всех фабзаяц непоседа!
(Не оттого, что ждет нас завтра чья-то плеть,
А оттого, что „ять“ всадил маляр в „победу“)
И ведь кричит-то как! Хоть уши зажимай.
Пожалуй перебьет любые перепонки...
Здорово, Первый Май! Не ты ли, Первомай,
Фабзайцем подаешь свой голос громозвонкий?
Шагай себе, гуляй,—но ты не забывай
Всех тех, кто шел насмерть, зубами в жизнь вонзаясь
Расчистить ниву дай,
Чтоб вырос Май—фабзаяц
И чтоб фабзаяц наш
В заводе вырос
В Май.

* * *

Силится солнце мая
На небо крепче приналець,
В высь вздымая
Огонь разгоряченных плеч.
Уперлось сияньем,
Синюю отекло,
Полыханьем
Запыхалось, запыхалось тяжело.
Ах, без вас, и без вас устанет!..
Каньте, облака, прочь!..
Так тянет, тянет
Солнцу помочь!
Кровь бьет волнами в темя,
Знойными звонами звенит.
Вздвинуть бы бремя
В зенит.
Словно тоже нагруженный,—
Солнце!.. Я в огне!
Не твой ли отпрыск разгоряченный—
Кровь, взволнованная во мне..
Блещут плечи под бременем синим.
Солнце! Солнце! Крепись!..
Вздвинем!.. Вздвинем!..
Я подымаюсь, подымаюсь в синюю высь...

ПЕРВОМАЙ.

Здравствуй, кудрявый май!
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой,
Юность мятежная, пой!

Солнце, цветами вей,
Колос Коммуны, зрей,
Зрей наших дум посев, —
Честный рабочий гнев!

Был беспощаден враг,
Бился в овраге флаг,
Песен не смели петь,
Свистом врезалась плеть

Шествуй, свободный май!
Крепни, рабочий край,
В небе, пропеллер, пой,
Пой толп прибой!

Радио, радость вей!
Знамя родное, рдей,
В сердце рабочих стран
Бей, борьбы барабан!

Здравствуй, зеленый май!
Землю весной венчай,
Радость венчай борьбой,
Юность мятежная, пой!

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА.

Пророк грядущих радостных веков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:
Восстаньте, угнетенные всех стран!

Чудовищу, чье имя—капитал,
Ты, мудрый, дал испытать смертельный яд.
И старый мир от боли застонал,
Предчувствием мучительным об'ят.

Как молнии сверкающей излом,
Как солнце, побеждающее мрак,
В учении пленительном твоём
Открылся нам спасительный маяк.

Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись—
Навстречу им, как зарево зарниц,
Костры восстаний к небу поднялись.

Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой-ли реял дух?
Париж... Коммуна... Красный Петроград
Еще не раз взволнуют братский слух...

Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир великий, властный зов:
Восстаньте, пролетарии всех стран!

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Мы идем
Революционной лавой,
Над рядами
Флаг пожаров ал.
Наш вождь
миллионоглавый—
Третий Интернационал.
В стены столетий
воль вал.
Бьет третий
Интернационал.

Мы идем.
Рядов разливу нет истока,
Волнам красных армий нету устья,
Пояс красных армий
к западу,
с востока,
опоясав землю,
полюсами пустим.
Нации—сети.
Мир мал.
Ширься, Третий
Интернационал.

Мы идем.
Рабочий мира, слушай!
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.

За Европой
Океанами пройдем, что сушей,
Красный флаг
на крышах Нью-Йорских зданий.
В новом свете
и старом ал
встанет Третий
Интернационал.

Мы идем.
Вставайте цветнокожие колоний,
Белые рабы империй—
встаньте!
Бой решит
рабочим властвовать у мира в лоне
или войнами звереть антанте.
Те или эти?
Мир мал!
К оружию,
Третий
Интернационал!

Мы идем
миры разделить раем.
Свалят нас —
за нами
миллион других.
Будет герб вселенной—
Серп,
огнем играя,
перекрещен с молотом радугой дуги.
Выше лейте
песни вал,
Да здравствует
третий
Интернационал!

ЛЕНИНМАЙ.

Не комсомольцу маяться,
Не фабзавучу скорбеть!
Былью зарос Май отца:
Голод...

тюрьма...

плеть...

Не по дороге хоженной:
Камни и нам суждены.
Только не будет острожным
Май

рабочей

весны!

Вольным полям и улицам
Май—клятвой звена.
Неумирающим пульсом
ЛЕ—НИ—НА!

Склоним-ли головы вяло?
Пламя-ли скомкаем глаз?
Солнцем в ладони корявой —
Знамя

наций

и рас!

Знаем: мгла — воем,
Мглой не один смят...
На изготовку строим—

Армия

комсомолят!

Рей от полюса к полюсу

Май—клятвой звена,

Неумирающим пульсом

ЛЕ — НИ — НА!

МОЛОТОБОЕЦ.

Солнце—в синь
Сигнальной ракетой!
Молотобоец!
В строй!...
Бурей лохматой шагаем по свету.
Вихри за нами —
Слепой ордой.

Были весны—
Как эти камни.
Были весны—
Вдовьи глаза.
Выли ветры
В забытые ставни;
Грызла ржавчина
Те корпуса.

Никли
Юрты, лачуги, халупы.
В каждой—
Мать,
Муть,
Печаль:
Тесно полям от разбухших трупов,
Скучно ручьям по костям журчать.

Не из синих-ли глаз
Прорастают травы?

Не кудрями ли русыми
Кудреват ковыль?..

Было:

В тифозном бреду

Заставы

Жутким маршем

шли

в мостовых.

Пулеметным хрипом

Окопы вражьи,

Матом гортанным

Вокзалы глуша,—

Мерзли голодные весны на страже,

Бился в дорогах лохмотьями шаг.

В клочья — ночи.

Дни — толпою:

Выжжено...

стоптано...

погребено...

...Крепче же поступь,

Молотобоец.

В слякоть

с весной иной

заодно!

Это—

Не даром!—

Нас научили

Вковывать в сталь

Сердце и слова.

Маем и маршем

Наших усилий.

Сталью крылатой

Звонит синева.

Ночи, копоть и боль—
В клочья!
Молотобоец!
Чекань шаг!
Солнце—
Сигнальной ракетой
 в площади!
Солнце сегодня—
В наших руках!

НА ПЕРВОЕ МАЯ.

На лугу первомайская птица
С золотыми крылами во мгле,
Точит клюв, чтобы с тучей сразиться
И запеть на весенней земле.

В красном клюве не высохли песни,
Будет в песнях качаться засеv.
Знаю: по небу стяги развесит
Красным лесом наш огненный гнев.

Гордо армии красной знамена
Развернулись в решительный бой.
Бей, да крепче, земные поклоны
Воле-матушке – ворог лихой!—

Красной птице, хватающей клювом
На лету голубые поля.
Красным, красным очерчена кругом,
От планет вознесенных, земля.

С каждым днем веселей и бесстрашней
Смотрим мы на предверие в рай.
Вывози наши избы и пашни
Из болотин, торжественный май!

Трельте в рощах березовых, птахи,
Пой в степи, чернозем и руда...
Ярче солнца в солдатской папахе
Светит красная миру звезда!

Г. САННИКОВ.

Современный
пролетарский поэт.

ПЕРВОМАЙСКИЙ САЛЮТ.

Колонны, колонны, колонны...
Улиц придавленная поступь.
Радуга толп.
В площадях бьется градом
Топота бетонный пешеходный бой...
О, майский день,
О, праздник трудовой,
Какая огневая россыпь
Твоих знамен,
Коллеблющихся над землей!

Колонны, колонны, колонны...
Красный май
Штыками вонзай
В пространство сигналы.
Фейерверк песен вскидывай
К голубятне голубой.
Пусть земли голова
Содрогается в грохоте,
Пусть железные города
От раскатов тяжелых охают...
Мы идем из гранитных груд
Толпы рабочего люда.
Сегодня векам оставляем следы,
Мы,
Салютом громовым
Славим одухотворенный труд,
Солнце,

Стройся в колонны!
Будем дружно руками закаленными
На земле мир ковать—
Звонкой радости золото.
Солнце, Солнце,
Точи лучи!
Мы с тобою, как гимн рабочий,
Молоды!

М А Й.

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
— Лука!—будил его хозяин:—а Лука?
Ты что ж? Всерьез? Аль так валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не поглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку!
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
Ма-ев-ка! Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе то купил тебе поддевку?
За что?... Эх, брат Лука..
Эй, милый, не дури... Одумайся... пока..
Добром прошу... Потом уже не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!..
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил. Побагровел. Глаза горят, как свечи.
— Хозяин!—вымолвил: запомни... этот ..май!..
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: Слышь? Лучше не замай!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

ГОСПОДСКАЯ ТЕНЬ.

На Красной площади наместни три туза:
Помещик — без земли, заводчик без завода,
И хищник банковский, сидящий без дохода,
Час битый пялили глаза

На торжество рабочего народа.

Им в первомайский день с утра
Спокойно дома не сиделось:
Глазком прикинуть захотелось,
Измерить силу рати той,
Что их теснит своей железною пятой.
Налюбовавшись, пошли домой все трое.

— Ну как?

— Да так..: Тоска!

— Казенный юбилей!

День этот проходил куда как веселей

При прежнем строе.

Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.

Как живописен был разгон

Всей этой сволочи... собирающейся в шайки,

Когда ее жандармский эскадрон,

Возьмет, бывало всю, в нагайки.

Р-раз! Шляпа на боку! — Два! Лопнуло пальто!

Три! Шайки всей как не бывало!

В участок волокут толпу. А нынче — что?!

Ушла поэзия. И красок ярких мало!

Не трудно угадать, как первомайский день

Расписан был потом в газетах буржуазных.

Буржуи с нами вкусов разных:

Там, где нам солнышко, для них сплошная тень.

X
СМЕНА

У. УИТМЕН.

НЕ СКОРБНЫМ, БЕССИЛЬНЫМ...

Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам,
Усталым от долгих потерь,
Хочу я отважным и юным сердцам
Пропеть свою песню теперь!

Пусть мертвые мертвым приносят любовь
И плачут у старых могил!
Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

Священную память погибших в бою
Без слез мы умеем хранить,
Мы жаждем всю силу, всю душу свою
На тот же алтарь возложить!

Кто выронил молот и острый резец?
Мы рвемся работать взамен
И строить великий народный дворец
Из камня разобранных стен.

Чьи мутные взоры поникли к земле?
Пытливо глядим мы вперед,
Упрямо стремимся увидеть во мгле
Зари отдаленной восход.

Несись, моя песня, как радостный клик,
За дальний, безвестный предел!
Да здравствует юность, кипучий родник
Великих стремлений и дел!

Несись моя песня! Взлети до небес,
Как сокол, свободный от пут!

Да здравствует гений всемирных чудес,
Могучий и творческий труд!

Несись, моя песня, опять и опять!
Греми над землей, как труба!
Да здравствует жизни всемогущая мать,
Владычица мира - борьба!

От края до края родимой страны
Друг другу несем мы привет...
Мы - ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами вослед.

Пусть скована стужей немая земля
И каждый шумливый поток,
И умерли листья, и снег на поля
Серебрянным саваном лег.

Уже прокатился громовой удар
С неведомых горных высот,
И дрогнула сила безжизненных чар,
Тяжелый колеблется гнет.

И ветер пред утром повеял теплей;
Во мраке на каждом шагу
Незримые струйки оживших ключей
Уж роются тайно в снегу.

Да скроется сумрак, да здравствует свет!
Мы - вестники новых времен!
Весна молодая идет нам вослед
Под сенью несчетных знамен!

ПРИЗЫВ.

Растет мятежный гул и мечется в просторе..
Кровавым заревом пылает небосвод.
В пугливой мгле ночной огня бушует море,
На дымных улицах движение растет.

Растет призывный гул... Воспрянь душой, товарищ!
На жизненном пиру трусливым места нет.
Кто хочет жить—проснись, спеши в хаос пожарищ:
Там с треском рушатся твердины прошлых лет.

Там гибнут алтари, всевластье гибнет злое,
И вековой обман и вековой позор.
Но в вихре огневом—там гибнет и младое—
Враждебных двух начал кипит кровавый спор.

На помощь молодым! В хаосе истребленья
Творцов Грядущего мы отстоять должны,
На помощь молодым. В них счастье поколенья,
В них наши—мысль и жизнь, и радужные сны.

В них воля гордая, крылатые стремленья
И юных сил порыв в единое слились!..
Растет победный гул... В нем прошлому отмщенье
И к Новому Призыв. Кто слышит—отзовись!

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ.

Современный поэт.

МОЛОДЕЖИ.

Сегодня московским улицам
Стало звончей стекла.
Видели:—песен пульсом
Революции кровь протекла.

К стенке панель отплющив,
Мимо церковных моргалок,
Топали толпы поющих
Алых и старых и малых.

На очередном смотрю
Это—шагает труд.
Это в железных когтях
Землю несет Октябрь.

Было—ревели ядра,
Армий щетинился еж,
Был до созвездий задран
Крик ножевой:—„даешь“...

Это - подвалы выли,
Это - нутро предместий
В красном екало мыле
Злобы, яри и мести.

Лезет в шинельку слякоть,
Мерзнет в драных локтях.
Тысячи в слякоть слягут,
Миллионы шагнут за Октябрь.

Слушайте—чваки подошв
Всех поцелуев слаще.

Эка звенит молодежь—
Песен гульбинный смазчик.

Эй ты, копченый шагаль,
Звякай людским ожерельем!
Глянь-ка, октябрьская мгла
Выстрелила апрелем.

Чешут подошвы гранит.
Фронт работеев надежен.
В воздухе песней звенит
Зоркий резерв молодежи.

Двинулись даль сверля,
Младшие в помощь старшим...
Слушай, двуногая тля,
Грохот октябрьского марша!

Лезь, человечья слизь
В сытные, теплые дыры!
Эй, молодежь, вались
На Красную Площадь Мира!

Это на пятом смотрю
Упрямо шагает труд!
Это в железных когтях
Землю несет Октябрь!

ЮНОЙ ГВАРДИИ.

Время темное, глухое...

И забитость, и нужда...

Ой, ты времячко лихое,

Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,

Не случилось спину гнуть?

К честным людям, к умной книжке

Сам протапывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочки?

Друг навстречу или гад?

Сиротливый одиночка,

Брел я слепо на угад.

Вправо шел по бездорожью,

Влево брал наискосок,—

И дрожал пугливой дрожью

Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи

В дядьки я уже гожусь.

На ребяческие рожи

Все гляжу не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем

В светлых залах новых школ,

Иль пройдет военным строем

Предо мною комсомол,

Я, состарившись наружно,

Юным вновь горю огнем:

—Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут-ли в нем?
Враг стоит пред грозной карой,
Мы—пред заревом побед!
Юной гвардии от старой
Героический привет!

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.

2-е СЕНТЯБРЯ.

Над поселком дымным, над столицей,
Над толпой кудлатых деревень
Свежестью расписанного ситца
Запылал обрадованный день!

Ветер песни площадями носит.
Дождь голов и улица тесна!
В небесах—тоскующая осень,
На земле—бурливая весна!

К западу склонившимся укором,
Зовом расплескавшись на лету,
Либкнехта ужаленные взоры
Солнцем над трибунами цветут.

Этих глаз негаснущая вера
И сердец неугомонный бой
Под крылом кумачным Коминтерна—
Зарево свободы мировой!

И пока на неба край покатый
Вечер темнорусый не пришел,
Разливайтесь песни и плакаты:
—„Расцветай, Всемирный Комсомол“!...

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

КОМСОМОЛЬСКИЙ МАРШ.

Марш!
К ноге нога.
 Плечо к плечу.
Марш!
Комсомолец,—
Тверже шагай—
Марш греми наш!
Пусть их скулят!
Ширь—марш юных.
Мы уже, наверно, войдем
В самый полдень коммуны.
Нам—
Двадцать лет.
Весь день впереди.
Нам
Стен нет!
Лезь!
 Шагай!
Гляди!
Со старым не кончен спор
Горят глаз репы.
 Мускулы шлифуй, спорт,
Тело к борьбе скрепи!
Кто в море,
 Эй!
С мачт,
С птичьего полета,
Зорче
 Гляди с кораблей,
Шеф нашего флота.

Кто?
Перед чем сник?
Мысли удар дай!
Врежься в толщу книг!
Нам
 Нет тайн.
Море букв,
 числ,—
Плавай
 Рыбой в воде.
День—труд,
 учись.
Гонцы ремесл и дел.
После дел всех
Шаг прогулкой грохотьте,
Так заливай смех,
Чтоб камня лопались в хохоте.
Может, конец отцу
Готовит лапа годов,
Готов в замену бойцу!
Готов?
 Всегда готов!
Что глядишь вниз,
Пузо свернул в кольцо?
Грудь колесом
 Становись
Рядом
 В ряды комсомольцев!
Марш!
 К ноге нога.
Плечо к плечу.
 Марш!...
Комсомолец—
 Тверже шагай.
Марш греми наш!

С. ТРЕТЬЯКОВ.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

Железными резервами
Мы выросли везде.
Клянемся, будем первыми
В строю, в бою, в труде.

Врагов труда валить в раззол
Вставай Всемирный Комсомол!

Мы—Молодая Гвардия—
Непобедимый стан.
Мы—Молодая Гвардия
Рабочих и Крестьян.

Мы знаем цену пота,
Неволи и пинка:
Мы выросли, работая
У плуга и станка.

Мы—Молодая Гвардия и т. д.

Над каждою трущобою
Наш вольный зов звенит—
Упорною учебною
Грызём наук гранит.

Мы—Молодая Гвардия и т. д.

Не нам бояться боя,
Винтовка нам родня.
Ведём мы за собою
Всемирный молодняк.

Мы—Молодая Гвардия—
Непобедимый стан.
Мы—Молодая Гвардия
Рабочих и крестьян.

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ.

Современная поэтесса.

ПИОНЕРЫ.

Сосны, холмы, озера, ели,
Ели, пески, озера, камни...
Круто ветка одноколейки
Здесь поворачивает на север.

Если пойдешь по одноколейке
Прямо к озеру Питкивейстсу,
Увидишь столбик с доской и надпись:
„К лагерю юных пионеров“.

Вверх подымаясь по песчаной дюне,
Там, где сколочены в ней ступени,
Прямо к тропинке под лапчатой елью,
Тут ты увидишь самый лагерь
И караульщика на карауле.

Красное знамя на главной палатке,
В лагере все в порядке отменном.
Но не подумай пробраться ближе—
Грозно блеснет на тебя караульщик
Синими ясными глазами.

А караульщику лет двенадцать,
Ноги босые и сам без шапки.
Зорко стоит он на подступах в лагерь,
Крепко сжимая в руках дубинку.
Первое правило—дисциплина.

Солнце лениво смотрит с неба,
Лагерь как будто пуст и безлюден,
Но не подумай войти туда силой.

Свистнет пронзительно караульщик,
Эхо из леса ему ответит,
Топотом ног отзовется поляна,
Миг—и появится подкрепление.

Лица пылают от жаркого бега,
Но не по детски глаза серьезны.
Все как один. На борьбу! На защиту!

Я узнаю вас, города дети.
Дети заводов, улицы дети,
Дети годов и прекрасных и страшных,
Вы—Революции плод и семя.

Так в девятнадцатом зимнею ночью
Вдруг загудели гудки заводов,
Так ваши старшие братья встали
Ночью на подступы к Петрограду.
Так защищали добытый город,
Так научились войне и славе.

С. ТРЕТЬЯКОВ.

Р. К. С. М.

От отцов узнали—
„Не взорвав—не пройдешь“,
За нами, за нами
Всеи земли молодежь!

Отцам гвянем:
Держитесь—идем
Старье таранить
Октябрьским путем.

Одинаковы речи
Станка и деревни.
Все — октябrevичи,
Все октябrevны.

Комсомол—береги
Государство рабочих.
Эй, враги.
Руки прочь!
Нас не тронь!

Сердца динамит. Слышишь, бурлят они.
Четок приказ по советской орлятне.
Всем! Всем! Всем! Всем!
Ряды крепче смыкай, Молодежь!
Р. К. С. М.

МОЛОДЕЖИ.

Бурями смятый, измолотый
Молотом тяжких лет,
Тебя окликаю, молодость,
Тебе, молодежь, привет!

Буен, размашисто-звонок
Дней раскованных бег,
Мир распахнул спросонок
Радугу—путь для всех.

В прошлом плелись закоулками:
Там, что ни шаг, овраг.
Звонами мерными, гулками
Ваш раздается шаг.

Прошлое на-смерть заколото.
Новому сказано: быть
Солнечно, весело, молодо!
Дряхлое все в гробы!

Юношам—пенные, полные
Чаши кипящих дней,
Девушкам—алые молнии
В шелк шаловливых кудрей.

Смейтесь весенним гомоном,
Плавайте последний лед,—
Все, что томило, сломано!
Молодость, выше взлет!

Книгою, циркулем, молотом
Бей лихолетья гнет!
Тебе эта песня, молодость,
Молодость, выше взлет!

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.
Современный поэт.

МОЛОДЕЖИ.

Вы, чей шаг отчеканен и гибок,
Чьи глаза—на полях васильки,
После всех неудач и ошибок
Не записывайтесь в старики...

День иной упадет, как камень,
И душа—с перебитым крылом..
Ничего, только руки с руками
Завязать надо крепким узлом..

Только помнить ежеминутно:
Нет ни жалоб теперь, ни тоски,
Что за далью угрюмой и мутной
Светят солнечные маяки..

Груз тяжел, но и силы же много;
Пусть всемирная темь глубока,
Но за то будет эта дорога
Отражать вашу поступь века.

Больше песен и больше улыбок!
Пусть шуршат о песок каблуки:
После всех неудач и ошибок
Не записывайтесь в старики!...

Д. ТУМАННЫЙ.
Современный поэт

МОЛОДЕЖИ ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ.

В заводских корпусах, в чаду фабричной гари,
На улицах, в полях, в извивах черных шахт,
У людных пристаней, у топок кочегарен,
С дрожаньем мускулов и с копотью в ушах—
Подростки, схожие и в речи и в одеже,
Которых труд связал сильней крепчайших смол:
Из вас растет союз рабочей молодежи,
Надежда партии, всемирный комсомол.
Работа в мастерских. Работа на рабфаке.
Работа вечером. Работа поутру.
Так разгорается и блещет красный факел,
Так укрепляется и плещет в мире труд.
И что вам ложь веков в Евангелии и в торе,
Когда везде зажглись сигнальные огни,
Когда под рев станков и гул аудиторий
Для вас сияет свет десятков тысяч книг!...
Врубайтесь же умом в гранитный пласт науки!
Бросайте в мрак веков ваш молодой галдеж!
С платформы этих строк я пожимаю руки
Победным полчищам, чье имя—молодежь.

НАШ ДЕНЬ.

О чем шумит, зачем бушует осень?...
Листва не по-осеннему звенит.
Опять спешат потоки бурных весен
Над осенью зажечь свои огни.
И этот день, который многих краше,
Заставить загореться маяком,
И мир заговорить заставить нашим,
Рабоче-молодежным языком!
По гребням стран они в страну иную
Опять зовут, опять влекут наш день,
Борьбою и победой знаменуя
Живую память неживых вождей!...
Живая память—это мы. И с нами
Переплывут за грань иных времен
Великий Либкнехт... Либкнехт—наше знамя!
Великий Ленин... Ленин—наш закон!
Они—среди нас. Им с нами не расстаться,
Когда спешим, неся с собой зарю—
От сентября волнами демонстраций
В простор боев прорваться к Октябрю!
Так вот о чем разбушевалась осень,
Листвой не по-осеннему звеня...
Ликуй, земля,
Броженьем бурных весен
Наполненного молодостью дня!

С А М И

1.

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком,
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2.

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра.
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.

И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И чего не случилось ни разу—
Мул не кормлен вышел из дому.

3.

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами.
Весь в лохмотьях, от голода тонок
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
— Где ты был, павиан безхвостый?—
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
— Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше;
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше.
— Ты рожден, чтобы быть послушным,
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я—властитель твой, обезьяна.

4.

Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди—Лэнни.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.

Сами из магражского рода,
Но свой род для него уронит,
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить его пони,
И за службу даст ему Лэнни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех Сагибов погубит.

5.

— Где слышал ты все это, несчастный!
Усмехнулся Сами лукаво:
— Там, где белым бывать опасно,
В глубине Амритсарских лавок.
У купцов— весь мир на ладони,
Они знают все мысли судра
И почем в Рохилькенде пони,
И какой этот Лэнни мудрый.
— Уходи,— сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальней
И не вышел даже к обеду.

6.

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому „Лэнни“,
Непонятному, как Йоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,
Даже птице быстрее зарницы.
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега.
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная Сагибов телега.

Так далеко был этот Лэнни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра.
Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком,
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стэком.

ХІ
ЛЕНИН

КРАСНЫЙ КОРМЧИЙ.

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке боевой
Стоит и держит путь свой звездный
Мятежный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные
Под ветром свежим паруса...
Смешались с плеском волн стальные
Команды красной голоса.

Глаза горят у рулевого..
Надвинув серый капюшон,
Колосса он ведет стального
Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская
В мечтах о вольности морей,
Не спит команда боевая
У огненосных батарей.

Фрегат-ли, бриг бежит навстречу,
Пылая жалкою враждой,
Он гибнет сразу в жаркой сече
И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозой,
То в тучах небо, то ясно,
Но неизменною рукою
Все управляется судно.

Уже над водною пустыней
Сверкнув, как выстрел, с корабля,
Прогрохотал в просторе синем
Многоязычный крик—„Земля“!

Завыли зычные сирены,
Как чайки, взмыли вымпела,
Дождавшись светлой перемены
Заря свободная взошла.

И кормчий, светом озаренный,
По успокоенным волнам
Повел стальные легионы
К далеким, чудным берегам.

Л Е Н И Н.

В чьем сердце не биенье—бой!
Чье сердце—красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии—вулканы, скалы, кряжи,—
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже.
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.

И вот грохочет Новый Год—
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрогается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей—Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздывается в мозолистом восстаньи,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыханье.
Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Браммы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.

Вселенная меняется лицом.
Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего Интернационала.
В чьем сердце не биенье—бой!
Чье сердце—красное, живое знамя!
О, буреветник мировой,
Бушующий миллионными руками!

В. МАЯКОВСКИЙ.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Тенью истемня весенний день,
Выклеен правительственный бюллетень.

Нет!

Не надо!

Разве молнии велишь:

не литься!?

Нет!

не оковать язык грозы.

Вечно будет

тысячестраницый

Грохотать

набатный

Ленинский язык.

Разве гром бывает немотою болен?!

Разве сдержишь смерч—

чтоб вихрем не кипел?!

Нет!

не слабеет Ленинская воля

В миллионосильной воле Р. К. П.

Разве жар

такой

термометрами меряется?

Разве пульс

такой

секундами гудит?

Вечно будет Ленинское сердце

Клокотать
у революции в груди.
Нет!
Нет!
Не-е-т!
Не хотим,
не верим в белый бюллетень!
С глаз весенних сгинь, навязчивая тень!

ВОЖДЬ.

Гром гробовой... Зашаталась земля..
Смена! Крепче на рычаг руля!..
Вой одичалой слепой орды,
Смех змеиный и лязг ножа...
Товарищи! Сомкни ряды!
Товарищи! На посту не плошай!
Тревожны и скорбны гудки поутру
Гудки и вьюги баюкали труп.
Траур окраин—глуше железа,
В корчах знамен—сдавленный стон.
Нет! Не могила,—а черная бездна.
И бездна ль вместит эту боль похорон?
Тревожны и скорбны гудки поутру.
Гудки и вьюги баюкали труп.
Радио, простор когтя
Черною чайкою в площадях...
И вдруг—из холодеющих рук Вождя
Миллионы в пылающий стяг.
Не слезы, а сталь—взор
И смерти и миру в упор.
И грозною клятвой загрохотало:
— Нам смерти нет и не будет оков!..
И встал над миром
Ленин кварталов,
Ленин плантаций, полей, рудников..

Имя-ж простое — в список утрат
Под всхлипы могильных лопат.

Тише... Неугасимая память...
Вздыхая курантами Кремля,
Будет веками, будет веками
Сердцем Вождя трепетать Земля.

25/1 1924 г.

СМЕРТЬ ВОЖДЯ.

Был вечер, и сумраком синим
Город густел.
Торопливо
По линиям, как в бесконечность,
Бежали трамваи.
Шли пешеходы,
И по всему городу
Мелко похрустывал снег.
В заводах
Кипела работа быстрая,
Разговаривали станки,
И шум густой приводных ремней
Наполнял корпуса.
Казалось так было всегда,
Так будет и завтра
И много, много годов...
Но вот в семь часов
На башне Кремлевской,
Вздвогнув,
Куранты оборвали звон,
Медным стоном всколыхнув синеву.
Вдруг
Звяканьем захлебнувшись,
Остановились трамваи на миг,
И пробегающий автомобиль
Головой глазастой
Уткнулся, рыдая, в сугроб.
На окраинах громко гудки заревели...

Толпами
Из корпусов фабричных
В ночь
Рабочие молчаливо прошли...
Веял тревогою ветер,
Над городом сумрак густел..
Только красноармеец
На посту у ворот Кремля,
Пугливо
Слышал, будто сквозь сон,
Как провода тоскливо гудели,
Сливаясь в похоронный марш,
И настороженный
Крепче винтовку сжимал..
В этот вечер
Умер рабочий вождь.

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлеснул неудержимым шквалом;
Это весть о том,
Что умер Ленин!..
Весть о том, что
Ленина
Не стало!..

Солнце, стой!
Эх, солнце, сделай милость,
Подожди лучом в снегах звучать:
Ты не знаешь,
Что остановилось
Огненное сердце Ильича?!

Мир, завод, станок мой неустанный!..
Не придет садовник в буйный сад..
Слушай мир:
Рабочего титана
Нынче потеряли корпуса!

Никогда уж больше не прольются
Искры слов, взрастившие пожар,
От горячей домны революций
Отошел
Великий Кочегар!..

И — в полях, где голос в песне звонок,
Где широк лихой, просторный зык,—
Видел я:
Заплакал, как ребенок,
Никогда не плакавший мужик!

Видно, все взметенными годами
Глубоко вросли в октябрьский клич.
Видно, крепкими, стальными проводами
С простолюдьем
Был скреплен Ильич!

Значит, в толпах новых поколений,
Где незыблем Ленинский закал,
Будет жить
Милльонноглавый Ленин!..
Значит, наш Ильич не умирал!..

И зачем под гром землетрясений
И под вплески океанских шквалов
Мчится весть о том, что
Умер Ленин.
Весть о том, что
Ленина
Не стало?!

МЫ ПОМНИМ.

Цехи, конторы, трюмы
Свел один паралич,
Владимир Ленин умер,
Кончился старый Ильич.
Одна тугая гримаса
Свела суровые рты
От угольных дыр Донбасса
До приисков Читы.
Читали, а губы бледнели.
С двух сумасшедших слов
У чуждых людей на панели
Плечи плачем трясло.
Мука ломала колени.
Муку не сбросишь швырком.
Умер Владимир Ленин,
Рабочий предсовнарком.

Боль такая бывает,
Когда умирает сын.
Гудки от края до края
Завыли, как на смерть псы.

Это от моря до моря
Встало плечем к плечу
Одно беспартийное горе
В последний черед к Ильичу.
Идут. Точно взорваны шлюзы,
Где он от утра до утра
Под колоннами Дома Союзов

Принимает последний парад...
Не плакать! Не плакать! Не плакать!
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами шлага
Глаза плавильных печей.

Дрожь — просеки моторы!
Вдвое завойте, станки!
В цехи, поля, конторы,
Рабочие и мужики!
Ни дряби, ни хмури, ни лени!
Льни к рычагу рука!
Ленин!

Мы помним,
Ленин,

Твой боевой приказ!
Вейся знамен пламя!
Туже рабочий нажим!
Ленин

всегда с нами,

Ленин
всегда жив!

БОЕВАЯ—ЛЕНИНСКАЯ.

Труд труби, труд труби.

Труд труби в трубу.

Бей, барабан, бей, барабан,

Бей, барабан, борьбу!

Маршем траурным грохнула жизнь.

Не горюйте! С нами Ленин!

Пролетарий, крепче держись!

Грянем марш живых поколений!

Нам ли встать от боли потерь?

Болью-боль, борьба-борьбою.

Эй, пробивайте в грядущее дверь!

Каждый день берите с бою!

Не забыть об этой борьбе.

Жизнь кругом покрашенный омут.

Волю Ленина куйте в себе,

Волю к малому, волю к большому,

Маршем траурным грохнула жизнь.

Снова мир на голову ниже.

Пролетарий, крепче держись!

Сбей ряды! Друг к другу ближе!

Громче грянем победный клич!

Старый мир разнесем в клочья.

В пролетариях жив Ильич.

Нет предела воле рабочей.

Пролетарии! Все в гурьбе!

Это мы—строители жизни.

Вместе с Лениным к ЭР-КА-ПЕ,

Вместе с Лениным к коммунизму!

Труд труби, труд труби и т. д.

ФЕДОР АМЕЛИН.

Современный
пролетарский поэт.

ДВА ДНЯ.

Один в крови, другой в слезах—
В безмолвии у гроба,
Но одинаково в глазах
Испугом отразились оба.

Забыть нельзя, забыть нет сил
Январский день—и тот и этот—
Как ветер вести разносил
Двух обезглавленных России
В стране родившихся Советов.

Ложились-ли на гроб венки
Иль по рабочим залпы ружий
Все так-же плакали гудки
И снег вился прозрачней кружев.

И также был нетерпелив
Певучий скрип шагов по снегу,
Как бьющийся морской прилив
О скалы звонкие с разбегу.

Слова сочились кровью с уст,
В руках подергивалось знамя;
России старой снежный хруст
В сердцах проклятьем вечным замер..

Но не о том ревел гудок
В морозный день и дик и звонок:
Рыдал, прижав к груди станок,
В слесарной слесарь, как ребенок.

А гроб качался на плечах,
Как алая заря на волнах,
И стынул свет в живых очах,
Тоски невыразимой полных.

Два дня в об'ятыях Января
Как две зари в об'ятыях ночи:
И смерть вождя и штык царя
Тесней сомкнули строй рабочих.

ВЕРА ИНБЕР.
Современная поэтесса.

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ.

И прежде, чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В колонном зале положили
Его на пять ночей и дней.

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И Красный орден на груди.

Текли. А стужа над Москвою
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицы нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали,
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно печален
Луны почетный караул.

РЕКВИЕМ.

Если день смерк,
Если звук смолк,
Всё же бегут вверх
Соки сосновых смол.

С горем на перевес,
Горло бедой сжав,
Фабрик и деревень
Заговори шаг.

— Тяжек и глух гроб,
— Скован и смят смех,
— Низко-ль пригнуть смогло
— Горе к земле всех!

Если умолк один,
— Даже и самый живой,
— Тысячами родин,
— Жизнь, отмсти за него!

С горем на перевес,
Зубы бедой сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг;

Ближе плечом к плечу!
Нашей ли широте,
Пасынкам ли лачуг
Жаться, осиротев?!

Стой, спекулянт-смерть,
Хриплый твой вой—лжив,
Нашего дня не сметь
Трогать: он весь жив!

С горем на перевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг;

— Станем на караул,
— Чтоб не взошли враги
— На самую
— Дорогую
Из наших могил!

Если день смерк,
Если смех смолк,—
Слушайте ход вверх
Жизнью гонимых смол.

С горем на перевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься сплошной шаг!

АНДРЕЙ ИРКУТОВ.

НА СМЕРТЬ ИЛЬИЧА.

Пионеры,
Ленина нет,
Бросьте над миром клич...
Пионеры,
Умер наш дед,
Умер наш дед
Ильич.

Для встречи последней шли,
Тихо было в рядах.
Наши отцы несли
Гроб на своих руках.
Редкий слезы не лил:
Море голов вокруг...
Пионеры!
Для нас он был
Вождь,
Учитель,
Друг.

Болью сжималась грудь,
Скорбь была горяча...
Это последний путь,
Последний путь Ильича...
Пионеры,
Ленина нет!
Бросьте над миром клич!...
Пионеры,
Умер наш дед,
Умер наш дед
Ильич.

Что-же, дальше пойдём—
Смена старых бойцов,
Лозунг—
Помни о нём.
Помни
И будь готов.
Наших отрядов шаг
Будет звучать сильнее,
Выше поднимем стяг,
Дети его детей.

Пионеры,
Ленина нет.
Бросьте над миром клич...
В битву!
Так звал наш дед,
Наш дорогой
Ильич.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ.

Современный поэт.

* *
*

I.

Жестокою стужу костры сторожили.
Но падала температура
На градус в минуту, сползая по жиле
Стеклянной руки Реомюра.

Бульвар, пораженный до центра морозом,
Деревьев артерьями синий,
Уже не бисквитом хрустел, а склерозом,
На известь меняющим иней.

И землю морозом сковав и опутав,
Хирурги хрустальной посуды
Выкачивать начали кровь из сосудов,
Чтоб стужей наполнить сосуды.

И вынули сердце, как слизистый слиток,
И пулю засевшую слепо.
И мозг, где орехом извилины слиты—
Поступков и совести слепок.

II.

Я видел Ходынккой черневшую площадь,
И угол портала—уступом,
И ночь с перекошенным глазом, как лошадь,
В толпу напиравшую крупом.

Кобыла, под мерзлым седлом оседая,
Хрустела и двигала холкой,
И нежно топорщилась морда седая
Ресницами извести колкой.

И вспышками магия, кроя с балконов
Смертельною известью лица,
В агонии красных огней и вагонов
В лице изменялась столица.

III.

Дубовые дровни гремели сугробом,
И люди во тьму уходили,
Они по опилкам прошли перед гробом,
Они об одном говорили.

Один:

Я запомнил знамена у ложа
И черную флейту над пультом.
Я видел, как с глиною борется, лежа,
У гроба измученный скульптор.

Другой:

Как столетие, стала минута,
Проверенной совести проба,
Он был неподвижен, во френче, как будто
Диктующий лозунг из гроба.

И третий:

С мешками у глаз, среди зала
(Седая, и руки сухие)
Жена неподвижно, дежуря стояла
У тела в ногах, как Россия...

ИОГАННЕС БЕХЕР.

Современный немецкий поэт.

Род. в 1891 году.

У МОГИЛЫ ЛЕНИНА.

У гроба твоего, о, Ленин,
Наша память доньше на страже стоит.
И рабочая кровь по жилам течет быстрее,
Рабочая кровь течет быстрее,
При имени твоём, Ленин.
В Европе, Америке, Азии и Африке,
На Севере, Юге, на Востоке, на Западе,
Во всех странах света,
Во всех частях света—

Ленин!

Всюду где есть угнетатели и угнетенные,
Всюду, где безправные есть, униженные, томимые
игом,
Всюду, где люди себя продают, чтоб не знать о
муках голода,
Всюду, где с колыбели идет человек в батраки,
Всюду, где люди должны стрелять в своих братьев...
И где еще?...
Всюду, где рабочие власть у богатых отнять еще
не успели!

Каждый народ посылает солдата к твоей могиле,
о, Ленин,

И из этих солдат вырастут скоро красные полчища!
Рабочие тебя не словами помянут!
Рабочие устали от избытка слов!

Рабочие помянут тебя делом, Ленин!
Вперед, Красный фронт!

Чиста, как кристал, была твоя мысль,
Трезва и строга! Ты был рассудком всего
Рабочего войска:

Друг всех рабочих мира, товарищ Ленин!
Мыслью ты нам путь указал. Ибо
Мысль твоя была словно молот. Вот ныне,
Сжав в кулаках клинки и ружья,
Вслед за тобою идут миллионы.
Одетый в рабочую куртку,
Лежит в гробу Ленин.

Но жив призыв его к нам:

„Вы—народы земли!
Цепи долой! Марш! Вперед!
Германия! Сон прогони свой рабский!
Вперед!
Красный барабан, барабаны!
Красная труба, труби!
Пролетарские взводы, стройся!
Ружья направьте в дворцы фабрикантов!
Атакуйте крепости власти!
Завоюйте землю себе!
Завоюйте машины!
Завоюйте заводы!
Завоюйте отчизну:
Завоюйте весь мир!!!

Твое молчанье, мертвый Ленин,
Не мертвеца молчанье! Твое молчанье—
Приказ! Призыв на смертный бой!
„Рабочие всех, стран, ряды сомкните!
Дружно! Вперед! Марш“!

Перев. с нем. **

ПАРТ-БИЛЕТ.

Весь мир грабастают рабочие ручищи...
Всю землю щупают—в руках чего-то нет.
— Скажи мне, Партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос мощный мне ответил:
— Парт-билет...
Один лишь маленький... а сердце задрожало.
И в сердце дрогнула последняя тропа...
Вчера я только лишь в руках его держала,
Но смерть ударила—и парт-билет упал.
Эй, пролетарии! Во все стучите двери.
Ужели нет его, и смерть уж так права.
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в теле Партии зияющий провал...
Я слушал Партию и боль ее почуял,
Но сталью мускулов наполнилась рука.
— Эй, слышишь, Партия! Тебе, тебе кричу я.
Я—пролетарий, я—рабочий от станка.
Пусть сердце сдавлено и боль неимоверна.
Тебе на помощь я пошлю миллионный вал,
Вал пролетариев, под знаком Коминтерна—
Заполнить в Партии зияющий провал.
И первый—я иду. Я—из страны Советов.
Ты слышишь, Партия: даю тебе ответ:
Пройдут лишь месяцы—миллионы партбилетов
Заменят ленинский потерянный билет.

РОДИОН АКУЛЬШИН.

Современный
крестьянский поэт.

ТИЛИГРАММА.

Машка Серова, накинув на плечи шубенку,
Как полоумная, крикнула, хлопнув калиткой:

— Тетенька Марья,

А тетенька Марья, постой-ка,

Ленин-то умер.

— Неужто?

— Приехал с вокзалу

Только вот братец.

Пришла из Москвы тилиграмма ..

Страшная новость

Спугнула с палатей•и печек.

Бабы вздыхали, идя за водой. У колодцев

Толпы собирались.

— Теперя опять агличане

Войско пригонют.

— Ну, тетка Евления, трудно

Лапам аглицким Расею теперь заграбастать.

У Пантелеевых скоро

Собрались и старый и малый.

— Плохо, товарищи—начал седой Тимофей —

Самая главная, можно сказать подстановка,

На—вот, поди, подломилась...

Ох, вся постройка развалится,

Ветерподыметса, всю-то премудрость советскую,

Словно солому, развеет по белому свету...

— Будет тебе прежде времени воронюм каркать,

Много в России найдется еще подстановок,

Только, конечно,
Как Ленин, таких не сыскать.

— Царство небесное—бабка Анисья молилась,—
Как его звать-то?

— Владимиром, или не знаешь.

— Царство небесное,
Ленин за бедных старался“..

Как-то слова не клеились...

Боялись Россия погибнет.

Фартуком сваха Прасковья

Утерла соленые слезы.

Вечером парни на улице пели:

„Вы жертвою“.

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА.

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч—страшны, странны
Дни без вождя! Нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном,—

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной—отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он?—
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленье!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так-же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в Грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет „революций“, есть—одна:
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача им нам задана.

МАВЗОЛЕЙ.

Как яблоко антоновское, день
Пахуч и крепок. Раннего заката
У стен Кремля распластанная тень—
Глубоким трауром утраты...

Здесь—притаившаяся тишина.
Такая тишь рождает слово,
Лишь гению покорная, она
На подвиги и зов его готова.

Там—города; там—степи, топи, тундры;
Там—поражений и побед молва;
И мертвое чело заботой мудрой
Взволновано, но—скованы слова.

Два знамени над ним, как два крыла
Борьбы, что так неутомимо
Суровою страной, предместьем дымным
И к достижению Вождя влекла;

И веяло одно: Кремлем и блузой,
Сияньем зорь весенних поутру,
Немолчным гулом битв, где Труд
Еще проклятьем был и грузом.

Другое—как потертый парт-билет
Истории—издалека
Иной стране, иному сердцу вслед
Пороховым дымком парижских баррикад.

И пионер не сводит гордый взор
С лица того, чей взор проник в столетья.
Все вынесли: утрату, голод, мор,—
И пред вождем—безмолвной клятвой дети.

И трудно вспоминать, что был несчастный
Безумец, верующий до конца,
Что над эпохою и геньем властны
Те „шесть золотников“ свинца...

Как яблоко антоновское, день
Пахуч и крепок. Но в кремлевский камень.
Таить закатам траурную тень
Над гробом тем—веками и веками...

ЕВСЕЙ ЭРКИН.
Современный
«пролетарский» поэт.

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА.

Простей простых, с улыбкой мудреца,
В коротком пиджаке, в рабочей кепке,
Игрой зрачка—лукавою зацепкой,
Как искоркой, пытающий сердца,
Встает он в памяти,
У стен Кремля,
На Красной площади все ближе и роднее.
И вот
По ступеням над мавзолеем
Взошел. И стал. Улыбкой щурит взгляд.
Интернационал и барабан.
Под плеск знамен—густеющие блузы.
Пред ним, гремя, проходят профсоюзы,
Пред ним, цветя, народности всех стран.
— Товарищи!..
И вскинута рука.
Он корпусом подался за трибуну.
И радьомачт невидимые струны
Гудят над хужиною бедняка.
Он днями трудными и в ночи напролет
Не спит, не спит! Пусть глохнут мостовые.
У двери мавзолея часовые,
Застыв до смены, слышат ход работ.
...Иль это сон?..
Алее кумача,
Закат
Над городом неугомонным.
Над башнями, над зданьем Совнаркома...
И тишина у склепа Ильича.

ЛЕНИН.

Лед половодьем уносит река,
Тяжелоступно пройдут века,
Черные, белые—все рабы—
Окаменелые расправят горбы.

Враз позабудут Будду, Христа;
Скажут: задаром не надо креста;
Скажут: сподручней нам так итти,
Меньше острогов будет на пути,

Меньше острогов, меньше больниц,
Меньше оглоданных бледных лиц,
Виселиц меньше, меньше солдат,
Меньше оборванных синих ребят.

Скажут: довольно нам гнуть колени,—
Умерли боги, да здравствует Ленин!
Воздуха, хлеба, света больше
Станет в Германии, Турции, Польше,
И разгорятся пышные зори
В ясном прямом человеческом взоре.

XII
ГОРОД

XII

ТОРОД

ПАМЯТНИК ТРУДА.

Подземный рокот цементных артерий,
Тяжелый взлет двадцатых этажей,
Как вымыслы причудливых поверий,
Цветенье электрических огней.

Безгласный хор гранитных изваяний,
Застывший гимн тревоги и труда.
Каких веков здесь пресекались грани?
Кем создан, сотворен? Когда?

Кто скажет — „здесь мое“ и дерзостно отторгнет
От общей музыки своих усилий звук?—
Здесь тысячи творцов в проклятьях и восторге
Сплели живую вязь из чудотворных рук.

Прислушайся—и ты услышишь внятно,
Как дышат площади и говорит гранит,
На ржавых кирпичах увидишь крови пятна,
Горячий пот на плитах заблестит.

О, памятник труда, ты величав и вечен.
О, глыбы тяжкие, о, плиты площадей,
Ваш каждый камень огненно отмечен
Бессмертным подвигом неведомых людей!

КРАСНЫЙ КРЕМЛЬ.

Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен,
Дремлет быль ураганных веков...
Ты плывешь, кумачевым сияньем окрашен,
Осененный грядой парусов.
И плывут над тобой облака,
Словно дальние гости с поклоном,
Чтоб упиться твоим чудодейным звоном,
Над тобою плывут облака.

Нагруженный сокровищем сказочных цен—
Бриллиантами слез и рубинами крови,
Ты купаешься в зареве пен,
Полон мудрости предков и солнечной нови,
Опоясанный панцырем стен.

Ленин, мудрый провидец-пилот,
Смотрит зорко прищуренным оком
На игру расплясавшихся вод
И числит заветные сроки,
А даль величаво цветет...
И радио-птицы летят и летят из открытых бойниц
За моря, океаны и горы,
Где братья в оковах, где ржавые тяжки затворы,
Где лица опущены ниц,
Там яростней клекот огонь источающих птиц.
И падают, падают слов метеоры-ракеты:

Ловите, ловите дары непомерных щедрот,
Кометы посланий и звездные строки декретов,
Восстаньте, спешите, вас Кремль краснозвонный
зовет!..“

Израненной Индии стоны
И вопли несметных раскосых рабов
Гнездятся под сенью твоих куполов,
Где молнии бурь начертали вселенной законы.
О, Новая Мекка! О, Ноев Ковчег
Бушующих дней мирового потопа!
В крови и смятеньи Восток и Европа,
Но смел и уверен твой огненный бег.

Плыви, о, плыви златокрылый корабль-исполин, —
Уж голубь несет долгожданную ветку спасенья,
И колокол древнего веча с твоих нерушимых
вершин
Вещает народам, что близится день Воскресенья..
Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен..
Ты плывешь кумачевым сияньем окрашен
К берегам величавых веков.

С. ОБРАДОВИЧ.

1 9 1 8.

Трава, как плесень—в мостовую улиц...
С утра с дрожащими ладонями,
С изглоданным цынгою ртом,
Поступью жуткой разгуливая,
Проходит Голод городом.

А вокруг—двери с петель сорваны,
В черных язвах окон—копошщийся вошью тиф.
Над городом дни, как зловещие вороны
Над умирающим в пути.

В небе, схваткой костенеющей,
Над заводским ржавым корпусом—кран,
Как вцепившиеся в тучу клещи,
Чтоб Солнце выдрать окраинам.

По ветру с утра рукой митингующего
Бьется со стен полусодранный плакат...
Кто-то на углу брызжет яростью в Грядущее.
Кто?.. любимая? друг? брат?..

Кто-то безумный, кому-то мстящий,
С хохотом и злом
Солнце в лужице искрящееся
Затаптывает сапогом...

И слышу: сквозь крик, базарный и грубый,
За стеной, беспечны как ручей и весна,
По складам читающие губы
Разучивают Интернационал...

И вечером, за разобранным забором,
За худым окном, не так страшна,
С Голодом и Городом
Шамкающая тревогой тишина...

С. МАЛАШКИН
Пролетарский поэт.
Род. 1891 г.

ПРОЛЕТАРИАТ.

Небо—огромный сапфирный потир—
Льет из зенита пречистую кровь,
Бога любовь
Рдяными каплями в трепетный мир
Камня, бетона, железа и стали,
Что у тебя на руке, как на гибкой спирали,
Рдея пожаром, как глобус тяжелый лежит,
В пальцах твоих, кружась, громокипит...

Слава труду!
Мышцам играющим слава!
Слава в металл перелившим руду!
Слава бившим в набат!
Слава тебе, Творец пролетариат!
Видишь на глобусе ты
Улиц растущих орбиты, домов,
Кольца сверкающих рельс, проводов,
Парков, бульваров деревья, цветы,
Дыма полотна, что ветер кружит,
Властно кидая кусками в поля,
Где между нив в ржавых струпьях земля,
Где, как нарывы, глядят корпуса рудников
Потом и кровью веков...
Это все, все, что держишь и видишь,
Буйствуя, властвуя, царственно движешь,
И, выбиваясь веками из сил,
В мраке, под солнцем не зная границ,
Создал из мускулов, сгустков и мышц,
Собственных нервов, нервующихся жил...

Сгусткам мускулов слава!
Жилам сверкающим слава!
Нервам, орбитам глаз слава!..
Ржавым нарывам шахт слава!
Слава тебе, своеволий набат!
Слава тебе, творец пролетариат!

Видишь на глобусе ты
В улицах, сдавленных жадно домами,
Гулко ревущих, гудящих громами,
Кружится вихрем восстанья набат,
Рвутся снаряды в огне баррикад,
Лязгают дула дымящихся ружей,
Мнутя от бури деревья, цветы —
Века красоты,
Валяются главы церковей, образа
В теплые, темно-кровавые лужи,
Где, поднимая безумно глаза,
Глубже вдыхая восстанье, как жизни бальзам
Грубо бросая проклятья прошедшим векам,
Корчатся мускулы, к солнцу стремясь...

А в полях,
Возле шахт, рудников,
Изб бедняков,
Острые косы
Режут покосы,
Режут поля,
Дальше кидая знамена-ножи
На рубежи
Царств
Государств —
В круг их сзывая, играть в мятежи.

Слава Московии — столице столицам!
Слава знаменам, — коричневым лицам!
Слава тебе, своеволий, восстаний набат!
Слава тебе, гений-пролетариат!

ЖЕЛЕЗНОЕ ВОССТАНИЕ.

Я видел кладбище железное большое,
За городом в широком тупике
Рядами черными стояли паровозы,
Скованные сном,
А перед ними храмом опустелым
Уныло высилось чумазое депо;
Оставив службу, горны потушив,
Ушли рабочие сражаться.
Ушли..
И длинные, пустые тянулись дни;
Не гроыхало, не лязгало железо,
Не грохотали молотки.
И только дождь пронзительный и пестрый
Струился долго, долго и упорно
На это кладбище большое,
На эту мертвую и сумрачную мощь.
И вот не помню, видел ли во сне,
Иль это все случилось на яву—
Была осенняя глухая ночь,
Была на кладбище густая тишина.
Безмолвные стояли паровозы,
И, темный пыл в себе тая,
Застывшим ужасом железным
В пустые паялились поля;
И вдруг гудок,
Над мертвыми гудок протяжный
Отчаянно заклокотал,

Железный потрясая сон.
Так зверь ревет во мраке ночи.
Когда зовет потерянную самку,
Так зверь ревет... не зверь—
Так трубачи воинственные
В трубы трубят,
Когда выходит армия в поход.
На трубный зов, на зов сигнальный,
Тенями черными
Хватаясь
За вспугнутую темноту,
Вдруг всколыхнулись мертвые,
Заржавленные паровозы в тупике.
И, прорванную ревом тишину
Движением железным наполняя,
Вздохнули грузно.
Пulsируя цилиндрами,
Забил о поршни мощный пар
И регуляторы открылись сами.
И, поступью чугуновой на рельсы налегая
Стенаньями
И гулом
И ревом трубным
Покрывая мрак,
Железной армией в чудовищном порядке.
Тронулись тревожно паровозы...
Земля вздрагивала,
Ширились, приподымались небеса
И отступающая луна
Озаряла
Железное восстанье паровозов.
В ту ночь—
Рабочие вступили в город.

РАДОСТЬ.

В мутно-сером густом людском потоке
Я двигался по Невскому медленно...
И взглядами скользящими толпы многоокой,
И лучами солнца июльского обстрелянный.
Сердце сутолокой обессиленно, изранено,
И радости в обыденности растрчены...
Здесь у всех Грядущее прошлым затуманено,
Здесь и мне, казалось, корчиться назначено.
Но впереди неожиданно зареяли знамена...
Заметались звуки музыки бодрящей...
Сердце встрепенулось, забилось учащенно
Радостью пьянящей, светлой, настоящей.
Любопытство вспыхнуло, вытянуло лица,
Двигутся колонны матросов и солдат...
Флаги... Марсельеза... Невский сжался, злится,
Дрогнула обыденность, разливая яд...
На трубах громко-звучных, медных, металлических,
Солнце разбросало серебряные блески...
Трамваи, автомобили, глаза на Величие,
Очарованно столпились на перекрестках...
Торжественно проходят первыми матросы...
Строго-величавы—поступь, взгляды, лица...
Кто-то им семейку незабудок бросил,
Нищая старушка радостно слезится.
Безотчетно счастливый, весь благоговение,
Обнажаю голову, слитность постигаю:

Я, Они—Единство... Общее сцепление...
Это Я, под музыку, с Ними, в Них шагаю...

Это Я, разбивший рабства, тьмы оковы,
Я,—в Борцах Бессмертных Свободы, Коммунизма...
Я—Советов Армия—иду к победам новым,
Это Я шагаю—в Мир Социализма.

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

В предрассветный, тихий, чуткий час,
На окраинах гигантов-городов,
Пробуждая, призывая Многоликого Творца,
Раздается, мерно льется, льется, льется,
Голос властный возбужденных,
Грозно-буйных и клокочущих паров...
Голос—пенье слитно-стройно-хоровое
Торжествующих гудков...

Рея, плавая, стучится в груди легионов масс,
Разрывая сна дурманящий покров,
Бодрость льет в отзывно-гордые сердца...
В даль, и в ширь, и в высь несется,
Напевая миллиардам угнетенных—
О восстаниях, победах, о падении оков,
Гимном пламенным встречая солнце ярко-огневое:
Новых радостных веков...

Ночь бледнеет,
Тьма редеет,
Брезжит свет...

Чу... молитва,—
Зов на Битву,
Гимн Трудю...

Просыпаюсь,
Одеваюсь,
Звонкий след...
Гул, ворота,

На работу

Я иду...

Нет призывней, полновластней,

Чище, пламенной, звучней,

Вдохновенней и прекрасней,

И победней, и вольней—

Ранней, утренней молитвы слитно-стройных голосов
В бой зовущих, тьму пугающих, ликующих гудков...

Пенью трепетно внимая,

Песнь деревни вспоминаю:

Нудно сонные напевы

Колокольного хваленья,—

Богу лени, мести, гнева,

Зла, покорности, смиренья,

Дряхло-старому, глухому, побелевшему, как мел,

На седьмой день, засыпая, опочившему от дел...

Пенью трепетно внимая,

Мудрость Мира постигаю:

Хор гудков—Язык вселенной,

Гимн—Единства, гимн—труда,

Пробужденье Мысли пленной,

Сердца к сердцу—провода,

Человеку Богу песня—победителю, Борцу,

Созидателю Титану, неустанному Творцу...

К. ХОХЛОВ.
Современный
пролетарский поэт.

ПЕСНЬ ПЕЧАТНОГО СТАНКА.

Визг шкивов,
Бег ремней,
Завыванье ротации,
Кружение колес и валов,
Взмахи ритмичные рук,—
Сотен рук,
Покрытых свинцовой пылью.
Покорные волей единой,
Буква к букве,
Слово к слову,
Строка к строке,
Колонна к колонне,
Целые армии строят из знаков свинцовых,
Целые армии звуков и песен,
Что сбежались из всех городов и селений
По звенящим в далеких просторах—
Проводам телеграфным.
Что радио бросил из-за моря искрой мгновенной,
Что телефон прохрипел,
Что почталион передал за печатью в конверте,—
Все это отлито в знаках свинцовых.

Прислушайся к стуку валов и колес,
Прислушайся к шелесту белой бумаги,
Что завтрашний день в миллионах листов—
На перекрестки,
В вагоны трамваев,

В вокзалы,
В деревни, —
Свинцовую песнь разнесут.
О том,
Что где-то в далекой Австралии,
В Индии,
В Конго, —
Рабы взбунтовались...
И где-то корабль затонул в океане;
И где-то холера с чумой совершает обход.
Два короля совещаются в море на яхте,
Двое любовников умерли в брачной постели,
У барыни пудель под кличкой „Цезарь“ сбежал,
Святую икону ограбили трое бандитов,
Кто-то в тюрьме удавился, не снесши неволи,
Кто-то пожертвовал два миллиона на храм,
Кто-то от голода умер среди улицы шумной,
Балерина и бас знаменитый на днях выступают...

И где-то в полях,
Кровавых полях,
Умирают с проклятьем,
Умирают с молитвой,
Безвестные братья.

Горят города,
Исчезают деревни,
И растут, как в пустыне пески,
Холмы
Погребенных.

„Война до конца“ — раздается.
„Долой оружие“ — мощно звучит.
„Вся власть Учредительному собранию“!..
„Вся власть Советам“!..
„Да здравствует социализм“!..
„Да здравствует Красная Армия“!..

Над городами взвиваются красные флаги,
Над деревьями.
Новые армии ринулись в бой.
За рубежом кричат о заразе,—
О красной заразе.
В панике биржи.
В тревоге купцы, короли и банкиры.
Голоса. голоса, голоса...
О власти. О боге. О золоте.
Целый оркестр,—
Громовая симфония.
Музыка дьявола с ангельским хором
Под треск барабана и пушечный рёв.
Где-то троны трещат,
Где-то новых царей коронуют,
Где-то погромы свершают,
И террор свирепствует белый и черный,
И встречу несется ответное:
— Мы требуем красного террора!..
— Изменникам смерть!..
— Да здравствует Интернационал!..

Быстрее кружатся колеса,
Приводы, шкивы и валы,
Ротации воют и стонут,
Мелькают листы.
И так же ритмично
Усталые руки
Свинцовые строят полки.
Колонна к колонне,
Ряд к ряду
Бесстрастно и прямо
Вперед и вперед, и вперед,
Барабанщики черные,
Знаменосцы свинцовые
На приступ идут.

И новые звуки,
И новые песни,
И новые зори
Несут на знаменах.

А. ДОРОГОЙЧЕНКО.
Современный
пролетарский поэт.

НА ЗАВОД.

Неуемный и огромный
В небо искрами метал.
Изо рта дымящей домны
Тек мятущийся металл.
В дымной блузе пролетарской,
В красном фартуке, завод
Полон помыслов бунтарских,
За собой меня зовет.
А гудок, тревожно воя,
И пугал и волновал;
В череп жирного покоя
Клинья острые вбивал.
Проклял я страну молчанья—
Изб нестройный хоровод.
Искру буйного восстанья
Заронил в меня завод.
Зову новому внимая,
Шел на выкрики гудков.
Больше, степь, тебе не маять
Деревенских батраков!

Здравствуй, мой гранитный город,
Я, как ты, суров и груб.
Как обрадовались взоры
Частоколу хмурых труб.

ЖЕРТВЫ ВЕЧЕРНИЕ.

В час, когда поздним закатом увенчаны,
Окна горят, словно камни цветные,
Робко выходят на улицу женщины
Полуголодные, полубольные...

Взорами темными жадно впиваются
В лица прохожих с мольбою обычною...
В тяжких страданиях их дни покупаются
Лаской притворною, ложью привычною.

Дышат покорностью лица избитые,
Гордые розы безжалостно сорваны,
Вспыхнув, погасли надежды забытые,
Груди тяжелою жизнью надорваны.

В душных трактирах, под звуки разгульные,
Быстро сгорят они, в муках усталые,
Вместо цветов, им слова богохульные
Бросит на трупы толпа одичалая...

Выйдут на смену им новые, сильные,
Темному городу—жертвы вечерние.
Чаще нароются ямы могильные,
Стопчутся розы, наденутся тернии.

Женщина, друг мой, со мною страдающий,
Друг, разделяющий грезы мои,
Только упорной борьбой побеждающей
Сбросим мы черные цепи свои.

Выйди же вместе с тревожной зарницею,
В сумрак моими глазами взгляни...
И, над моею победной страницей,
Светлую долю начни!..

И. ЛОГИНОВ.
Современный
пролетарский поэт.

В БИБЛИОТЕКЕ.

Мой храм—библиотека,
Шкапы—иконостас,
А разум человека—
Нерукотворный Спас.

Не золото кивота
Для разума наряд,
Но шифры переплета
Что буквами горят.

И в дни кровавой битвы
Я к Спасу возношу
Горячие молитвы
И, как творца, прошу:

Нерукотворный Спасе,
Услышь мои мольбы,
Чтоб в каждой мира расе
Исчезнули рабы!

РАБОЧИЙ МАЙ.

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе—
И отговаривается гром
И в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткого краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка:
Ой, сколько, сколько майских луж—
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком!
Какая звончатая трель
Звенит по ведрам и по бочкам!

КАМЕНЩИК.

Бреду я домой на Пресню.
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поёт о кирпичах.

Поет он, как выше и выше
Я с ношею красною лез,
Казалось, до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило.
Туманился ветра клич.
Утро тоже взносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню.
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

РУБАНОК.

Живей рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.
Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед-ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!
О, помнишь-ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша.
Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил,
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запыллил.
И вот сегодня шум свиданья—
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.
Живей рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком!

СЕМЕН РОДОВ.
Современный
пролетарский поэт.

МОЛОДОЙ АПРЕЛЬ.

В синей блузе врос Апрель
В улиц солнечную шель.
На дома налег плечом,
Путает шаги лучом.
С глаз прохожих, с крыш простынь
В клочья рвет морозов стынь.
А потом, кося, тайком
Солнцем глянул в каждый дом.
Стал на площади под тень,
Кепку сдвинул набекрень,
Руки в брюки, ноги врозь,
Закусил цыгарку вкось.
А навстречу—Синева,
Расписные рукава.
Словно тучи по утру
Кружевеют на ветру.
Увидал—цыгарку вон,
К ней шагнул и весь—поклон.
А она в испуге—шась:
К озорному-б не попасть.
Он за ней. Синее бег.
Смял в охапку, сыпет смех.

— Ты вертись, не вертись,
Коса русая расплетись
Ты мне, синяя, мила;
Из села к нам забрела—
Что ж, моею гостьей будь,
Будем вместе править путь.
Обнимает горячо,
Льнет сильней к плечу плечо.
И обнявшись, взор во взор,
Отошли в ночной простор.
Так слюбился огневой
С деревенской синевой.

ПЕСНЯ ВЕСЕЛОГО СТЕКОЛЬЩИКА.

Я хожу из проулка в проулок.
— Вот кому вставить в раму стекло?
С Волги льдом голубым потянуло,
На душе, как на Волге, светло.

Я вставляю везде без разбору,
Только крикни:—Стекольщик!—Я тут.
За Саратовом лысые горы
К небесам, точно к матери, льнут.

Из окна мне рукой замахала
Чернобровая краля: войди!
Мне с разбитыми окнами стало
Тяжело, беспросветно в груди.

— Вставь быстрее, чтобы с Волги не дуло.
— Чтобы горница розой цвела,—
И задорно мне в очи взглянула,
И так близко ко мне подошла.

— Вставлю,—молвил и вынул цветное
Из подставки стекло. А она:
— Нет, мне стеклышко нужно простое,
Чтобы в доме была тишина!

Тут ее уговаривать стал я,
Пел и слезы катились из глаз.
Ветер с Волги меж нами растаял,
Подружил без копеечки нас.

От красавицы вышел хмельной я,
На душе, как на зорьке, светло.

Вставил стеклышко я не простое,
Ярко-красное вставил стекло.

А потом, как и прежде, шатался
Мимо настеж раскрытых ворот.
И, как прежде, опять дожидался,
Когда кто-нибудь вдруг позовет!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

О ВАЛЕНКАХ.

В театр, как и все, за плату,
Но видно, иным пришел.
Хожу по фойе заплатой
Не вшитой в бархат и шелк.

В холщевой простой рубаше
(Совсем не на показ)
Иду меж коротких взмахов
Плоских лорнетных глаз.

Вижу: как будто бы каждый
Пересекающий мой путь
Пришел с неумной жаждой
На.. валенки мои
Взглянуть.

Ну, что же? Они — без отверстий.
Грязи на них не видать.
Валенки — из овечьей шерсти.
Валенки мои — на ять!

Бедные стриженные овцы.
Гордости вашей никто не поймет.
Разве, что ботинок
Какого-нибудь свердловца,
Улыбающийся во весь рот...

Ушел от удобных кресел.
С лестницы кувырком,
Шагая и думая весело
О завтрашнем дне заводском,

Что будет смеяться не злобно
Мой друг, мой веселый верстак..

А валенки мои дробно

Подтаптывают в такт...

И вдруг—при улыбках неловких—
Подпрыгнул, обрадованно грохоча:

Два красноармейца

(В валенках!)

При винтовках

Говорили о книге

Ильича.

АЭРОПЛАН И ВОРОБЕЙ.

И я, и воробей—одно,
Но воробей был выше,
И он в подвальное окно
Насмешкой брызгал с крыши.

„Возись, товарищ, мол, в грязи,
Пиши, марай, вымарывай,
Ну, где там переделать жизнь
Словесным бредом, маревом“.

Что-ж -воробей — все ж воробей.
Летал он выше дома.
И я признаться оробел
От такого грома.

„Куда нам в небо, в облака,—
Смиренно говорил ему,—
Ты правда глуп, но как-ни-как,
Все ж обладаешь крыльями“.

А рядом жил со мной столяр,
Простой столяр, но гордый;
И он ужасно как страдал
От этой наглой морды.

Зашел я как-то к столяру,
Чтоб горем поделиться;
Да так и ахнул, не совру—
Столяр столярил птицу.

„Орудуй там, стихи плети,
Печатай, агитируй:

На той неделе полетим
На удивленье миру“.

К чернилам я всегда готов.
Стихи валились грудями.
И вот сто тысяч столяров
Принялись птиц орудовать.

Летим и, как половики,
Под ноги облака нам,
Глядим и тысячи других
Летят аэропланов.

Где-ж воробей? Что ж воробей?
Его внизу не видно уж,
Прислушивается, оробев,
Он к рокоту обидному.

А. МАКАРОВ.
Пролетарский поэт.
Род. в 1900 г.

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

Замутился белым облаком
Фартук в дымных зеркалах.
Отлетает волос проволокой,
Наростая на усах.
И порхают пташкой ножницы,
Соловьиный льется щелк;
Показалось, будто в рощице
Вечер синий приумолк.
На спиртовке рыжим месяцем
Огонька загнутый рог,
И при стрижке ясно грезится
Под ногами мягкий мох.
А за дверью что-то взвизгнуло—
Путь трамвайный недалек.
И машинка к уху прыгнула
Лягушенком на пенек.
На душе весна, проталинки,
Волос бережно мету:
Для сукна пойдут, на валенки,
Руки сильные спрядут.
Эй, косматые, за фартуки!
Приближайтесь на зов,
Родила меня на фабрике
Мать художником голов.

ВЕСЕЛЫЙ СТОЛЯР.

Смеюсь, пою, играю
Над грудью верстака.
Рубанок мой икает,
Танцует вскользь рука.
А лак в жестяной кружке
Весь в искорках луча.
Баранчиками стружки
Повисли у плеча.
Прилаживаю ножки,
Кладу медовый клей.
На окнах солнца рожки
В отливе хрусталай.
Смолистую сосною
Пропах избы навес.
Как будто за стеною
Стоит дремучий лес.
О планках сердцу мнится:
Белей, чем милой грудью
Топор взлетает птицей
В махорочную муть.
За дверью эхо стука
Окликавает дом...
Какая к чорту скука!
Хожу весь ходуном...

С. ОБРАДОВИЧ.

ПЛОТНИК.

Осень—сонный далекий кошмар,
Слышу голос весенний, трубный:
Зазвенел в ледяные бубны
На припеке солнечный март.

Вдаль простертые руки труб,
Колокольни, горбатые крышки.
Ах, о чем мне с проталины рыжей
Прокричали грачи поутру?..

Эй, не время раздумывать, брат!
В небо неводом вскинем стропилы!..
Зазвучали, запели пилы
И лучистая сталь топора.

Пахнет медом сосновый тес.
Над постройкой—лишь солнце в лазури.
Слышу снизу, как рокот бури,
Шум базарный и дробь колес.

Полегчали в руках топоры.
Гордость силы в орлиных взорах:
Это Я над тобою, Город,
Стал Владыкой с весенней поры!..

XIII
ДЕРЕВНЯ

В ДОРОГЕ.

Весь день звучат полозья звонкие...
День к вечеру. Черней поля
И жалобней голодный вой волченка
В мятельной зыбке февраля.
Погост. Над сонною деревнею —
Гнетущая глухая тишь...
О, Русь крестьянская! Как в сказке древней,
Не ты-ль царевной пленной спишь?..
Лачуги — странницы убогие
На неоконченном пути —
Застыли средь сугробов вдоль дороги,
Раздумывая, как пройти.
И в сумраке вокруг — ни просвета,
Ни просвета, ни огонька,
И сторож за околицей не спросит:
— Дорога к ночи далека-ль?..
Опять пустынными проселками
Звучит напевный бег саней.
А в сердце — грусть по дымному поселку,
Где солнечные дни ценней;
Где синеблужая окраина
На злую силу меч кует,
Где, — верю, Русь, — в борьбе необычайной
Есть пробуждение твое!..

Н. С. ТИХОМИРОВ.

Современный
пролетарский поэт.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЛАК.

Под горшок острижен волос,
Словно яблоки глаза.
Баритонный зычный голос:
Ну, подумаешь, гроза.

Пальцы с черными ногтями,
Ястребиный красный нос,
Сапожища с бураками.
Настоящий кровосос.

И, пыхтя от об'яденья,
Прется в божий храм медведь;
Крякнул громко без стесенья—
Рожа красная, как медь.

Подойдя к свечному „богу“,
Поздоровался кивком,
Покрестясь чинно-строга,
Вынул денежку с коньком.

Стал на самом видном месте,
Свечку толстую зажег,
С становым молились вместе,—
Был у них единый „бог“.

По пути зашел к соседу,
За гроши скупил овес,
Вел цветистую беседу
Что добру учил Христос.

И потом с довольной рожей
Пообедал. Сыт и пьян.
Вот он раб смиренный божий,
Царь измученных крестьян.

ДЕРЕВЕНСКИЙ УЧИТЕЛЬ.

В селеньях, где шумят колосья
И избы сохнут на буграх,
Идет он рожью, льном и просом—
В простой рубашке и в очках.

Все шире даль. Туманом застит
Тропы неясный поворот.
А он идет, влюбленный в счастье,
В лесные зори и в народ.

Раздвинет озеро незвонко
Камыш густущий кое-где...
И отразится бороденка
В заколыхавшейся воде.

Туман ползет, но мысли ясны,
Горят они, как зорный куст.
Какой-то парень не напрасно
Снял пред учителем картуз.

И ветер треплет кудри эти—
Желтее скошенного льна...
На избы темные в рассвете
Заря упала как волна.

Пусть деды в зарослях судачат,—
Не им итти в далекий путь!
Веселым смехом глаз ребячьих
Полна учителява грудь.

В очках он зарослью исконной
Ведет их в дивные века.
Молчат унылые затоны
И тихо плещется река.

ИЗБА.

Веками—сон,
Сугробный, потный, древний,
С метелями, под свист сверчка;
Тоска над смутною судьбой деревни,
Проселочная тоска.

Молчит Изба.
Подслеповатым оком
Насупилась, натужив слух,
Запахиваясь глубоко
В заиндевелый полушубок вьюг.

Застрех седые сдвинутые брови
Тревожно и тяжело нависли;
И тяжелы и долги,
Как долог взор коровий,
Ее соломенные мысли.

Сутулится и чутким краем крыши
Подслушивает сквозь вьюжный пляс,
Как за полями
грузно

город дышет,
Как близится железный лязг.

Подглядывает, как по губернским трактам
Чугунной поступью колес
К селу шагает, громыхая, трактор,
Звенит цепями грузовоз.

Гул вьюжный все настойчивей, суровой.
И вдруг—повеяло голубой весной:
В полях—волы стальные наготове
И ждет земля покорною женой.
И так по вешнему пахуч бензин.
На шумный клуб дед променял полати,
Ушел,
Ушел от воркотни лучин,
С глазастым солнцем сел в соседней хате.
И над бревенчатую дремою
Избы былинный сон прервав,
Повис поюще струною
 Неугомонный
Телеграф.
Стара...
Еще не верит, и в неверьи,
В раздумьи клонит седину:
— Какой дорогою?
В какие двери
Встречать невиданную весну?
И так, вздыхая, видит долгим взором,
Как натянув узду, в огне
К ней скачет топами и косогором
Гранитный на стальном коне!

Е. НЕЧАЕВ.
Пролетарский поэт.
Род. в 1859 г.

НА ЗАРЕ.

Рассвет глядится алый
С повети голубой.
Ночь путницей усталой
Уходит на покой.

Качая в ряби зыбкой
В румянце облака,
Затеплилась улыбкой
Извивляная река.

Радужно колос спелый,
Приветливо луга
Шумят: пора за дело!
Минута дорога!

На пир-работу званый,
Кряжистый исполин,
В рубахе домотканной
Выходит селянин.

Не нам ли утро светит
И небеса поют?
Ликуй на белом свете
Владыка жизни — Труд!

ОКТЯБРЬ.

Октябрь постучал в околицу,
На крыльях принес весну,
А рига склоненная молится,
Не видит—огонь блеснул.

Схватил за нечесаны волосы,
Мотнулась ее голова,
И крикнул он зычным голосом:
Соломенная, вставай!

Довольно к поповым подметкам!
Весна в Октябре расцвела...
И голос, властный и четкий,
Звенит по соломе села.

Довольно биться кликушей
О барское крыльцо,
Плеснуло солнце в души
И слезное лицо.

Рыданья под сугробами
Цветами проросли,
И зерна звезд мы торбами
Рассеем в новь земли.

КЛАД.

Жил да был мужик Ермил,
Всю семью один кормил.
Мужичонка был путящий:
Честный, трезвый, работающий;
Летом—хлебец сеял, жал,
А зимой—извоз держал.
Бедовал и надрывался,
Но кой-как перебивался.
Только вдруг на мужика
— Подставляй, бедняк, бока —
Прет несчастье за несчастьем:
То сгубило хлеб ненастьем,
То жену сразила хворь,
То до птиц добрался хорь,
То конек припал на ногу..
То да се, да понемногу —
Дворик пуст и пуст сарай,
Хоть ложись, да помирай.
Не узнать совсем Ермила:
Злая дума истомила,
Холод-голод у ворот,
Ни гроша на оборот.
То вздохнет мужик, то охнет,
День за днем приметно сохнет.
— „Все,—кряхтит,— пошло-б на лад,
Ежли мне-б попасть на клад“.
Спит бедняк и кладом бредит:
То с лопатой в поле едет,

То буравит огород.
Взбудоражил весь народ,
Перессорил всех соседак.
Сам плюется на последок
И барнит весь белый свет,
Кладу нет.

— „Клад не всякому дается:
С заговором клад кладется.
Вишь,—Ермил башкой потрянул,—
Что-ж я раньше не смекнул“?
Мчит он к знахарке Арине.
Баба дрыхнет на перине.
Опивается бурдой:
— „Что Ермил? С какой бедой“?
— „Так и так,—Ермил старухе,—
Как хозяйство все в разрухе...
Что почать? Куда итти?...
Помоги мне клад найти.
Чтоб узнать к нему дорогу,
Нужен чорт мне на подмогу.
Хоть последний самый сорт,
Лишь бы чорт.

Вот в награду.. поросенок“...
— „Ладно... Есть как раз бесенок,
Только мал еще да глуп,
Ты бы дал ему тулуп.
Да еды принес поболе,
Пусть бы он в тепле и вхоле
И подрос, и поумнел.
Клад, не бойся, будет цел“.
У Ермила дух спирает,
Сердце сладко замирает,
В голове и стук, и шум,
Потеряв последний ум,
Бабий брех приняв на веру,
Он ей тащит хлеба меру,

Потеряв денечков пять,
К бабе мчит мужик опять:
— „Как здоровьице бесенка?“
— „С'ел и хлеб, и поросенка.
Ты-б еще принес муки“.
А меж тем бегут деньки.
Пролетели две недели.
— „Что-ж, бесенок, в самом деле?“
Слышь, бабуся, отпусти“...
— „Дай мальцу-то подрасти“...
— „Хоть взглянуть“!
— „Не сглазь заране,
Твой бесенок— вон... в чулане,—
Рад кормежке и теплу,
Под тулупом спит в углу.“
Обнищал Ермил до нитки,
За гроши спустил пожитки,
Дом весь по миру пустил,
Беса малого растил.
Потеряв совсем терпенье,
К бабе в полночь под Успенье
Мужичонка прыг в окно.
— „Бес, бесенок — все равно.
И с бесенком клад достану“.
Подобравшись к чулану
И стрелой шмыгнув туда,
Ищет всюду: „Вот беда!
Бесик... Бесинька... Бесенок...
Не спужался-бы спросонок“...
Шарит с пеною у рта.
• Ни черта.
— „Бесик... Бесинька“... Ни звука...
„Что за дьявольская штука?
Тут стена... и тут стена...“
Чиркнул спичкой.— Вот те на!
Провалился, что-ли, бес-то?

Ну, как есть, пустое место“!

Жалко, братцы, мужика,
Что Ермила бедняка.
Уж такая-то досада,
Что не там он ищет клада.
А, ведь, клад-то под рукой.
Да какой!

...После долгого ненастья
Дождался, Ермил, ты счастья.
Не останься ж в дураках.
Клад теперь в твоих руках.
Этот клад—земля и воля,
Не заплаканная доля.
Крепко кладом дорожи
Да в руках его держи.
Не поддайся мироеду.
Закрепить сумей победу.
Стой, Ермилушка, горой
За народный, вольный строй.
Заступи любому гаду
Путь к отобранному кладу.
Потерявши снова клад,
Жизни будешь ты не рад:
Мироеды-воротилы
Надорвут твои все жилы —
Впрягши вновь тебя в хомут,
На весь век клещи зажмут.
Будешь в горе и в неволе
Бороздить чужое поле,
И за каторжный свой труд
Получать... железный прут!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

УРОЖАЙ.

Как у попа Ипата
Не борода—лопата.
Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни
Поп речью потчевал такой:
— „Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли все вы.
Не богомольцы вы весной.
Все только думки про посевы:
А не побил бы град, а не спалил бы зной.
Почто мятетесь и плачетесь вскую?
Бог видит нашу скорбь и всю нужду людскую,
Казня и милуя нас грешных поделом.
Не судьи мы господней воли.
Идите-же со мною в поле,—
На сходах отпоем молебен всем селом.
И ушедрит вас бог зерном по вашей вере.
И будет хорошо приходу и попу.
С вас много-ль надо мне: с копенки по снопу,
Аль с закрома по мере“.

Читатель, не мудри и зря не возражай.
Поп линию свою ведет примерно
Помолится и будет урожай,—
У мужиков? Бог весть! А у попа—наверно.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

ПОПЫ-ТРУТНИ—ЖИВУТ НА ПЛУТНИ.

Мужик — бедняк, худой—худой,
Трясет селою бородой:
„Вот батюшка, хохлаточка...
Хохлаточка... хохлаточка“...

На мужике, на что ни глянь,
Шапчонка — рвань, лаптишки—дрянь,
А на плече заплатачка...
Заплатачка... заплатачка...

Стара бабенка и слаба,
Согнулась божия раба:
„Вот, батюшка, пеструшечка...
Пеструшечка... пеструшечка ..
Яичек тож десятка два“...
И на ногах стоит едва
Убогая старушечка...
Старушечка... старушечка...

Попу расперло рожу—во:
„Хохлатка, правда, ничего...
Яичек я попробую...
Попробую... попробую...
Авось, еще кто принесет“...
Смеется батя и трясет
Оплывшею утробю...
Утробю... утробю...

Досель в духовной кабале
Кротами темными в земле
Крестьяне наши роются...
И роются... и роются...
Когда ж разбудит их гроза?
Когда ж, когда ж у них глаза
На трутней всех откроются?...
Откроются... откроются...

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

КОММУНАРЫ.

Ни достатка, ни порядка;
Ходит сам не свой Касьян:
У Касьяна есть лошадка,
Нету плуга и семян.

У Емели дует в щели.
С горя, бедный, будто пьян:
Плуг есть старый у Емели,
Нет лошадки и семян.

Злая грусть берет Нефеда,
Дед клянет весь белый свет:
Семена нашлись у деда,
Нет лошадки, плуга нет.

Повстречал Касьян Нефеда,
Подошел к ним Емельян.
Слово за слово—беседа
Завязалась у крестьян.

— Ох-ти, брат, не жизнь, а горе!
— Я вот стал совсем моща.—
Все на том сошлись вскоре:
С горем биться сообща.

Что у всех имелось втуне,
То теперь слилось в одно:
Есть КОММУНА, а в коммуне—
Плуг, лошадка и зерно.

Дед с Касьяном поле пашет,
С ними, спаянный трудом,
Молотком Емеля машет,
Подновляя общий дом.

Труд не в труд, одна утеха,
Стал милее божий свет.
— Братцы, счастья и успеха
Коммунарам, мой привет!

ДЕРЕВЕНСКАЯ КОММУНА.

Чудеса по небу лазили.
Да спустились, видно, на землю:
Из замшелой, темной, рваненькой
Деревеньки, вечно пьяненькой,
Вышла твердая, тесовая,
Как зеленый бор, здоровая,
Веселая, живая
Коммуна трудовая.
Дети чистеньки да мытеньки,
Распричесаны волосья.
Аржаные правят митинги
Толстозерные колосья.
Зацвела гречиха розово.
Вдоль опушки, вдоль березовой
Две задорные кобылки
Ташат деда на косилке—
В первый раз.
На машине глаз да глаз:
Тут нажми, а там подтыкни,
Ну да ничего, привыкну.
Хоть и стар,
А ведь крепкий коммунар.
В братской кухне бабы хлеба
Напекли.
За окошком мимо неба
Пчелы меду пронесли.
Ведро, полное удою,
Детки к погребу ташат.

Кузни дятлами трещат.
Машет мельница руками
Восемью:
Все за нами, все за нами
В нашу красную семью!

А над борами поодаль,
Обдуваем ветерком,
Поп на облаке верхом
Проплывает, старый лодырь
Весь тревогой злобной вз'ёршен,
С виду пугала смешней,
Ищет взорами, как коршун,
Деревеньку потемней.
Где-б свечами да водицей
Можно было торговать,
Нашу совесть воровать.
Хоть летай по небу птицей,
Хоть рыщи по лесу зверем,
Не поверим
Ни иконе, ни тебе.
К новой огненной судьбе
Мы взлетаем. Шире, груди!
Раздышитесь вольно люди.
Счастья много.
С топорами, с молотками
Все за нами
Красною дорогой!

УРОЖАЙ.

А вот как было:
Случилось, у Вавила
На жнище ржищи сила.
Кто мимо ни проходит,
Руками всяк разводит:
— „Хороший урожай“.....
Увидел поп Игнатий,
Дивился благодати:
— „Потребен тут молебен,—
Вавил-то нынче хлебен.
— „Хороший урожай“!
Прошел „кулак“ дорогой,
Хоть ласковый, но строгий:
— „Плати, Вавил-дружочек
Свой летошний должочек,—
Хороший урожай“!
Катил урядник мимо.
Хвалил и он, вестимо:
— „Плати, Вавил, оброки,
Без проволоки в сроки,—
Хороший урожай“!
А глядь-поглядь, к Николе
Ни в закрое, ни в поле.
Вавила волком воет,
Кишки бурдюю моет...
Хороший урожай!..
Так вот как было...
Смотри ж, Вавило!
Каб снова в ту-же сеть
Не влететь!

УРОЖАЙ.

Пришла пора... шумят колосья,
Сомкнулась зыбкая стена,
На скудной почве чресполосья
Взошли благие семена...

И пусть гремят в глухом просторе
Удары тучи громовой,
Не выбить им в бессильном споре
Созревшей нивы трудовой!

Уже давно в полях мелькают
Неутомимые жнецы,
И с тайной радостью собирают
Колосьев зрелые венцы.

ДЕВУШКИ.

Идите, приходите,
сходитесь, расходитесь,
скрывайтесь, возвращайтесь,
бегите, не щадите ног;
там, в поле—тысячи дорог!

Идите, приходите,
все дни, все дни недели
за делом и без цели;
скрывайтесь, возвращайтесь,—
но в воскресенье,
цветной корсаж надев и украшенья,
все собирайтесь,
все девушки соседних деревень
на перекресток, где трех старых грабин тень.

Там, в нетерпении,
красавцы-парни ждут своих подруг,
ведите их на свежий луг,
танцуйте с ними длинные кадрили.
Уходите, возвращайтесь;
в танце есть водовороты,
изумленья, убеганья и притворства,
но, танцуя, выявляя статность, ловкость
и проворство,
прижимайтесь,
без заботы,
сердце к сердцу, к груди грудь!
И, в об'яты, как-нибудь

догадитесь,
уходя вдвоем на свежий луг,
кто ваш будущий супруг!

Все это будет, а пока
идите, приходите,
неся на ферму ведра молока.
Уже вечерний час и, позлащенным, стадо
Идет с мычаньем по следам быка,
в знакомый хлев, где мир и где прохлада.
День кончился... В мечтах прекрасных спите!

Пер. В. Я. Брюсова.

ВЕТЕР.

Вот, зыбля вереск вдоль дорог,
Ноябрьский ветер трубит в рог.
Вот ветер вереск шевелит,
Летит
По деревням и вдоль реки,
Дробится, рвется на куски,—
И дик и строг,
Трубит над вереском в свой рог.
И над колодцами бадьи
Качаясь, жалобно звенят,
Кричат
Под ветром жалобы свои.
Под ветром ржавые бадьи
Скрипят.

Ноябрьский ветер вдоль реки
Нещадно гонит лепестки —
И листья желтые с берез;
Поля, где погулял мороз,
Метлой железною метет,
Вороньи гнезда с веток рвет —
Зовет.
Трубя в свой рог
Ноябрьский ветер дик и строг.

Вот старой рамой
Стучит упрямо;
Вот в крыше стонет, словно просит,

И молкнет с яростью бессилья.
А там, над красным краем рва,
Большие мельничные крылья
Летящий ветер косит, косит,—
раз-два, раз-два, раз-два, раз-два!
Вкруг церкви низкой и убогой,
На корточках присев, дома
Дрожат и шепчутся с тревогой
И церковь вторит им сама:
Раскинув распятые руки,
Кресты на кладбище глухом
Кричат от нестерпимой муки
И на землю падают ничком.

Дик и строг,
Ноябрьский ветер трубит в рог
На перекрестке ста дорог!
Встречался-ль вам
Ноябрьский ветер здесь и там,
Трубач, насильник и бродяга?
Видали-ль вы, как нынче, в ночь
Он месяц с неба сбросил прочь,
Когда все скудное село
От ужаса изнемогло
И выло, как зверей ватага?
Слыхали-ль вы, как дик и строг,
Ноябрьский ветер трубит в рог?

Пер. В. Брюсова.

ДЕРЕВНЯ.

Деревня древняя все также
Гробами горбится ларей,
И жуткий ветер вяжет пряжу
Ее соломенных кудрей.

Коленопреклоненно молятся
Колодезные журавли,
И петушиным криком колетса
Тишина, прикурнувшая в пыли,

Душа, обутая в лапти,
Стонет в чешуе плетней,
Зыбучие хлебные гати
Полынной пылью кадят над ней.

Оглобельными рогами
Бодает рыдванный плач,
Замазывает кизяками
Заревой кумач.

Когда же гром освежающий хрустнет,
Взвихривая сонь и ленъ,
И над дремотной Русью
Вспугнет стада деревень.

Когда железной плетью—
Рельсами расхлестнет пастух,—
Над златосоломенной повестью
Загорланит медный петух.

Довольно капала в святцы
С глазниц и лучин вода,
В сердце избы вонзятся
Электрические провода.

Солнце зимой не остынет,
Сверля вековую мглу,
Светоточащие дыни
Повиснут в каждом углу.

У вымощенного тракта
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
На-смерть раскоряку-соху.

Блеснут оросительных маков
Глаза в ресницах ржи,
И засмеются фонтаны
Над засухой каждой межи.

Я верю: будет, будет
Электрификация душ!
Вскрылят деревенские люди,
Взрезая пропеллером глушь.

ИВ. ДОРОНИН.
Пролетарский поэт.
Род. в 1900 г.

УТРО В ХАТЕ.

На печи, в углу,
За кирпичем
Собрались на митинг
Тараканы.
На стене—
Картинка с Ильичем,
Под божницею—
Угодник драный.
За столом
Седая голова—
Как сноп гречишный—
Роняет зернами слова
Чуть слышно.
На задней лавке
Прялка с донцем
Обняли друга по труду
Куделю.
А с улицы
В раскрытое оконце
Бабочки солнечные налетели.
А с улицы
Пахнуло ветерком,
А с улицы
Ворвалось:
Ти, ли, ли...
Заходило сердце челноком,

На душе
Лужайки зацвели.
А перед печью,
Где угольков рыжики,
Ребятишки
Словно чижики
Про коммуны щебечут.
Даже Васька-кот
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся утру голубому.
Здравствуй, утро,
Здравствуй, Май,
Здравствуй, зелень вешняя!
В месяц май
Не вспоминай
Думушки давнишние!
Ну и пусть
Настанет вечер,
День свечью догорит,—
Ноши,
Ноши просят плечи!
Силу труд не уморит!

И. ДОРОНИН.

ВЕСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ.

Ой, цветы,
Цвети, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним;
Я на днях,
На днях—у дальнего овина
Целоваясь с миленьким нездешним.

Все было хорошо.
Так хорошо—
И блузы синий цвет
И запах тополей,
Он из города
Ко мне пришел.
Я с полей.

Он сказал:
— „Вернуся я к покосу,
Будем травы
На лугах косить“.
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил.

О, вы, ржи,
Зеленые вы ржи,
Мне бы с вами жить.
Озелениться мне бы,

Я люблю смотреть
Как ваша ширь дрожит
Под солнечной гладью
Неба.

Жаворонок,
Выше,
Громче,
Громче,
Выше надо мной.
Сердце просит,
Сердце хочет
Захлебнуться
Майскою волной!

Знаю,
Скоро
На широкой ниве
Будет серп мой
В золоте звенеть.
На деревне
Нет меня красивей,
На деревне
Нет меня дельней.

Ну и пусть судачат
Бабы,
Дуры,
Будто норовлю
В коммуны я:
В огороде лебеду
Обходят куры,
Сплетен лебеду
Давно мину я.

Ой, цветы,
Цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь грозди

Соком вешним.
Я намедни,
Я намедни у овина
Целовалась
С миленьким нездешним.

ЛЕСУ.

На земле молодой и новой,
Где дожди горячей и шумней,
Вырастай, зеленоголовой,
Под весенние вспышки лучей...

А пока не пророс под грозою
В крепкоствольный, незыблемый бор,
Развевай солнценосной листвою
Свой живой и победный задор...

Знаем: в ветре сухом и жестком
Гибнут жилистые кряжи...
Потому вот в росток березки
Мы вплетаем и радость и жизнь.

Потому мы под песни дубравы,
Когда бредит весной чернозем,
Молодой многорукой оравой
Вместе с лесом растем и растем...

На земле молодой и новой,
Где дожди горячей и шумней,
Вырастай, зеленоголовой,
Под весенние вспышки лучей...

ДМИТРИЙ ЧЕТВЕРИКОВ.

Современный поэт.

ДРОВОСЕКИ.

Звонко пели-напевали топоры,
Не молчали,—отвечали комары.
По кедровнику шел ровненько разрез
Дровосеки—три просеки через лес,

По кедровнику шел ровненько топор,
Дровосеки—три просеки через бор.

Стук в сук

Сто рук.

Брызжут щепы.

Рубят скрепы

Враз.

Жила к жиле положили лес сырой,
Дерева-то: в два обхвата! Только строй!
Те-ли силы! Пели пилы—поперек!
Пролегли в хрусте галек сто дорог.

Эй, свай,

Подавай

Оси вкось,

Сунь и брось

Враз!

Ложим ровно срубом бревна паз на паз,
Оком бросим—окон восемь, восемь глаз.
По карнизу сверху к низу резь-резьба.
Крепки срубы, круглы трубы—вот изба.

В тес гвоздь,
В избу гость,
Лавки гладки,
Шаньги сладки,
Ешь!

В путь-дорогу. Стройки много вдоль земли.
Обтесали. Разом встали. И пошли.

Хилый мост
Пилы в холст.
В дали, в дали
Зашагали
Все...

КУЗНИЦА ПРИ ДОРОГЕ.

Вот кузница при дороге
Стоит, как гриб, разбухший под дождем.
Кузнец—Игнат, уже старик безногий,
Дрожащий над ухватом и гвоздем.
Глаза белесые. В заплатанной рубахе,
Уже с утра он под осадой баб.
Кричат, ругаются. Но жизнь в тяжелом взмахе,
В презрении на высохших губах.
А на полу, среди плевков и сора,
Заклепка к плугу, зуб от бороны,
Заржавленная старая рессора
И штык с войны.
Игнат суров. Лицо в угрюмых складках.
Да и тяжел теперь он на под'ем.
Вот к непогоде колет под лопаткой,
Весь дребежжит, пора уже на слом!
Но смерть молчит. А жить—так жить у горна,
Неделя—две, и захрустит ледок,
Все так же равномерно и упорно
Заходит по подковам молоток.
И кузница стара, вся на подпорках,
Но и она кряхтит, а не сдает.
Молчит Игнат. Он продымит махоркой
Неделю, месяц, может быть и год.
Живет старик, живет. Седеет редкий волос.
Кряхтит и охает. Работает молчком.
Но всю мужицкую, соломенную волость
Он держит под железным молотком.

П. РАДИМОВ.
Современный
крестьянский поэт.

ПАХАРЬ.

Песня земли и черна и темна.
Тяги народной и силы полна.
Эй, привалился всей грудью к сохе!
Солнце блестит на твоём лемехе.
Много работы работал ты встарь
Вскормлен тобою боярин и царь.
Не удалися питомцы твои.
Нынче без них, не горюя, живи.
Нынче свободы своей не отдай!
Недругу грозно скажи: не замай!
Любо хозяину землю пахать.
Пахарь-Микула, тебе исполать!

XIV
САТИРА

КЛАРNET И РОЖОК.

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком берегу
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
— „Здорово“,—пропищал кларнет.
— „Здорово, брат“,—рожок в ответ,—
Здорово,
Как вижу, ты—из городских...
Да не пойму: из бар, иль из каких“.
— „Вот это ново,—
Обиделся кларнет,—глаза вперед протри
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немножко схож,
Но за талант я свой в места какие вхож...
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князя и графы.
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою—быки с коровами одни
Хвостами машут“.
— „То так,—сказал рожок,—нам графы не сродни.
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут“.

С О Н.

- Мать богородица... С чего бы вся причина...
Аль торговал ты без почина?..
Гордеич.. Батюшка.. Очнись... Христос с тобой“!..
Купчиха плачется. Но в тяжком сне купчина
Ревет белугою: „Ограбили... Разбой...
У... воры... у... злодеи...
Вишь... грамотеи ..
Каки
Таки
Идеи...
Гордеич, почернев, сжимает кулаки.
— „Федосьюшка“! — Купчиха с перепугу
Зовет прислугу:
— „Воды“! — Окаченный чуть не ведром воды,
Свалился наш купец с постели:
— „Тьфу! Сны какие одолели...
Впрямь, не дожить бы до беды“...
— „Спаси нас, господи! — заохала купчиха.
— „Спасешься, мать, дождавшись лиха.
Сон, чую, не к добру.
Что снилось-то, смекай: как будто поутру
Вхожу я это в лавку...
Иду к прилавку...
Приказчиков — ни ни...
Где, думаю, они?
Зову. Молчок. Я — в кладовую.
Ну, так и есть: все сбились в круговую —
Взг угадай ты — для чего?

Картишки? Пьянство? Ох, все-б это ничего.
А тут — взобравшись на боченок.
Приказчиий журнал читает всем мальченоч.
Микитка... чертов куль... сопляк,
Что из деревни нам зимой привез земляк.
— „Товарищи“, — орет подлец: — „пора нам
Обреть лекарства нашим ранам!
Пора хозяйскую нам сбросить кабалу,
Губившую наш ум, калечившую тело...
Об'единяйтесь! Спасенья час приспел“!...
Ну, знамо дело,
Я дальше не стерпел.
Грудь сперло. Затряслись не то, что жилы, — кости,
Не разбуди меня ты во-время, от злости
Я-б, верно, околел“...
О басне не суди, читатель, по заглавью.
Что было „сном“, то стало „явью“.
Вот только в басне нет конца:
Я после расскажу насчет судьбы купца.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

ХОЗЯИН.

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:

— „А ну-ка, миленький, а ну-ка,

Что говорит твоя хваленая наука“?

— „Да вот... рассказ про паука“.

— „Ась“?—Екнуло у старика:

„Паук... Ну, что же он, к примеру?“

— „Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.

Добро, что нет средь пауков

В рост человеческий великанов:

Такой паук бы с'ел в день дюжину быков

И дюжину баранов“.

— „Ух! захлебнулся старичек.

Ай, божья тварь! Ай, паучек!

Приноровился-б, чай, подлец, да наловчился,

Уж то-то бы... хозяин получился“!

СВЕЧА.

— „Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог! И потонуть не долго.

А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно“.

Приказчик мечется, хлопочет,—

А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:

— „Святители!.. Раззор!..

Чины небесные, Арханделы и Власти,

Спасите от лихой напасти!

Я добрым делом отплачу...

Сведу в лампы пуд елею...

Под первый праздничек свечу

Вот с эту мачту закачу...

И сотельной не пожалею?!..

То слыша, говорит приказчик Пантелею:

— Ты это что-ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?

Да где же ты свечу такую раздобудешь?

— Молчи, дурак, — умнее будешь!

Хозяин отвечал, сквозь слез:

„Дай только вымолить скорей у неба жалость,

Чтоб я с моим добром остался невредим,—

А там насчет свечи мы после... поглядим...

Укоротим, пожалуй, малость“...

НА ЧТО ПОКОЙНИКУ САПОГИ.

Мужик, Исай Слепых, уже давно больной,
Жить приказал на Фоминой.

Покой ему, бедняге, вечный!

Вдова к попу—насчет убогих похорон.

А к слову поп, отец Мирон,

Был не в пример другим. на редкость поп сердечный.

Узнав от плачущей вдовы,

Что нечем будет ей платить за похороны,

Он молвил:—„не у всех в кубышках миллионы.

Сам знаю я, твои достатки каковы.

Да, много горестей узнаешь ты, вдовея...

А что до платы мне... так дело не в деньгах...

Покойный твой Исай, мне помнится, говея,

У исповеди... кхе!.. был в новых сапогах”.

На следующий день несли в гробу Исаю.

Поп, на ноги свои украдкой взгляд бросая,

(Ух, чорт, и сапоги ж!) гнусил, распялив рот,

А сзади, по снегу, с гурьбой босых сирот,

Исаева вдова плелась босая.

В МОНАСТЫРЕ.

— „Здесь,—богомолке так шептал монах смирен-
ный:—

Вот здесь, под стеклышком, внутри сего ларца,

Хранится волосок нетленный,—

Не знаю в точности, с главы или с лица,

Или еще откуда—

Нетленный волосок святого Пуда.

Не всякому дано узреть сей волосок,

Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,

Чье сердце от страстей губительных свободно

И чье моление к святителю доходно“.

Умильно слушая румяного отца,

Мавруша пялила глаза на дно ларца.

— „Ах,—вся зардевшись от смущенья,

Она взмолилась под конец:—

Нет от спасителя грехам моим прощенья.

Не вижу волоска, святой отец“!

Отец, молодушку к себе зазвавши в келью,

И угостив ее чайшкой с карамелью

И кисло-сладеньким винцом,

Утешил ласковым словцом:

— Ужотко заходи еще... я не обижу.

А что до волоска—по совести скажу:

В ларец я этот сам уж двадцать лет гляжу

И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!..

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

БОГОМОЛКА.

У лавры Троицкой, в слободке,
Монах повадился ходить к одной молодке.
Муж со двора, монах во двор.
Зачем? Нескромный разговор.
Одначе, как то муж все шашни обнаружил
И, сцапав в добрый час духовного отца,
Уж так-то, так его утюжил:
С того и с этого конца!
То видя, всплакалась соседка богомолка:
— „Стой, стой, безбожник! Стой! С ума сошел,
Миколка!

Не тронь священного лица!“
— „Так я ж накрыл его с женою, шельмеца“!
— „Накрыл его с женой.. Подумаешь: причина!
Да ты б еще ценил, что может через год
Вдруг женка даст приплод,—
И от кого приплод, пойми ты, дурачина:
От ангельского чина“!

Вот с богомолкою подобной и толкуй.
Не дай господь такой обзавестись хозяйкой!
Заладит, что ни день, „ИСАИЯ, ЛИКУЙ“!
С монахом снюхавшись, с Исайкой.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

КРЕЩЕНИЕ.

Дьячек Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.
Кто думал про детей, а батя— про отцов:
— „Ужотка проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили!
Церковный сенокос и поле поделили,
На требу таксу завели...
Приходится сидеть, как раку, на мели:
Нет ни почету, ни доходу“!
С перекосившимся от злой усмешки ртом
Поп ребятишек в воду
Стал погружать гуртом:
— „Во имя... Отца... и Сына... и Святого Духа...
Крещаются младенцы: Голиндуха...
Евпл... Хуздазад... Турвон...
Лупп... Кирса... Сакердон...
Ексакостудиан... Проскудия... Коздоя...“
Чрез полчаса
В деревне шум стоял от ругани и воя.
Ермил накинудся на кума, на Сыся:
— „Кого же ты носил крестить: дите, аль пса!
Как допустил его назвать ты... Сакердоном“?!
В другом конце сцепился Клима с Антоном:
— „Как, ты сказал, зовут мальчика“?
На куме не было лица.

— „Эк.. сам...—установился бедняк убитым взглядом
На раз'яренного отца:—

Как, бишь, его... Кума с попом стояла рядом..

Эх... сам..

— „Что сам?.. Крестил, аль что? Ты, леший, пьян“!

— „Я? пьян? Ни боже мой!— Кум жалко усмехнулся:—

А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян“

— „Сам под кустом Демьян?! Ай, братцы! Он
рехнулся“!

Пров кума своего на все лады честил:

— „Ты ж где, подлец, в лесу дите мне окрестил,
Аль у соседского овина?

Как, повтори, зовут мальчика“?

— „Ху... Хуздазад“!—

— „Что? Сам ты хуздазад! Вон со двора, скотина!
Неси дите назад“!

— „Ай!—Кузькина жена в постели горько билась:—
Какого Евпла мне, кума, ты принесла?

Евпл!... Лихоманка б вас до смерти затрясла“! —

У Сурина Наума

За Голиндуху так благодарили кума,

Что не сбежись народ на шум,

Крестины век бы помнил кум.

„При чем тут кумовья? Опричь попа Ипата,—

Мне скажут,—ни одна душа не виновата“.

Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,

Из кумовей попав кому-то под ослеп,

Ссылаться пробовал на святцы,

Но... Я при этом не был, братцы!

ПАУКИ И МУХИ.

Дили—бом!.. Дили—бом!..
Стоит церковь—божий дом,
А в том доме—паучек,
Паучек—крестовичок,
Паучок семи пудов,
„Все от праведных трудов“.
Нахлобучивши клобук,
Ухмыляется паук
И трезвонит целый день:
Делень—день!.. Делень—день!..

Паук весело живет.
Паутиночку плетет—
В паутину ловит мух:
Молодаек и старух,
Молодцов и стариков—
Богомольных мужиков.

Мухи жалобно жужжат,
Пауку несут деньжат,
Все, что нажили горбом,
Дили—бом!.. Дили—бом!..

Ай, вы, братцы—мужики,
Горемыки—бедняки,
А давно уж паука
Взять пора вам за бока:
Ваши души он „спасал“—
Вашу кровушку сосал,
Да кормил жену и чад—
Паучиху, паучат,
И пыхтел, ослабив рот:
— „Ай, дурак же наш народ“!

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА.

Взыде дьякон—Агафон
На церковный амвон,
А поп—Савелий
Пьяница велий,
Ловя блоху на пояснице,
Из алтаря возгласи ему сице:
— Дьякон—Агафошка,
Посмотри-ка в окошко:
Не идет-ли кто-о-о?
Не несет-ли чего-о-о?
И взреве дьякон во всю глотку:
— „О, еже помянути нам Климову молодку.
Она к церкви идет,
Телесами трясет,
Телесами трясет,
Крынку масла несе-е-е-ет“!..
То слыша, перед иконостасом,
Воспе дьячок Илья козлиным гласом:
— „Подай-ай, Го-о-спо-ди-и-и“!
И творя дьякону умильные знаки,
Возгласи поп Савелий паки:
— „Дьякон—Агафошка,
Посмотри-ка в окошко:
Не идет-ли кто-о-о?
Не несет-ли чего о-о“?
И взреве дьякон, что есть духу:
— „О, еже помянути нам Пахомову старуху.

Она к церкви идет,
Старыми костями трясет,
Старыми костями трясет,
Куль муки несе-е-е-ет!"
И паки дьячок Илья пред иконостасом
Воспе козлиным гласом:
— „Пода-а-ай, Го-о-спо-ди-и-и!"
И в третье возгласи поп-Савелий сице:
— „Слава Тебе, пречестней, пренепороч-
ней Царице!..
А посмотри-ка, дьякон Агафошка,
Еще раз в окошко!
Не идет-ли кто-о-о?
Не несет-ли чего-о-о?"
И возопи дьякон, воздев к Спасу длани:
— „О еже спастися нам от междоусобные
брани!

Вижу мужика Вавилу:
Он к церкви идет,
Бородою трясет,
Бородою трясет,
Дубину несет,
Несет преогромную дубину
На поповскую спи-и-ну!"
И, предстояще пред Господом неотступно,
Поп и дьякон с дьячком взмолилися купно:
— „Те-бе-е-е, Го-о-спо-ди-и-и!"..

ТИТ-ЛОДЫРЬ.

Перезвон звонит пасхальный.

— „Делень-делень-делень-день,
Делень-день,
Делень-день,
День,
День!..

На полатях Тит печальный
Дрыхнет, дрыхнет целый день,
Целый день.

В голове у Тита пусто,
В животе не густо.

— Тит!

— Проваливай отсель!

— Тит, советский ел кисель?

— А каков на вкус то?

Тита голод ущемил,
Коммунизм ему не мил..

Лодырь прав отчасти:

Ждал он сладких пирогов,

Ягод сочных,

Рек молочных

И кисельных берегов

От советской власти,—

Дождался-ж... напасти.

Это-ль Титу манифест:

— „Кто не трудится,— не ест“!

Истинные страсти.

Сколько Титов на Руси

На полатях дрыхнет.
Титу порох поднеси:
Ни за что не вспыхнет.
Тит—не мыт, на нем—кора,
А уж вошь—на племя.
— Тит, почиститься пора!
— Ладно, будет время!
— День делень-делень-делень,
 День-делень.
 День-делень,
 Лень,
 Лень!..

На полатях Тит угрюмый.
— Тит, подумай!..
— Думать лень!
— Думать лень!
Тит лежит, лежит колодой:
— Во! Попробуй, угрызни!
С этой лодырской породой
Много будет нам возни.
Не жалея крови-поту
На заглохшей полосе
Дружной ратью на работу
Станут труженики все.
И когда рабочей рати
Час придет снимать плоды,
Тит, покинувши полати,
Влезет в первые ряды:
— „Братцы, я... да всей душою...
Что коса мне, что метла"...—
Сядет с ложкою большою
Тит у общего котла.
Но... обильною окрошкой
Вряд-ли Тит набьет кишку;
Кто-нибудь его же ложкой
Разобьет ему башку.

ВОШЬ.

В углу, на стареньком бурнусе

Ломала в горе лапки вошь:

— За что-ж меня? За что-ж?..

— Ох, Господи Иисусе!

— Ох, Господи Иисусе!

— Ба... слезы!..—рядышком уселася блоха:

Чем стала жизнь твоя плоха!?

— Ох!—вошь тут пуще завздохала:

Ты разве, блошка, не слыхала...

— Про что? Скорее... Я спешу.

— Про большевистские... злодейские планы...

От вошегубства их... Ох, я едва дышу!..

На вшей готовятся арканы...

— Шу-шу..,—из всех щелей полезли тараканы:

Шу-шу!.. Шу-шу!.. Шу-шу!.. Шу-шу!..

— Что тут за шум?..

Кого убили?

— Вошь, слышно, крепко оскорбили!

— Кто оскорбил? Блоха? Держи ее! Лови!

— Держи!

— Лови!

— Ах, чорт! Гляди-ж ты: ускакала!

— Ну, погоди уже! Ответишь за разбой!

— Скажи, что вошенька с тобой?

Каких таких долгов с тебя блоха искала?

— Ох!—вошь захныкала в ответ:

Ох, братцы, таракашки!

С блохою не дрались,— держали мы совет.
— А мы-то думали... Так что-же вы, милашки,
Тут шум затеяли такой?
С чего ты слезы льешь рекой?
— На большевистские я плакалась замашки.
Об'явлен...
 слушайте!
— Шу-шу!.. Шу-шу!.. Шу-шу!..—
— Об'явлен нонеча у них поход на вшу!
Сам Ленин об'явил,— их главный воевода!—
Что вшам пощады нет: вошь — злейший враг народа.
 Белогвардейка вроде... н-да!
— Ну, что ты, мать?
 — Да неужели?!
— Вошь вне закона!
 — О, беда!
Тут таракашки—кто куда.
 Со страху все забились в щели,
 Оставив плакать вошь одну:
— Шут с нею! Втянешься из за нее в войну!

— Вот, где она помеха!
Вошь, таракан, блоха!
Поход... ах-ха-ха-ха!.. на вошь!.. ах-ха-ха-ха!..
 Друзья! Тут места нет для смеха!
Вошь есть не просто вошь, а некий злой символ
Былых властителей жестокий произвол,
Всеиздевательство господ над людом „черным“,
Вся грязь российская, грязь тела и души,
Все, что губило Русь дыханием тлетворным,
Все воплощение свое нашло—во вши.
Помещик, телеса омыв душистым мылом,
И накрахмаленным гордясь воротником,
Глумился походя над „неумытым рылом“,
Над „обовшивившим и грязным мужиком“.
Помещик ширил-я. Мужик в хлеву теснился,

Он с грязью свыкся и сроднился,—
Вошь ближе всех была ему родней,
Он вспоминал об ней и в радости и в горе,
В площадной ругани, в душевном разговоре, —
Слагал пословицы и часто пел о ней:

„Вошка парилась да ударилася
Ненароком
Правым боком.
Вывихнула ножку,
Хоронили вошку
Во тесовом гробу,
Словно божию рабу“.

Живя в грязи, мужик твердил, „что грязь—не с ало-
Помял, оно отстало“.

Корой покрылся, горя мало
И темен и убог,
Откуда знать он мог,

Что там, где грязь, там вошь, а вошь плодит
заразу—

Разгул горячек и корост.

Когда случилось, что полдеревни сразу
Переселялося от мора на погост,
Мужик,—он все сносил, он все сносил покорно,
И сам, ложась до срока в гроб,
Рукой холодную крестя холодный лоб,
В суд божий веровал упорно:

„Господь... карает .. за грехи“!..

А утром, выпивши с помещиком две фляги,

Поп слушал исповедь бедняги:

— Грехи, мой сын, грехи. А сам в кулак: „хи-хи“!..

Попу с помещиком „мужицкий грех“—потеха,

Нам нынче не до смеха,

Мы с шеи сбросили народных кровопийц,

Сановных палачей, потомственных убийц.

Мы добиваем их остатки—

Но потруднее этой схватки

Нам будет—долгий, долгий бой
Вот с этой „божией работой“,
Вот с этой вошью, серой, грязной,
С наследьем жизни безобразной,
Той жизни, что теперь,—где наспех, наугад,
Где по продуманному плану,—
Все язвы выводя, леча за раной рану,
Мы общей силою на новый строим лад.
И наша ли вина, что в деле новой стройки
Не обошлось... без вошебойки...

С. ЗАРЕВОЙ.
(1881—1920 г.)

ПОРТНОЙ И РЯСА.

Пел песню весело портной,
На нарах перед ним лежала ряса,
Товарец—мягкий, шерстяной,
Подкладка из атласа
Не мало лет она была в чести,
И запах был в ней ладана, елея,
Но наш портной пороть стал и трясти,
Священной рясы не жалея...
Суконце осмотрев со всех сторон
И ножницы взяв в руки,
Кроить тут начал он—
Рабочему пиджак и брюки.
Озлилась ряса: „Хам ты и дурак!
Не можешь так
Со мною обращаться:
Во мне сам бог изволил воплощаться,
Взгляни, я не кафтан простой,
А рясою считалась иерея!
Священника!.. Так будь ко мне добрее,
Мой сан—святой!“
Портной, чертя по рясе мелом,
Сказал, прищуря глаз:
„Твой пробил час!
Давай иным займемся делом.—
Довольно ты морочила всех нас;
Какое святотатство
И в чем я согрешил?

Не бог, а я тебя ведь шил?
Как был в тисках невежества и рабства!

* * *

Мораль у басни такова:
Народу все даны права,—
Он, как портной, для новой жизни
Все может перешить, перекрыть в отчизне.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ.

Петух, однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор.
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.
Навертывается и мораль:
туда же
догу
не пора ль?

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ.

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме шапочки, доставшейся кадету,
Ни черта в нем красного не было и нету.
Услышит кадет — революция где-то,
Шапочка сейчас же на голове кадета.
Жил припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед
Поднялся однажды пребольший ветер,
в клочья шапочку изорвал на кадете.
И остался он черный. А видевшие это
Волки революции сцапали кадета.
Известно, какая у волков диета:
Вместе с манжетами сожрали кадета.
Когда будете делать политику, дети,
Не забудьте сказочку об этом кадете.

РАССКАЗ ПРО ТО, КАК КУМА О
ВРАНГЕЛЕ ТОЛКОВАЛА БЕЗ ВСЯ-
КОГО УМА.

Врангель прет.
Отходим мы.
Врангелю удача.
На базаре
Две кумы,
Вставши в хвост, судачат:
— Кум сказал—
а в ём ума!
я то куму верю,
что барон-то—
слышь, кума,—
меж Москвой и Тверью.
В Кремль, мол, в'еду на вечер.—
не было б лишь лень нам!..
В ероплане,
давеча,
Троцкий скрылся с Лениным.
Чуть не даром
все в Твери
стало продаваться,
—... Пуд крупчатки..
— Ну,
не ври..
—... пуд за рупь за двадцать.
А вина, скажу я вам!
дух над Тверью водочный.

Пьяных лично по домам
водит окологородный.
Влюблены в барона власть
левые и правые.
Ну, не власть, а прямо сласть,
просто равноправие.
Встали, ртом лова ворон.
Скоро-ли примчится?
Скоро-ль будет царь-барон
и белая мучица?

Шел волшебник мимо их.
— На—сказал он бабе—
скороходы сапоги,
к Врангелю зашла-бы!

В миг обувшись,
шага в три,
в Тверь кума на это.
Кум сбрыхнул ей:
во Твери
власть стоит Советов.
Мчала баба суток пять,
рвала юбки в ветре,
чтоб баронский
увидать
флаг на Ай-Петри.

Разогнавшись с дальних стран.
удержаться сияясь,
баба
прямо
в ресторан
в Ялте опустилась.

В Гранд-отеле
семгу жрет
Врангель толсторожий.
Разевает баба рот

на рыбешку тоже.
Метр д'отель
желанья те
зрит и на подносе
ей
саженный метр д'отель
карточку подносит.
Всё в копеечной цене.
С'ехал сдуру разум.
Молвит баба:
— Дайте мне
всю программу разом!
От лакеев мчится пыль.
Прошибает пот их.
Мчат котлеты и супы,
вина и компоты.
Уж из глаз еда течет
у разбухшей бабы!
Наконец-то
просит счет
бабин голос слабый.
Вся собралась публика.
Стали щелкать счеты.
Сто четыре рублика
выведено в счете.
Что такая сумма ей?
Даром!
С неба манна.
Двести вынула рублей
баба из кармана.
Отскочил хозяин.
— Нет! —
(Бледность мелом в рожу) —
— Наш то рупь не в той цене,
наш в миллион дороже. —

Завопил хозяин лют—
— Знаешь разницу валют?!,
Безпортошных нету тут,
генералы тута пьют.
Возопил хозяин в яри:
— Это, тетка, что же?
Этак—каждый пролетарий
жрать захочет то же.—
— Будешь знать, как есть и пить,—
все завыли в злости.
Стал хозяин тетку бить,
метр д'отель и гости.

Околодочный
на шум
прибежал из части.
Взвыла баба:

— Ой,
прошу,
защитите власти*!
Как подняла власть сия
с шпорой сапожища..
Как полезла
мигом
вся
вспять
из бабы
пища.

— Много, молвит, благ в Крыму,
только для буржуя.
А тебя, мою куму,
в часть препровожу я.—
Влезла тетка
в скороход
пред тюремной дверью,
Как задала тетка ход

в Эрсефесерию.
Бабу видели мою
наши обыватели.
Не хотите
в том раю
сами
побывать-ли?!

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ.

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,—
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание,
отобрав с полсотни—
самые важные!—
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:

— „Не могут-ли аудиенцию дать?

Хожу со времени она“.

— „Товарищ Иван Ваныч ушли заседать—
об'единение Тео и Гукона“.

Исколесишь сто лестниц.

Свет не мил.

Опять:

— „Через час велели придти вам“.

Заседают:

Покупка склянки чернил

Губкооперативом.

Через час:

ни секретаря,

ни секретарши нет—

голо!

Все до двадцати двух лет
на заседании комсомола.
Снова взбираюсь, глядя на ночь,
На верхний этаж семиэтажного дома.
„Пришел т. Иван Ваныч“
— На заседнии
А—Б—В—Г—Д—КОМА.

Вз'яренный, на заседание взрываюсь лавиной
дикие проклятья дорогой изрыгая,—
И вижу:
сидят людей половины.
О, д'явольщина!
Где же половина другая?
„Зарезали!
Убили!“
Мечусь, оря.—
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
„Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там“.

С волнения не уснешь.
Утро раннее,
Мечтой встречаю рассвет ранний:
О, хоть бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний.

ОБНОВЛЕНИЕ КУПОЛОВ.

На деревню к нам наемни
С поля странница пришла.
Говорит: „в селе соседнем
Обновились купола“.
Плачет, крестится, божится:
„Обновились на виду!
Коли вру,—руки лишиться,
Пусть я с места не сойду“!
Раскудахтались старушки,
Попадья плясать пошла:
„Чудо нам! На церковушке
Обновились купола“.
Поп тоскует, чуть не плача,
С горя дует самоквас:
„Эко, право, незадача—
Обновились не у нас“!
В лавке лавочник, потея,
Ухмыляется в кулак:
„Тут не хитрая затея,
Только поп у нас дурак“.
Сплетня ходит как по шпалам,
Очень даже далеко,
Потому еще не мало
На деревне дураков.
Сплетня катится проворно,
Забежала в комсомол.
Комсомол, как крепкий жернов,
Эту сплетню умолол.

Собрались в клуб комсомольцы,
Клуб частушки написал.
Как на тройке колокольцы,
Зазвенели голоса:
„Как у нашего села
Обновились купола.—
Не в церквах, на каланчах,
А в народе на плечах.
Прежде было: тычет в рыло
Поп кадиллом, а в затылок
Сам урядник кулаком,
Значит, купол—кувырком.
Нынче ж наш народ не глупый,
Он себе проветрил купол,
Держит купол высоко,
Смотрят книжки из висков!
Не на попьем теремочке
Обновились куполочки,—
Обновились купола
На плечах всего села.
Нету выше колокольни
Нашей красной комсомольни.
А с нее все тот же звон:
Разум—жизни всей закон!
Топчет мальчик подорожник,
На село несет „Безбожник“,
Чтобы в наши купола
Зорька разума взошла.
Ври, старушка-завирушка!
И на ваших церковушках
Купола мы обновим
Красным знаменем своим“!

ДМ. ЗЕМЛЯК
Современный
крестьянский поэт

МОЛИТВА.

Со слезами в горле пред иконой,
Еремей высчитывал поклоны.
В полутемном храме больше часу
Говорил он с деревянным Власом:

..Ты услышь, услышь меня угодник!
У меня по милости господней
Кобылица здорово хворает,
А теперь... быть может, умирает.

Что ни час, то кобылице хуже.
Без нее кому-ж я буду нужен?
Ты пойми: во всей деревне нашей
Лишь вдвоем мы полосы не пашем.

А ведь я до Пасхи еще думал,
Что помочь необходимо куму.
Мы зажгем перед тобою свечи,
А молиться будем каждый вечер

И тебе и богу, что в трех лицах.
Исцели ж, угодник, кобылицу!
Перед Власом свечка догорела,
А в деревне... лошадь околела

М. ВОЛКОВ.

Приластярский писатель.
Род. в 1886 г.

ГОСПОДЬ СПИТ.

Шш... несется по раю—Господь спит...

У опочивальни толпа святых: кто с докукой,
кто с заступой за кого пришел.

Ведь с земли безперечь скулят:

— Подай, господи...

Точно нищие—прости, Господи, великое со-
грешение—клянчат.

Кажись всем наказано: на бога надейся, а сам
не плошай...

Дан тебе разум разумный, живи, трудись—
пользуйся от угодий всяких, коль одному не в мо-
готу—в артель сбейся: огулом работай... Всяк толь-
ко и норовит, как бы на шею другому сесть—в
карман кому лезет, а Господа бога в помощь зо-
вет:

— Пода-ай господи...

Застрянет чья-либо молитва в небесной кан-
целярии, до Господа не дойдет—святых докучают:

— Преподобной отче Исаакие, моли бога о
нас...

— Великомучениче Антипе, мо-оли бога о
нас...

Оно, пожалуй, Исаакию с Анатипом и лестно
коли к ним кучатся: свечи палят, кадильницы ды-
мят.

Ну, заступчики и толпятся пред опочивальней,
чтобы скорее Господа перехватить, коли проснется.

Тут и митрофорные, амофорные, архиереи, в шапках золотых, в ризах парчевых, разных клинушков, образков на себя повешали: „я мол, не таков, как прочие, а благородный“...

Блестит средь хламид старолавних и воинское убранство...

А вон пещерник Ануфрий, так в чем мать родила щеголяет, блажит старик.

Сам Господь не раз намекал: „ты бы Ануфрий хоть бесстыдство рухлядью какой прикрыл... небось здесь на люлях, а не в пещере кротом копаешься... жен и дев непорочных в соблазн вводишь“...

Не подействовало... Где подействовать, коли, у Ануфрия от древности в голове мозги, в грибу-дождевике пылью стали; пшык—и нет ничего...

Махнул Господь рукой—отрастил ему бороду до пят; ходит—по земле метет—все же чуть чуть наготу сокрыл...

В поворотах рая шум:

— Никола пришел...

Риза в навозе—вонь.

Голос бубнит: огрубел, с мужиками валандавшишь...

— Где тебя, Никола, перепачкаться угораздило.

— Да, вишь ты, дело такое вышло: вез мужик навоз в поле—землицу матушку напитать... воз-от возьми да запрокинься кверху копылками... Бился, бился бедный мужик и так и сяк—не тут-то было... И давай с горя-досады чертей матерщиной крыть, потом и до святых добрался. Ну, я и подвернулся...

— Чай смертью поразил богохульника...

— Не... Воз поднял...

— О... о...

— Совсем омужичился...

— Господь где?

...Шш... Шш... Господь спит...

— Все спит, да спит—разбудить надо... Дело у меня до него спешное есть.

— Небось, за мужика какого кучиться хочешь...

— Там жена некая молит: муж при последнем издыхании... Сама шестера... прохворал мужик-то, поле незапаханным, осталось...

Эх, чем жить то будут... Костлявая уж и косой замахнулась, да я упротил обождать малую толику...

— И охота тебе, Никола, с мужиками вечно канителиться... В раю словно месяц молодой—покажешься и опять за тучку скроешься... Неужто на земле привольнее...

— Не в пример... Злыдни там меньше... Случается иной раз и за бороды потаскаются, бока кому намнут,—придет прощенное воскресенье—друг дружке в ноги: Прости, брат, коль обидел чем... На примиреньи и шкалик пополам раздавят... А здесь злоба веками с уст не сходит...

— Ну, ты, не больно—не с мужиками...

— Поду-умаешь...

...Шш... Господь спит...

Идет Илья - громовик—кнутиком пощелкивает, зарницами поблескивает.

— Господь не проснулся еще... Кони дыбятся—не стоят... Вон захудаловские мужики вторую неделю с крестным ходом в поле—молебны служат: дождя просят—зерно перегорело... Начали сохи пропивать, все едино, говорят, с голодудохнуть придется...

— Осадите, старцы божьи, назад... Осадите... наводит порядок Михайла Архангел. Он поставлен

сон Господний блюсти; вдруг кто за занавеску юрнет, господа потревожит...

— Ишь, какой военно-начальник выискался...

— Что—о...

Все-таки назад подались—малый—сорви-голова, и по бокам забарабанит—от него все статья может.

Вишь, Егорья в войну с Люцифером получил—ну, и превозносится—„я, дескать, герой“...

Шш... Господь спит..!

— Дети мои, любите друг друга—якоже возлюбил Господь—проверещал мимоходом Иван Богослов.

Шипенье змеиное заструилось:

— Подхалим...

— Нашел дураков...

.....

За занавеской зевок:

— И—а—... ох, хо—хо...

Господь проснулся... Господь проснулся... засуетились все...

— Михайлу, сюда... прогремел голос.

Вмиг лики облаговеились: умиление и радость душевная разлилась.

— Хвалите имя господне...—запели.

Выходит от Господа Михаила Архангел:

— Вы чего разгалделись... Господь снова опочил—только на другой бок повернулся...

Ворчит Илья-громовик:

— Захудаловские мужики начали и кресты с иконами пропевать.

Чешет в затылке Никола:

— Помрет у жены муж-то... сама шестера...

Ропот среди святых:

— Что—мы на архиерейском служении стоим.

— Осади назад... Вас честью просят...

А святые все прибывают и прибывают: кто с доукой, кто с заступой за кого...

С земли: коптят свечи; чадят кадила — до чихоты разбирает — и безперечь ноют:

— Пода — ай, господи...

..Шш.. Господь спит...

.....
Молитесь, молитесь православные, за богом молитва не пропадет... а сами сидите, ручки сложивши, да тяните:

— Пода — ай, господи...

И благо вам будет... бла — аго.

М. ПРАСКУНИН.

Крес-гьянский поэт.

Род. в 1874 г.

Не сберешь мечты в вязанку,
Грез в возу не увезешь
Марке, доллару и франку
Светит буйно медный грош.

Не замазать, не залапать
Сказке юное лицо!
Хмельно занял лычный лапоть
В светлом тереме крыльцо.

С рубежей бегут проселки
И тарашит мир очки—
Как на печках в яром шелке
Скачут Ваньки-дурачки.

Взмойте песни хороводом
Выше к самым небесам:
Русь мазнула сладким медом
Миру-деду по усам.

А сама корцом чеканным
Брагу сыченую пьет.
Дел! утрись полой кафтана
Возле пира у ворот...

XV

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ПЕСНИ

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась.—
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбрили
Кудри черные, как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он,—
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор.

Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным,
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь,—
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не придется с этой силой
Силу ратную тряхнуть,—
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

„Как под городом Симбирском—
(Думу думает Степан),—
Рать казацкая побига,
Не побит лишь атаман.

Знать уж долюшка такая,
Что не пал казак в бою
И сберег для черной плахи
Буйну голову свою.

Знать уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал.
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменою, неправдой
Голова моя взята.

Вот, сейчас на смертной плахе
Сгубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой, ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка-река!
Помяните добрым словом
Атамана казака!"

Вот и помост перед Стенькой..
Разин бровью не повел,
И на верх он по ступенькам
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор..
И палач, в рубахе красной,
Высоко взмахнул топор..

„Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..“
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКИЙ ГИМН.

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте.
Честь и свободу свою.

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколениях живых.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть мы все казни пройдем.

Если ж погибнуть придется и т. д.

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный забитый народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.

Если ж погибнуть придется и т. д.

Час обновленья настанет,
Воли добьется народ,
Добрый нас словом помянет,
К нам на могилу придет.

Если ж погибнуть придется и т. д.

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...
Служил ты недолго, но честно
Для блага родимей земли...
И мы—твои братья по делу—
Тебя на кладбище снесли...
Наш враг над тобой не глумился...
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...
Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах.
Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись...
С тобою одна нам дорога:
Как ты, мы в острогах сгнем...
Как ты, для народного дела
Мы головы наши несем...
Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новым
Грядущих и доблестных дней...
Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подыметесь мститель суровый,
И будет он нас посильней...

Песня посвящ. замученному в остроге по процессу пропагандистов Чернышеву, освобожденному в 1876 г. за несколько дней до своей смерти.

Песня была любимейшей у В. И. Ленина.

КАЗНЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

Ах, ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, молодецкое!
Всем ты, поле мое, разукрашено,
Лишь одним поле опозорено:
На том поле погост,
На погосте помост
Гладко тесанный, кровью крашенный.
Впереди стоит поп, позади черный гроб
Для мятежника, для колодника.
Где-ж мятежник? А вот!
Он на плаху идет
Гордой поступью, молодецкою...
Он поклон отдает на все стороны:
„Ты прости, мой народ. не сумел послужить!
Не помог я тебе в твоей лютой беде,
И за то отдаю тебе жизнь я свою...
Так казните ж меня“...
Тут на плаху он лег,
Опустился топор и погиб молодец,
И пролил тот топор кровь горячую,
Кровь горячую, неповинную...
И палач кудри взял
И толпе показал
Ту головушку, уж отрубленную.
Вдруг в толпе прошептал:
„Валерьян, Валерьян“!..—
Кто то плачущий. умирающий...

Песня приурочивалась к казни террориста Валерьяна
Осинского и др. в 1879 г.

ДУБИНУШКА.

Много песен слышал я в родной стороне,
Не про радость, про горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем!
Да ухнем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
Мы — к дубине, как к верному средству.

Ой, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем!
Да ухнем!

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затынет родную дубину.

Ой, дубинушка, ухнем и т. д.

Тянет с лесом судно, иль железо кует,
Иль в Сибири руду добывает,
С мукой, с болью в груди одну песню поет,
Про дубину в ней все вспоминает.

Ой, дубинушка, ухнем и т. д.

И на Волге-реке, утопая в песке,
Он ломает и ноги и спину,

Надрывает там грудь и, чтоб легче тянуть,
Все поет про родную дубину.

Ой, дубинушка, ухнем и т. д.

По дороге большой, по большой столбовой,
Что Владимирской сдревле зовется,
Звон цепей раздается глухой, роковой,
И дубинушка стройно несется.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но настанет пора и проснется народ:
Разогнет он могучую спину
И, стряхнув с плеч долой тяжкий гнет вековой,
На врагов сн поднимет дубину...

Ой, дубинушка... и т. д.

МАШИНУШКА.

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина:
И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица-машина.

Эх, машинушка, легче!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим, да смажем,
Да пустим!

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Эх машинушка, легче!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим, да смажем,
Да пустим!

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины;
Правит Русью купец золотою рукой,
Мужиков превратил он в машины.

Эх, машинушка и т. д.

Знать английский урок не пропал — пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина,
Лишь рабочий порой вопрошает с тоской
Что тяжеле: соха иль машина?

Эх, машинушка и т. д.

Без бояр, без дворян оказался наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротина?

Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?

Эх, машинушка и т. д.

Но наш царь не сплошал, он купца обласкал.
И купец ему ныне опора.
А российский мужик уж к машине привык,
Его гложет купецкая свора.

Эх, машинушка и т. д.

Но страшись, грозный царь, мы не будем, как
встарь,

Безответно сносить свое горе.
За волною волна поднялася от сна—
Люд рабочий бушует, как море.

Эх, машинушка и т. д.

Он разрушит в конец твой роскошный дворец
И оставит лишь пепел от трона,
И отнимет в бою он порфиру твою,
И порежет ее на знамена.

Эх, машинушка и т. д.

Фабрикантов-купцов, твоих верных сынов,
Точно пыль он развеет по полю,
И на месте вражды да суровой нужды
Установит он братство и волю.

Эх, машинушка и т. д.

МАРСЕЛЬЕЗА.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы с рабочими вместе пойдем,
И пошлем мы злодеям проклятье,
На борьбу мы их всех позовем.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай, на врагов, брат голодный!
Раздайся клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!..

Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый наш труд;
Нашим потом жиреют обжоры
И последний кусок у нас рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!

Вставай, поднимайся и т. д.

Тебе отдых—одна лишь могила.
Весь свой век—недоимку готовь!
Капитал из тебя тянет жилы,
Царь-вампиp пьет народную кровь.
Ему нужны для войска солдаты—
Подавай же ему сыновей;
Ему нужны пиры и палаты—
Подавай ему крови своей!

Вставай, поднимайся и т. д.

Не довольно-ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря
И Поволжье и дальний Кавказ!
На воров, на собак, на богатых
И на злого вампира-царя.
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!

Вставай, поднимайся и т. д.

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братской любви,
Хоть купили мы страшной ценою—
Кровью нашею—счастье земли.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда!..

Вставай, поднимайся и т. д.

Написана известным революционером-народником
Петром Лавровичем Лавровым, под напев французской
„Марсельезы“, сочиненной французским поэтом Руже-де-
Лиль в 1792 г., в дни 1-ой французской революции.

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе. (2 раза)

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
„Братский союз и свобода“,—
Вот наш девиз боевой. (2 раза)

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,—
Час искупленья пробил. (2 раза)

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей? (2 раза)

Все, чем их держатся троны,—
Дело рабочей руки.
Сами набыем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки. (2 раза)

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды. (2 раза)

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!.. (2 раза)

Песня написана в 1896 г. социал-демократом Леонидом Петровичем Радиным, одним из первых участников рабочего движения в Москве.

ВАРШАВЯНКА.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый, (2 раза)
Марш, марш вперед,
Рабочий народ.

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать.
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать.
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей...

На бой кровавый... и т. д. (2 раза)

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.
Мечь беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям плутократам.
Близок победы торжественный час.

На бой кровавый... и т. д. (2 раза)

„Варшавянка“ впервые появилась в 1861 году и распевалась в Варшаве, как рабочий гимн. В 1905 г. она переработана для пения на русских фабриках.

ПОХОРОННЫЙ МАРШ.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых ..
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

Идете усталые, — цепью гремя, —
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взор устремив
Вперед по пустынной дороге.

А знойное солнце нещадно палит,
И дышится трудно от пыли,
И живо дорогой вы вспомните тех,
Кто прежде, как вы, проходили...

Нагрелися цепи от жгучих лучей
И в тело впились змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями...

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая.
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая.

Падет произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, — вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный.

Похоронный марш является коллективным творчеством старых революционеров. Первое появление его относится к 80-м годам прошлого столетия.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный—
Неумолимо грозный суд. (2 раза)

Лейся вдаль, наш напев, мчись кругом...
Над миром наше знамя веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть. (2 раза)

Лейсь вдаль, наш напев... и т. д.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть, наконец.
Нам будет счастьем труд свободный
И братство даст ему венец. (2 раза)

Лейся вдаль, наш напев... и т. д.

Вперед, друзья. Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна.
Кто скажет буре — „Стой на месте“...
Чья власть на свете так сильна. (2 раза)

Лейся вдаль, наш напев... и т. д.

Долой тиранов. Прочь оковы.
Не нужно старых рабских пут.

Мы путь земле укажем новый—
Владыкой мира будет труд. (2 раза)

Лейся вдаль, наш напев, мчись кругом..
Над миром наше знамя веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Песня в 1905 г. распевалась польскими рабочими.
Переведена на русский язык в 1905 г. Акимовым (Махновец).

ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ.

Мы марсельезы гимн старинный
На новый лад теперь споем,—
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть в песне мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай народ-титан!

Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй.
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:

Пролетарии всех стран и т. д.

Силен наш враг,—буржуазия!
Но вслед за ней, на грозный суд,
Как беспощадная стихия,
Ее могильщики идут...
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,

И низвергнув власть позорный тьмы,
Проложим путь к свободе вечной!

Пролетарии всех стран и т. д.

Не утратит нас бой суровый:
Нарушив наш кровавый пир,
Мы потеряем лишь... оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожайте-ж, жалкие тираны,
Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны!

Пролетарии всех стран и т. д.

В стране, подавленной бесправьем,
Вам слышно ль? Близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан...
Перед зарею пробужденья.
Уже бледнеет ваша тень...
Вперед, на бой! Пред нами день,
Великий день освобожденья!..

Пролетарии всех стран и т. д.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

Мы—пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм—наше красное знамя
И священный наш лозунг - борьба.
Против гедов, охрпиших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел,—пусть оружие берет
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть, иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших миллионы,
Матерей обездоленных плач,
Бедняков искалеченных стоны
Скажут нам, где укрылся палач.
Пусть же знают, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокой расплаты
Кулаку и банкиру—дельцу.

(Припев: Кто честен и т. д.)

Всем насильникам воли народной,
Всем кормившимся нашим трудом,
Всем, кому был статьею доходной
И завод и молитвенный дом,

Всем, чьих прибылей ради разбойных
Наша кровь и текла и течет,—
Умиравшие, гнившие в войнах
Неоплатный пред'явим мы счет.

(Припев)

Нам грозят еще гнусные гады,
Но уж пробил последний их час,
Но не будет в бою им пощады,
Им, не знавшим пощады для нас.
Пусть не знают бойцы состраданья,
Чтобы враг обмануть нас не мог.
На развалинах старого зданья
Возведем мы наш светлый чертог.

(Припев)

Никакая на свете работа
Для мозолистых рук не страшна.
Но ничья от народного пота
Не распухнет уж больше мошна.
Хищный плут будет жадничать втуне,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков!

(Припев)

Против общего злого вампира
Против шайки попов и господ
Встаньте все пролетарии мира,
Обездоленный, черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды!
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!

(Припев)

ЮНОШЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

Всякой радости в жизни лишились
Мы от горя, насилья и бед.
Нашей юности мы и не знали,
Не видали мы солнечный свет.

Угнетали проклятые гады
Малолетних тяжелым трудом,—
Но зато им не будет пощады,
Мы бесследно их выжжем огнем.

Грозою для старого юность идет,
Как свет после тягостной ночи.
Мы—дети крестьян и рабочих,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Яркий светоч великой коммуны
Вспыхнул в мире, зажженном трудом:
Это пламя в сердцах наших юных
Разлилось неудержным огнем.

Нашим старшим великим героям,
Всем, кто миру несет этот свет,
Всем, кто жизнь пролетарскую строит—
Молодежь бросит братский привет.

Грозою для старого юность идет... и т. д.

И когда мы взметнем вместе с ними
Мощной песни победный звук,
Знамя красное гордо мы вынем
Из усталых натруженных рук.

Но пока, без сомнений и дрожи,
Доведем их борьбу до конца.
Эй, дорогу и жизнь молодежи,
Написавшей на юных сердцах:

Грозою для старого юность идет... и т. д.

ЮНОШЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Мы—смерть для гнета и гонений,
Мы—дождь в палящий летний зной,
Мы—грозный гром всегда весенний,
Над льдами скованной землей.
И мы, прорвавшись ручейками,
Из мрачных тюрем и берлог,
Своими юными сердцами
Слились в один большой поток.

Над вселенною встало
Солнце красных идей
Интернационала—
Творцов грядущих дней.

Мы—смена мученикам жизни,
Мы—помощь пламенным борцам,
Мы—свежей крови в жилы брызнем
Коммуны солнечной творцам.
И если дрогнут при ударе
Ряды измученных борьбой,
Восставший юный пролетарий
Подхватит стяг своей рукой.

Над вселенною встало... и т. д.

Мы—цепи пролетарской звенья,
Мы—жизни новые листы,
Мы—символ вечного движенья,
Заря грядущей красоты.
Уж грянул гром над старой ложью,
Весь мир воспрянул ото сна,
Идет с рабочей молодежью
Земли вселенская весна.

Над вселенною встало... и т. д.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперед и тверже шаг,
И выше юношеский стяг.
Мы—молодая гвардия 2 раза
Рабочих и крестьян.

Ведь, сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.
На душах цепь носили мы,
Наследье непроглядной тьмы.
Мы—молодая гвардия 2 раза
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работу—
Богатство для других.
Но этот труд в конце-концов
Из нас же выковал борцов
И молодую гвардию 2 раза
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя.
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда.
Чтоб Труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял— 2 раза
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Пер. с нем. А. Безыменского.

Ф. ШКУЛЕВ.
Пролетарский поэт.
Род. в 1868 г.

КУЗНЕЦЫ.

Мы—кузнецы, и дух наш молод,
Кuem грядущего ключи,
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи.

Мы—кузнецы страны рабочей,
Мы только лучшего хотим,
И, ведь, не даром мы тратим силы,
Не даром молотом стучим.

Ведь, после каждого удара
Редееет мрак, слабеет гнет,
И в городах земного шара
Рабочий люд встает, встает.

Кuem мы счастье народу,
Мы вольный труд ему куем,
И за желанную свободу
Мы все боролись и умрем.

Мы—кузнецы, и дух наш молод,
Кuem грядущего ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

КРАСНАЯ ВИНТОВКА.

Много вынес невзгод наш несчастный народ,
Гнул веками пред барами спину,
Злые муки терпел и в отчаяньи пел
Заунывную песнь про дубину:

„Эй, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет,
Сама пойдет, сама пойдет,
Подернем, подернем
Да ухнем“.

Но дождались мы дней, стал народ поумней
И, простившись с рабской сноровкой,
На проклятых господ, об'явивши поход,
Не с дубиной идет, а с винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем.

Мироедская рать хочет нас покарать,
Руки, ноги связать нам веревкой,
Но—то в холод, то в жар раз'ярившихся бар
Перед красной кидает винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем и т. д.

В деревнях кулаки собирали полки
Для поддержки помещичьей своры,

Бедняки, кулакам наложив по бокам,
Бар последней лишили опоры.

Эй, винтовочка ухнем и т. д.

Стали баре скулить, бар заморских молить:
„Ой, верните нам землю и банки“!
Англичанин, француз, заключивши союз,
Присылают им войско и танки.

Эй, винтовочка .. и т. д.

Англичанин — хитрец, но народ наш — мудрец,
И плюет он на вражьи уловки.
Танки вязнут в снегу, — мы ж лихому врагу
Пулю в лоб шлем из меткой винтовки.

Эй, винтовочка... и т. д.

Для банкирской мощны наши ружья страшны,
Но страшней наша вольная воля;
Мы за волю свою станем грудью в бою:
Смерть милей нам, чем рабская доля.

Эй, винтовочка... и т. д.

Мы пощады не ждем: иль в бою все падем,
Иль врагов уничтожим всех с корнем.
Ради светлых годин, братья, все как один,
Общей силою ухнем — подернем.

Эй, винтовочка... и т. д.

В. КНЯЗЕВ.
Современный поэт.

ПЕСНЯ КОММУНЫ.

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда.
Рок капризный не властен над нами.
Никогда, никогда,
Никогда, никогда!
Коммунары не будут рабами!
Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга.
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга.
Славен красный наш род,
Жив свободный народ—
Все идут под знамена Коммуны!
Гей, враги у ворот!
Коммунары—вперед!
Не страшны нам лихие буруны!
Враг силен? Не беда!—
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами.
Никогда, никогда, и т. д.
Коль не хватит солдат,
Старики станут в ряд,
Будут дети и жены бороться:
Всяк солдат рядовой,

Сын семьи трудовой,
Все, в ком сердце мятежное бьется.
Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда, никогда... и т. д.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ¹⁾.

1. Акульшин, Родион
Тилиграмма 448.
2. Александровский, В.
Кузнец 191, Душа, кричи громче 240, В огне 319,
Молодежи 412, Кузница при дороге 527.
3. Амелин, Федор
Два дня 436.
4. Асеев, Н.
Конная Буденного 323, Первое мая 371, Кумач
369, Реквием 439.
5. Арский, П.
Песнь о молоте 192.
6. Байрон
Из Чайльд-Гарольда 15.
7. Бальмонт, К.
Царь-ложь 166, Весенний клич 241.
8. Барбье, О.
На баррикаде 133.
9. Бартель, Макс
Знамена 373.
10. Басов-Верхоянцев.
Старый плотник 347, Урожай 511.
11. Бедный, Демьян
Лена 197, Пушка и соха 198, Главная улица 273,
Клятва Зайнет 304, Май 392, Господская тень 393,
Юной Гвардии 402, Клад 500, Урожай 504, Попы-
трутни — живут на плутни 505, Коммунары 507,
Кларнет и рожок 531, Сон 532, Хозяин 524,
Свеча 535, На что покойнику сапоги 536, В
монастыре 537, Богомолка 538, Крещение 539,
Пауки и мухи 541, Церковная служба 542, Тит-
Лодырь 544, Вошь 546, Красная винтовка 596.
12. Безыменский, А.
Фабзаяц Май 378, Боевая-Ленинская 435, Парт-
билет 447, О валенках 484.

¹⁾ Цифры указывают страницу, на которой помещено стихотворение.

13. Беранже
Сон бедняка 26.
14. Бердников, Я.
Никогда 279.
15. Бехер, Иоганн
У могилы Ленина 444.
16. Блок, А.
Скифы 244, Двенадцать 283.
17. Брюсов, В.
Каменщик 184, Освобожденная Россия 242, Нам
проба 294, К русской революции 295, Серп и
молот 348, После смерти Ленина 450.
18. Буке (Куйба), М.
Красное солнце 68.
19. Бялик, Х. Н.
Сказанье о погроме 155.
20. Вербовчанин
Петру Алексееву 103.
21. Верхарн, Э.
Банкир 124, Трибун 127, Восстанье 134, Голова
140, Мятаж 247, Девушки 513, Ветер 515.
22. Волков, М.
Господь спит 564.
23. Вяткин, Г.
Великая Москва 177.
24. Газенклевер, В.
Политический поэт 237.
25. Гартман, Морис
Белое покрывало 48.
26. Гастев, А.
Гудки 199, Рельсы 200, Мы растем из железа
296, Башня 343.
27. Гейне, Г.
Ткачи, 41.
28. Герасимов, Мих.
Мы 202, Песнь о железе 203, Первое мая 375,
Октябрь 499, Деревня 517.
29. Гервег, Г.
Песнь о ненависти 51.
30. Гольц Миллер, И.
Слушай 109.
31. Городецкий, С.
Кофе 210, Энергон 351, Деревенская Коммуна
509, Обновление куполов 561.
32. Горький, М.
Буревестник 148, Песня о Соколе 151.
33. Гуд, Томас
Песня о рубашке 18, Песня о работнике 21.

34. Гурбан, И.
Самсон 47.
35. Гюго, В.
Расстрелянные 42, На баррикаде 141.
36. Добролюбов, Н. А.
Еще работы в жизни много 83.
37. Дорогойченко, А.
На завод 474.
38. Доронин, И.
Утро в хате 519, Весенняя любовь 521.
39. Дюамель, Ж.
Баллада о солдатской смерти 232.
40. Дюпон, П.
Песнь рабочих 63, Песнь о хлебе 65.
41. Есенин, С.
Товарищ 263.
42. Жаров, А.
Встаю в ряды 318, Первомай 376. 2 сентября 404,
Наш день 414, На смерть Ленина 431, Лесу 524.
43. Жуй, Жюль
Песня углекопов 70, Дочь рабочего 72, Песнь
стачки 74.
44. Заревой, С.
Портной и ряса 551.
45. Земляк, Д.
Молитва 563.
46. Инбер, В.
Пять ночей и дней 438.
47. Ионов, И.
Цветы казненных 185, Красный Кормчий 421.
48. Иркутов, А.
Октябрь 280, О двадцатом 328, Красноармеец
Петр Петров 330, На смерть Ленина 441.
49. Каляев, И.
Пусть грянет бой 171.
50. Казин, В.
Эпоха 311, Силится солнце мая 379, Ленин 423,
Каменщик 478, Рубанок 479.
51. Каменский, В.
Стенька Разин 258.
52. Катаев, В.
*** (Жестокою стужу костры сторожили...) 443.
53. Кириллов, Вл.
9 января 165, Грядущему 205, Мы 206, Шаги 270,
К нам, кто сердцем молод 298, Матросам 325,
Железный Мессия 362, Первомай 380, Памяти
Карла Маркса 381, Молодежи 411, Памятник
труда 457, Красный Кремль 458.
54. Князев, В.
Песня коммуны 600.

55. Конопницкая, М.
Смерть Стаха 122, Вольный рабочий 123.
56. Крайский, А.
Слава вольному труду 208.
57. Крамсу, К.
Илька 112.
58. Купала, Янко
Кто ты 157.
59. Лелевич, Г.
Баллада об интернационалисте Штейне 332.
60. Лермонтов, М.
На смерть Пушкина 38.
61. Лиль, Р.
Марсельеза 9.
62. Логинов, И.
В библиотеке 476.
63. Лонгфелло, Г.
Невольник в проклятом болоте 59.
64. Макаров, А.
В парикмахерской 488, Веселый столяр 489.
65. Малашкин, С.
Пролетариат 462.
66. Мак-Кэй, Клод
Призыв 301.
67. Маяковский, В.
Революция 249, Наш марш 256, Левый марш 299, Третий Интернационал 382, Комсомольский марш 405, Бюллетень 425, Интернациональная басня 552, Сказка о Красной шапочке 553, Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без ума 554, Прозаседавшиеся 559.
68. Мартине, Марсель
Ты идешь сражаться 227.
69. Михайлов, М.
На смерть Добролюбова 84, Народовольческий гимн 576.
70. Минский, Н.
Гимн рабочих 175.
71. Мицкевич, А.
Из поэмы „Дзяды“ (Друзьям-москалям) 36.
72. Моррис, В.
День 1 мая 1891 г. 361.
73. Негри, А.
Привет 119, Мать 120.
74. Некрасов, Н.
Из поэмы „Русские женщины“ 31, Железная дорога 86, Песня Еремушки 90, Размышления у парадного под'езда 93, Орина, мать солдатская 97, Пророк (Н. Г. Чернышевский) 101, Смолкли честные 102.

75. Нечаев, Е.
На заре 498.
76. Никитин, И.
Медленно движется время 76. Пророчество 78.
77. Огарев, Н.
Прометей 79.
78. Обрадович, С.
Жан 143, 1905 год 176, Ленское золото 196,
Шахтер 209, Атака 234. Негр в Москве 308.
Узловая 326. Завод 353. Сдвиг 368. Ленинмай 384.
Молотобоец 386. Вождь 427, Мавзолей 451.
Тысяча девятьсот восемнадцатый год 460. Плот-
ник 490, В дороге 493, Изба 496.
79. Одоевский, А.
Ответ Пушкину 35.
80. Оков, С.
Бей молотом 355.
81. Орешин, П.
Девятое января 158, Тройка 267. Без царя 268,
Солнечная песнь 302. Поезд 356. На первое
мая 389, Песня веселого стекольщика 482, ДЕРЕ-
венский учитель 495.
82. Петефи
Боевая песня 56. В шинке 57.
83. Плещеев, А.
Вперед без страха и сомненья 81.
84. Полетаев, Н.
Красная площадь 303, Ленин 454, Аэроплан и
воробей 486.
85. Полонский, Я.
Что мне она 106.
86. Полонская, Е.
Пионеры 408.
87. Поморский, А.
Рабочий дворец 214.
88. Потье, Э
Международный рабочий гимн 7.
89. Праскунин, М.
Не сберешь мечты в вязанку 569.
90. Приходченко, Евгений
Имя одно 334.
91. Пушкин, А.
Кинжал 29. Послание к Чаадаеву 33, Послание
в Сибирь (декабристам) 34.
92. Радимов, П.
Пахарь 528.
93. Райнис
Сосны 187.
94. Рапписарди, М.
Рудокопы 114.

95. Ришпен, Ж.
Свинья 118.
96. Родов, С.
Молодой Апрель 480.
97. Ротштейн, Ф.
Трое 349, Наш герб 357.
98. Рыбацкий, Н.
Призыв 399.
99. Рылеев, К.
Свободы гордой вдохновенье 28.
100. Садофьев, И.
Кровавые цветы 181, В заводе 215, В литейной
мастерской 217, Радость 466, Утренняя молитва
468.
101. Самобытник
Девятое января 167, Красный цветок 183, Новому
товарищу 220, Завет 340, Пролетарий 350, В лесу
367, Жертвы вечерние 475, Урожай 512.
102. Санников, Г.
Первомайский салют 390, Железное восстание
464, Смерть вождя 429.
103. Семеновский, Д.
Товарищ 174.
104. Серебрянский, М.
Коммуна 138.
105. Скиталец (Петров)
Четверо 180.
106. Сологуб, Ф.
Искала дочь 178, Песня швеи 194.
107. Суриков, И.
Трудящемуся брату 116, Казнь Стеньки Разина
573.
108. Тарасов, Е.
В глухую январьскую ночь 172, Дерзости слава
173, Мы сошлись в лесу глухом 365.
109. Тихомиров, Н.
Деревенский кулак 494.
110. Тихонов, Н.
Баллада о синем пакете 335, Перекоп 337,
Сами 415.
111. Толстой, А.
Колодники 111.
112. Третьяков, С.
Молодежи 400, Молодая Гвардия 407, РКСМ 410,
Мы помним 433.
113. Туманный, Д.
Молодежи весенний привет 413.

114. Тургенев, И.
Порог 107.
 115. Уитмен, У.
Бей, бей, барабан 61, Зачинатели 62, Не скорб-
ным, бессильным 397.
 116. Филиппченко, И.
Кузнец 222, Бой барабана 315. Привет вам 364.
 117. Фрейлиграт, Ф.
Снизу вверх 53.
 118. Хохлов, К.
Песнь печатного станка 470.
 119. Цензор, Д.
Их расстреляли 182.
 120. Четвериков, Д.
Дровосеки 525.
 121. Шамиссо, А.
Молитва вдовы 45.
 122. Шевченко, Т.
Хотя лежачих и не бьют 85.
 123. Шелли
Песнь к британцам 16.
 124. Шерр
Песнь о верном товарище плотнике 212.
 125. Ширяевец, А.
Стенька Разин 257.
 126. Шкулев, Ф.
Кузнецы 597.
 127. Щепкина-Куперник, Т.
На родине 169.
 128. Эллиот, Э.
Семья английского пролетария 24.
 129. Эркин, Е.
У мавзолея Ленина 453.
 130. Юрин, А.
Мой стих 339.
 131. Якубович, П. (П. Я.)
В море 117, Восемь часов 147.
 132. Якубовский, Г.
Русло труда 221.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От составителя	3
1. Международный рабочий гимн Э. Потье. Перев. А. Бронина	7
I. Из мглы.	
2. Руже де Лиль. Марсельеза. Перев. Ладыженского.	9
3. Карманьола. Перев. Вл. Василенко	12
4. Байрон. Из „Чайльд Гарольда“. Перев. С. А. Ильина.	15
5. Шелли. Песнь к британцам. Перев. К. Бальмонта.	16
6. Томас Гуд. Песнь о рубашке. Перев. А. Михайлова.	18
7. „ „ Песнь работника. Вольный перевод И. А. Бунина	21
8. Эбинезер Эллиот. Семья английского пролетария. Перев. К. Бальмонт	24
9. Беранже. Сон бедняка. Перев. Курочкина	26
10. К. Рылеев. Свободы гордой влхновенье	28
11. А. Пушкин. Кинжал	29
12. Н. Некрасов. Из поэмы „Русские женщины“	31
13. А. Пушкин. Послание к Чаадаеву	33
14. „ „ В Сибирь (Декабристам)	34
15. А. Одоевский. Ответ Пушкину	35
16. А. Мицкевич. Из поэмы „Дзяды“. (Друзьям-моска- лям). Перев. В. Фишер	36
17. М. Лермонтов. На смерть Пушкина	38
18. Г. Гейне. Ткачи. Перев. М. Михайлова	41
19. Винтор Гюго. Расстрелянные. Перев. М. Волошина.	42
20. А. Шамиссо. Молитва вдовы. Перев. Барыковой	45
21. И. Гурбан. Самсон. Перев. В. Смирнова	47
22. Морис Гартман. Белое покрывало. Перев. М. Михай- лова	48
23. Г. Гервег. Песнь о ненависти. Перев. Л. Уманца.	51
24. Ф. Фрейлиграт. Снизу наверх. Перев. М. Зенкевича.	53
25. А. Петефи. Боевая песня. Перев. С. Травинова	56
26. „ „ В шинке	57
27. Г. Лонгфелло. Невольник в проклятом болоте. Пе- рев. М. Михайлова	59
28. У. Уитмен. Бей, бей, барабан. Перев. К. Чуков- ского	61

29.	У. Уитмен. Зачинатели	62
30.	П. Дюпон. Песнь рабочих. Перев. С. Заяцкого	63
31.	„ „ Песнь о хлебе. Перев. Л. Остроумова	65
32.	М. Буно (Куйба). Красное солнце. Перев. А. Луначарского	68
33.	Жюль Жуй. Песня углекопов. Перев. с франц.	70
34.	„ „ Дочь рабочего.	72
35.	„ „ Песня стачки	74
36.	И. Никитин. Медленно движется время	76
37.	И. Никитин. Пророчество	78
38.	Н. Огарев. Прометей	79
38.	А. Н. Плещеев. Вперед, без страха и сомненья	81
40.	Н. А. Добролюбов. Еще работы в жизни много	83
41.	М. Михайлов. На смерть Добролюбова.	84
42.	Т. Шевченко. Хотя лежачих и не бьют.	85
43.	Н. Некрасов. Железная дорога	86
44.	„ „ Песня Еремушки	90
45.	„ „ Размышление у парадного под'езда	93
46.	„ „ Орина, мать солдатская	97
47.	„ „ Пророк (Н. Г. Чернышевский)	101
48.	„ „ Смолкли честные	102
49.	Вербовчанин. Петру Алексею	103
50.	Я. Полонский. Что мне она	106
51.	И. Тургенев. Порог	107
52.	И. Гольц-Миллер. Слушай	109
53.	А. Толстой. Колодники	111
54.	К. Крамсу. Илька. Пер. Б	112
55.	М. Рапписарди. Рудокопы	114
56.	И. Суриков. Трулящемуся брату	116
57.	П. Я. (Якубович). В море	117
58.	Ж. Ришпен. Свинья. Пер. А. Барыковой	118
59.	А. Негри. Привет. Пер. А. Федорова	119
60.	„ „ Мать. Пер. В. Шулятикова	120
61.	М. Конопницкая. Смерть Стаха	122
62.	„ „ Вольный рабочий	123
63.	Э. Верхарн. Банкир. Пер. В. Брюсова	124
64.	„ „ Трибун. Пер. В. Брюсова	127

II. Парижская Коммуна.

65.	О. Барбье. На баррикаде. Пер. Курочкина	133
66.	Э. Верхарн. Восстание. Пер. В. Брюсова	134
67.	М. Серебрянский. Коммуна	136
68.	Э. Верхарн. Голова. Пер. В. Брюсова	140
69.	В. Гюго. На баррикаде. Пер. Т. Френкель	141
70.	С. Обрадович. Жан	143

III. 1905 год.

(Канун 1905 г., 9 января и декабрьское восстание).

71.	П. Якубович. Восемь часов	147
72.	М. Горький. Буревестник	148
73.	„ „ Песня о Соколе	151

74. Х. Н. Бялин. Сказание о погроме. Пер. В. Жаботинского	155
75. Янко Купала. Кто ты. Пер. Ашукина	157
76. П. Орешин. Девятое января	158
77. Н. Рыбацкий. Девятое января	163
78. В. Кириллов. Девятое января	165
79. К. Бальмонт. Царь-Ложь	166
80. Самобытник. Девятое января	167
81. Т. Щепкина—Куперник. На родине	169
82. И. Каляев. Пусть грянет бой	171
83. Е. Тарасов. В глухую январскую ночь	172
84. „ „ Дерзости слава	173
85. Д. Семеновский. Товарищ	174
86. Н. Минский. Гимн рабочих	175
87. С. Обрадович. 1905 год.	176
88. Г. Вяткин. Великая Москва	177
89. Ф. Соллогуб. Искали дочь	178
90. Сниталец (Петров). Четверо	180
91. И. Садофьев. Кровавые цветы	181
92. Д. Цензор. Их расстреляли	182
93. Самобытник. Красный цветок	183
94. В. Брюсов. Каменщик	184
95. И. Ионов. Цветы казненных	185
96. Райнис. Сосны. Пер. В. Брюсова	187

IV. Труд-борьба.

97. В. Александровский. Кузнецы	191
98. П. Арский. Песнь о молоте	192
99. Ф. Соллогуб. Песня швеи.	194
100. С. Обрадович. Ленское золото	196
101. Д. Бедный. Лена	197
102. „ „ Пушка и соха	198
103. А. Гастев. Гудки	199
104. „ „ Рельсы	200
105. М. Герасимов. Мы	202
106. „ „ Песнь о железе	203
107. В. Кириллов. Грядущему	205
108. „ „ Мы	206
109. А. Крайский. Слава вольному труду	208
110. С. Обрадович. Шахтер	209
111. С. Городецкий. Кофе	210
112. Шерр. Песнь о верном товарище плотнике	212
113. А. Поморский. Рабочий дворец	214
114. И. Садофьев. В заводе	215
115. „ „ В литейной мастерской	217
116. Самобытник. Новому товарищу	220
117. Г. Якубовский. Русло труда	221
118. И. Филипченко. Кузнец	222

V. Революция. Февраль.

(Империалистическая война—февраль 1917 г.)

119. Марсель. Мартин. Ты идешь сражаться. Пер. А. Эфрос.	227
120. Ж. Дюамель. Баллада о солдатской смерти. Пер. А. Эфрос	232

121. С. Обрадович. Атака	234
122. В. Газенилев. Политический поэт. Пер. А. Луначарского	237
123. В. Александровский. Душа, кричи громче	240
124. К. Бальмонт. Весенний клич	241
125. В. Брюсов. Освобожденная Россия	242
126. А. Блок. Скифы	244
127. Э. Верхарн. Мятаж. Пер. В. Брюсова	247
128. В. Маяковский. Революция	249
129. " " Наш марш	256
130. А. Ширяев. Стенька Разин	257
131. В. Каменский. Стенька Разин	258
132. С. Есенин. Товарищ	263
133. П. Орешин. Тройка	267
134. " " Без царя	268
135. В. Кириллов. Шаги	270

VI. Октябрь

136. Д. Бедный. Главная улица	273
137. Я. Бердников. Никогда	279
138. А. Иркутов. Октябрь	280
139. А. Блок. Двенадцать	283
140. В. Брюсов. Нам проба	294
141. " " К русской революции	295
142. А. Гастев. Мы растем из железа	296
143. В. Кириллов. К нам, кто сердцем молод	298
144. В. Маяковский. Левый марш	299
145. Клод Ман-Ней. Призыв. Пер. П. Охрименко	301
146. П. Орешин. Солнечная песнь	302
147. Н. Полетаев. Красная площадь	303
148. Д. Бедный. Клятва Зайнет	304
149. С. Обрадович. Негр в Москве	308
150. В. Казин. Эпоха	311

VII. Красная Армия.

151. И. Филипченко. Бой барабана	315
152. А. Жаров. Встаю в ряды	318
153. В. Александровский. В огне	319
154. Н. Асеев. Конная Буденного	323
155. В. Кириллов. Матросам	325
156. С. Обрадович. Узловая	326
157. А. Иркутов. О двадцатом	328
158. А. Иркутов. Красноармеец Петр Петров	330
159. Г. Лелевич. Баллада об интернационалисте Штейне	332
160. Евгений Приходченко. Имя одно	334
161. Н. Тихонов. Баллада о синем пакете	335
162. Н. Тихонов. Перекоп	337
163. С. Юрин. Мой стих	339
164. Самобытний. Завет	340

VIII. С. С. С. Р.

165. А. Гастев. Башня	343
166. С. Басов-Верхоянцев. Старый плотник	347
167. В. Брюсов. Серп и молот	348
168. А. Ротштейн. Трое	349
169. Самобытний. Пролетарий	350
170. С. Городецкий. Энергон	351
171. С. Обрадович. Завод	353
172. С. Оков. Бей молотом	355
173. П. Орешин. Поезд	356
174. А. Ротштейн. Наш герб	357

IX. Первое мая—РКП—Интернационал.

175. В. Моррис. День 1-го мая 1891 г. Пер. С. Заяцкого.	361
176. В. Кириллов. Железный Мессия	362
177. И. Филипченко. Привет вам	364
178. Е. Тарасов. Мы сошлись в лесу густом	365
179. Самобытний. В лесу	367
180. С. Обрадович. Сдвиг	368
181. Н. Асеев. Кумач	369
182. Н. Асеев. Первое мая	371
183. Макс Бартель. Знамена	373
184. М. Герасимов. 1 мая	375
185. А. Жаров. Первомай	376
186. А. Безыменский. Фабзаяц Май	378
187. В. Казин. Силится солнце мая	379
188. В. Кириллов. Первомай	380
189. " " Памяти Карла Маркса	381
190. В. Маяковский. Третий Интернационал	382
191. С. Обрадович. Ленинмай	384
192. " " Молотобоец	386
193. П. Орешин. На первое мая	389
194. Г. Санников. Первомайский салют	390
195. Д. Бедный. Май	392
196. " " Господская тень	393

X. Смена.

197. У. Уитмен. Не скорбным, бессильным	397
198. Н. Рыбацкий. Призыв	399
199. С. Третьяков. Молодежи	400
200. Д. Бедный. Юной гвардии	402
201. А. Жаров. 2 Сентября	404
202. В. Маяковский. Комсомольский марш	405
203. С. Третьяков. Молодая гвардия	407
204. Елизавета Полонская. Пионеры	408
205. С. Третьяков. Р. К. С. М.	410
206. В. Кириллов. Молодежи	411
207. В. Александровский. Молодежи	412

208.	Д. Туманный. Молодежи весенний привет	413
209.	А. Жаров. Наш день	414
210.	Н. Тихонов. Самы	415

XI Ленин.

211.	И. Ионов. Красный кормчий	421
212.	Василий Назин. Ленин	423
213.	В. Маяковский. Бюллетень	425
214.	С. Обрадович. Вождь	427
215.	Г. Санников. Смерть вождя	429
216.	А. Жаров. На смерть Ленина	431
217.	С. Третьяков. Мы помним	433
218.	А. Безыменский. Боевая—ленинская	435
219.	Федор Амелин. Два дня	436
220.	В. Инбер. Пять ночей и дней	438
221.	Н. Асеев. Реквием	439
222.	Андрей Иркутов. На смерть Ленина	441
223.	Валентин Катаев. * (Жестокую стужу костры сторожили)	443
224.	Иоганнес Бехер. У могилы Ленина	444
225.	А. Безыменский. Парт-билет	447
226.	Родион Анульшин. Тилиграмма	448
227.	В. Брюсов. После смерти Ленина	450
228.	С. Обрадович. Мавзолей	451
229.	Евсей Эрник. У мавзолея Ленина	453
230.	Н. Полетаев. Ленин	454

XII. Город.

231.	В. Кириллов. Памятник труда	457
232.	„ „ Красный Кремль	458
233.	С. Обрадович. 1918 год	460
234.	С. Малашкин. Пролетариат	462
235.	Г. Санников. Железное восстание	464
236.	И. Садофьев. Радость	466
237.	„ „ Утренняя молитва	468
238.	Н. Хохлов. Песнь печатного станка	470
239.	А. Дорогойченко. На завод	474
240.	Самобытний. Жертвы вечерние	475
241.	И. Логинов. В библиотеке	476
242.	В. Назин. Каменщик	478
243.	„ „ Рубанок	479
244.	С. Родов. Молодой Апрель	480
245.	П. Орешин. Песнь веселого стекольщика	482
246.	А. Безыменский. О валенках	484
247.	Н. Полетаев. Аэроплан и воробей	486
248.	А. Макаров. В парикмахерской	488
249.	„ „ Веселый столяр	489
250.	С. Обрадович. Плотник	490

XIII. Деревня.

251.	С. Обрадович. В дороге	493
252.	Н. Тихомиров. Деревенский кулак	494

253.	П. Орешин.	Деревенский учитель	495
254.	С. Обradoвич.	Изба	496
255.	Е. Нечаев.	На заре	498
256.	М. Герасимов.	Октябрь	499
257.	Д. Бедный.	Клад	500
258.	" "	Урожай	504
259.	" "	Поны-трутни—живут на плутни	505
260.	" "	Коммунары	507
261.	С. Городецкий.	Деревенская коммуна	509
262.	С. Басов-Верхоянцев.	Урожай	511
263.	Самобытник.	Урожай	512
264.	Э. Верхари.	Девушки	513
265.	" "	Ветер	515
266.	М. Герасимов.	Деревня	517
267.	И. Доронин.	Утро в хате	519
268.	" "	Весенняя любовь	521
269.	А. Жаров.	В Лесу	524
270.	Д. Четвериков.	Дровосски	525
271.	В. Александровский.	Кузница при дороге	527
272.	П. Радимов.	Пахарь	528

XIV. Сатира.

273.	Д. Бедный.	Кларнет и рожок	531
274.	" "	Сон	532
275.	" "	Хозяин	534
276.	" "	Свеча	535
277.	" "	На что покойнику сапоги	536
278.	" "	В монастыре	537
279.	" "	Богомолка	538
280.	" "	Крещение	539
281.	" "	Пауки и мухи	541
282.	" "	Церковная служба	542
283.	" "	Тит-лодырь	544
284.	" "	Вошь	546
285.	С. Заревой.	Портной и ряса	551
286.	В. Маяковский.	Интернациональная басня	552
287.	" "	Сказка о красной шапочке	553
288.	" "	Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума	554
289.	" "	Прозаседавшиеся	559
290.	С. Городецкий.	Обновление куполов	561
291.	Д. Земляк.	Молитва	563
292.	М. Волков.	Господь спит	564
293.	М. Праскунин.	Не сберешь мечты в вязанку	569

XV. Революционные песни.

294.	Казнь Стеньки Разина.	И. Сурикова	573
295.	Народовольческий гимн.	М. Михайлова	576
296.	Казнь революционера		578
297.	Дубинушка		579

298.	Машинушка	581
299.	Марсельеза	583
300.	Смело, товарищи, в ногу	585
301.	Варшавянка	586
302.	Похоронный марш	587
303.	Красное знамя	588
304.	Песнь пролетариев	590
305.	Коммунистическая марсельеза	592
306.	Юношеская марсельеза	594
307.	Юношеский Интернационал	595
308.	Молодая Гвардия	596
309.	Кузнецы. Ф. Шкулева	597
310.	Красная винтовка. Демьяна Белного	598
311.	Песня коммуны. В. Князева	600
	Указатель авторов	603

Издательство ВЦСПС.

Художественная серия по рабочему и профессиональному движению.

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

1. Под землей.—Сборник из жизни углекопов разных стран.
2. Э. Пулл.—Гавань. Из жизни рабочих Нью-Йоркского порта.
3. Либинехт.—Рыцари Труда. Из жизни первой организации американских рабочих.
4. У. Синклер.—Король-уголь. Движение углекопов Америки.
5. Келлерман.—Туннель. (Подвиг труда).
6. Э. Золя.—Западня. Контрасты труда и капитала.
7. У. Синклер.—Самуэль-искатель. Из борьбы против капиталистического общества.
8. Г. Манн.—Обездоленные. Роман из жизни немецких рабочих.
9. У. Синклер.—Джимми Хиггинс. Из истории революционного рабочего движения современной Америки.
10. Эдвардс.—Товарищ Иетта. Из жизни рабочего и профессионального движения Америки.
11. Э. Золя.—Труд. Из рабочего движения Франции.
12. Н. Ляшко.—Рабочие рассказы. (Рабочая Россия наших дней).
13. Сборник стихотворений (к 1 мая в клубах).
14. Л. Сянтт.—Секретарь профсоюза. Из рабочего и профессионального движения Англии.
15. Труд и борьба. Сборник художественных произведений, посвященный профдвижению Америки, Англии, Франции, Германии, России и друг. стран.
16. Ф. Боровский.—Рабочие рассказы (из жизни типографских рабочих).
17. А. Гастев.—Поэзия рабочего удара.
18. Андерсен-Ненсе.—Великая борьба. Роман из датского профессионального движения.
19. А. Серафимович.—На заводе. Сборник рабочих рассказов из разных отраслей труда.
20. Р. Трессол.—Оборванные филантропы. Роман из жизни английских рабочих.
21. Рони.—Красная волна. Роман из жизни французских профсоюзов.
22. А. Кларк.—28 из Рочдел (из эпохи чартизма).
23. Э. Золя.—Париж. Роман из истории столкновения рабочего с буржуазной Францией.
24. А. Бибин.—На черной полосе (из рабочего движения в годы реакции).
25. В. Вересаев.—Два конца. Роман из жизни ремесленников конца прошлого века.

26. Из искры пламя.—Чтец-декламатор. Пособие для клубной работы.
27. А. Чапыгин.—Федька-минога. Рассказы из жизни ленинградских рабочих до 1914 г.
28. Критская. Жизнь и быт рабочих Франции.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

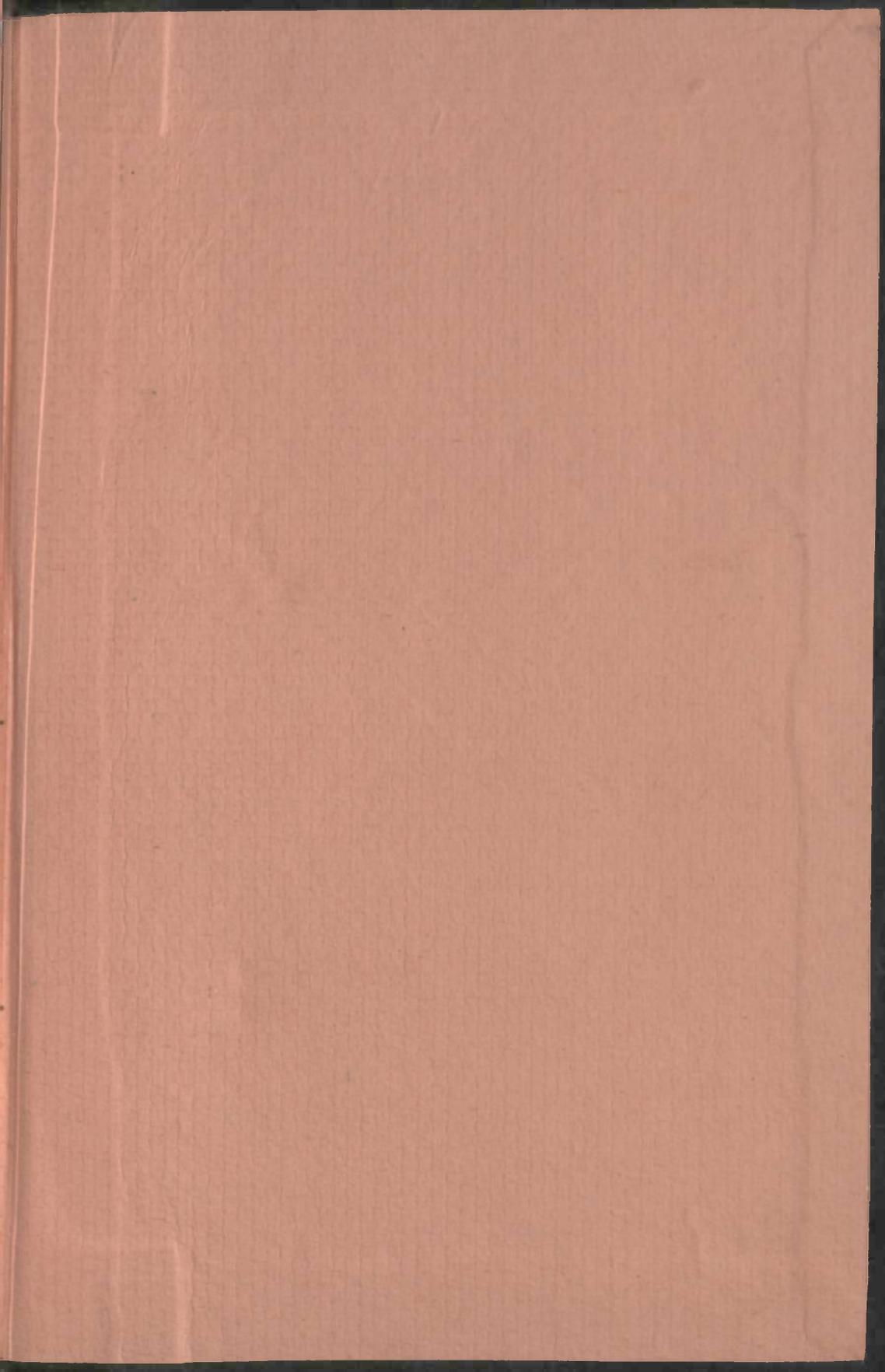
29. А. Бирик.—К широкой дороге. (Из эпохи рабоч. движения до 1905 г.).
30. Дж. Лондон.—В плену. (Сокр. перев. ром. „Мартин Идэн“).
31. „ — Железная пята. Роман.
32. Б. Ибаньес.—На виноградниках. (Бodega). Роман из жизни испанских рабочих виноградарей.
33. А. Гмырев.—За решеткой. Стихи, проза, биография.
34. В. Гюго—93-й год. Роман из эпохи Великой Французской Революции.
35. Шоу Десмонд.—Красный посев. Роман.
36. Э. Золя.—Углекопы. Роман из жизни горнорабочих Франции.
37. Вс. Иванов.—Бронепоезд № 14—69. Повесть из эпохи гражданской войны в Сибири.
38. Шарль де-Костер—Тиль Уленшпигель. Роман.
39. Н. Ляшко.—Крепнущие крылья. Рабочие рассказы.
40. С. Под'ячев.—Забутые. Повесть из жизни ремесленников до 1905 г.
41. А. Серафимович.—Железный поток. Повесть из эпохи борьбы с белыми в 1919 г. на Кавказе.
42. Театр в клубе. Сборник пьес для рабочего клуба.
43. Б. Неллерман.—9-е ноября. Роман.
44. Ч. Динненс.—Два города. Роман.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. Критская.—Жизнь и быт рабочих Германии.
2. М. Горький.—Рабочие рассказы.

Склад изданий.

Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, РИО ВЦСПС.

Цена 2 р. 70 к.

2-70

Издательство ВЦСПС.

Москва, Солянка 12. Дворец Труда.

Тел. № 5 08-32.

Книжный магазин:

Кузнецкий Мост, д. № 14 (уг. Рождественки).

Северо-западное областное отделение:

Ленинград, Проспект Володарского, 56.